Ф. ХРАМОВ

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1914 г.

ВОЕНИЗДАТ — 1940

ПОЛКОВНИК
Ф. ХРАМОВ

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1914 г.

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1940

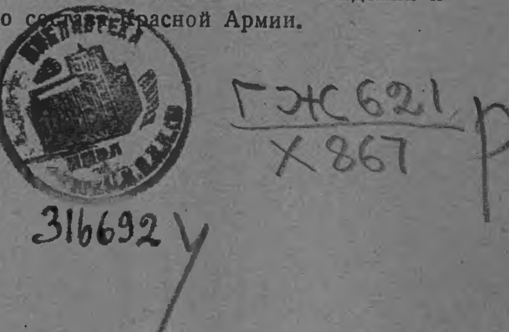
Полковник Ф. ХРАМОВ

ВОСТОЧНО - ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1914 г.

Оперативно-стратегический очерк

В сжатом виде автор дает изложение начальной операции 1-й мировой войны на русском фронте, развернувшейся между 1-й и 2-й русскими и 8-й германской армиями в Восточной Пруссии. Главное внимание обращено автором на исследование оперативно-стратегической стороны действий войск и работы русского и германского командований.

Книга предназначается для военных академий и начальствующего состава Красной Армии.

Редактор *В. Е. Белолипецкий*. Техн. редактор *Н. Н. Горбунова*.
Корректоры *А. Е. Бондаренко*, *Р. М. Смирнова*

Сдано в производство 21.1.40 Подписано к печати 25.5.40
Формат бум. 60×90 1/16. Объем 7 п. л. + 8 вкл. = 2 п. л.,
9,7 уч.-авт. л. Уполн. Главлита № Г—12894 Изд. № 75 Зак. № 325
Цена книги 1 р. 75 к., переплета № 7 1 р. 50 к.

Набрано во 2-й типографии Гос. воен. изд-ва НКО СССР
им. Клима Ворошилова, Ленинград, ул. Герцена, д. 1

Отпечатано с матриц в типографии «Красный Печатник».
Ленинград, Международный пр. 75а. Зак. № 725.

Введение

Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. была «вызвана столкновением двух могущественных групп миллиардеров, англо-французской и немецкой, за передел мира» (Ленин).

Всем ходом развития империалистических противоречий задолго до этой войны были образованы группировки государств на основе политических и военных соглашений. В войне выступили: с одной стороны — центральные державы: Германия и Австро-Венгрия и с другой — государства Антанты: Англия, Франция, Россия и Сербия.

Бесспорность наиболее активной роли германского империализма в возникновении этой войны доказана всем ходом развития империалистических противоречий предвоенного периода. Германия, явившись с запозданием на империалистическую арену и сделав на рубеже XX столетия сравнительно быстрый скачок в экономическом развитии, начала оспаривать у Англии и Франции первенство среди крупных империалистических хищников и поставила вопрос о переделе мира.

Эта активность нашла свое проявление в широких наступательных планах германского генерального штаба и в создании соответствующих вооруженных сил.

Россия, доведенная царизмом до положения полуколониальной страны, в огромной степени зависевшей от англо-французского капитала, взяла на себя по военной конвенции обязательство, которое обеспечивало главным образом интересы Франции.

На последнем перед войной совещании (в 1912 году) начальников французского и русского генеральных штабов (ген. Жоффр и ген. Жилинский) Россия обязалась выставить против Германии 800 тыс. чел. и начать наступление после 15-го дня мобилизации.

Однако, уделяя значительное внимание и силы интересам союзных стран, господствующие классы царской России имели в этой войне и свои империалистические, захватнические цели.

Так, В. И. Ленин в статье «О сепаратном мире» говорит, что: «...Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной конечно), за Армению и за Константинополь...

И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами...» [1].

В Кратком курсе истории ВКП(б) по этому же поводу говорится, что «Царская Россия стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному морю (Дарданеллы), о захвате Константинополя. В планы царского правительства входил также захват Галиции — части Австро-Венгрии...

Русская буржуазия рассчитывала, начав войну, поправить свои дела: завоевать новые рынки, нажиться на военных заказах и поставках и заодно подавить революционное движение, используя военную обстановку» [2].

Таким образом, царская Россия в войне 1914—1918 гг. стремилась осуществить свои империалистические, захватнические цели и одновременно оказывала значительную помощь Франции. Это обстоятельство, естественно, вызвало соответствующие стратегические решения у русского верховного командования.

В начале войны русское командование, осуществляя обязательства, взятые по конвенции с Францией, стремилось выдержать предусмотренные сроки наступления. Оно бросило в сражение армии Северо-западного фронта, еще не закончившие полностью своей мобилизации и сосредоточения.

Это последнее обстоятельство чрезвычайно пагубно отразилось на всем ходе сражения русских войск на восточно-прусском театре военных действий.

Так, корпуса 2-й армии уже 24 августа [3], т. е. на 4-й день после вторжения в Восточную Пруссию, переживали серьезнейшие материальные трудности: люди съели неприкосновенный запас сухарей, для лошадей не было овса, а боевые припасы подвозились с трудом и в ограниченном количестве.

Помимо того, русское верховное командование по настоятельной просьбе французского генерального штаба в ходе сосредоточения армий произвело ряд перегруппировок с целью создания новой, 9-й армии в районе Варшавы для наступления на Познань. В результате этого 1-я армия была ослаблена на один корпус, а собранные в районе Варшавы 18-й и гвардейский корпуса в период сражения (в августе) 1-й и 2-й русских армий в Восточной Пруссии бездействовали, оставаясь посторонними зрителями происходивших событий.

Таким образом, операция в Восточной Пруссии в 1914 году русским командованием проводилась под знаком желания выполнить союзнические обязательства перед Францией и оттянуть на себя с запада германские силы, жертвуя при этом своими интересами.

Операция в Восточной Пруссии в 1914 году являлась начальной операцией на русском фронте мировой империалистической войны. Она являлась первой проверкой готовности к войне русской

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XIX, стр. 281, изд. 3-е.
[2] История ВКП(б) Краткий курс, стр. 155—156.
[3] Числа везде по новому стилю.

и германской армий. В этой операции высшее командование и штабы проходили свое первое испытание в том, насколько они в мирное время были подготовлены в оперативно-стратегическом отношении к вождению войск на театре войны. Здесь же нашла проявление полуколониальная зависимость царской России от англо-французского капитала, которая чрезвычайно болезненно сказалась на ходе операции русских армий в Восточной Пруссии.

Эта операция длилась около месяца: с 17 августа по 15 сентября. За это время русское командование предприняло армиями Северо-западного фронта наступательную операцию по сходящимся внешним операционным направлениям. В свою очередь, германские войска вели активную оборону, действуя по внутренним операционным линиям.

План стратегического сосредоточения и развертывания сторон

(Схема 1)

1. План русского командования

Осуществленный вариант стратегического развертывания по плану войны 1912 года предусматривал сосредоточение главных усилий русских войск на галицийском театре военных действий, т. е. против Австро-Венгрии.

Против Германии планом предусматривалось развернуть две армии, объединенные Северо-западным фронтом, в составе: 1-я армия — $15\frac{1}{2}$ пехотных и $5\frac{1}{2}$ кавалерийских дивизий, из них 7 пехотных дивизий второочередных, и 2-я армия — $14\frac{1}{2}$ пехотных и 4 кавалерийских дивизий, из них 4 пехотных дивизии второочередных, а всего — 30 пехотных и $9\frac{1}{2}$ кавалерийских дивизий. Основная масса (около 20 пехотных и $9\frac{1}{2}$ кавалерийских дивизий) этих войск должна была закончить сосредоточение на 20-й день мобилизации. Собирая такие силы, русский генеральный штаб рассчитывал иметь двойное или по крайней мере полуторное численное превосходство над германцами.

1-я армия формировалась Виленским военным округом и сосредоточивалась на Среднем Немане, в районе Ковно, Друскеники. 2-я армия формировалась Варшавским военным округом и собиралась в районе Гродно, Белосток, Ломжа.

Войскам Северо-западного фронта была поставлена общая задача — нанести поражение германцам в Восточной Пруссии и овладеть последней, с целью создания более выгодного положения для последующих действий. Операция Северо-западного фронта генеральным штабом предусматривалась в форме концентрического наступления с охватом обоих флангов противника, оборонявшего Восточную Пруссию.

2. План германского командования

Германский генеральный штаб, используя срединное положение Германии в Европе, наметил бить противника поочередно: вначале главного и более сильного — Францию, а затем — Россию.

В полном соответствии с этим планом войны предусматривалось направление основной массы войск на запад, против Франции, а на восточную границу выделялся заслон силою до 20 пехотных дивизий, который должен был не допустить вторжения противника на территорию Германии и оказать содействие австро-венгерским войскам. Принимая такое решение в выборе главного стратегического направления, германский генеральный штаб рассчитывал на то, что ему удастся примерно на 40-й день мобилизации покончить с французской армией, а затем, перебросив бóльшую часть сил с запада на восток, обратиться против России.

Такой расчет, помимо политико-стратегических соображений, основывался еще на том, что русская армия по причине слабости железных дорог значительно отставала в сосредоточении войск как от французской, так и германской армий и тем самым как бы предоставляла Германии время для нанесения первого удара по Франции.

Из числа войск, оставленных на восточной границе, около 15 пехотных дивизий с одной кавалерийской собирались в Восточной Пруссии, а пять пехотных дивизий сосредоточивались в районе Бреславля, примыкая к левому крылу австро-венгерских войск.

В Восточной Пруссии были оставлены преимущественно те войска, которые квартировали там в мирное время; они были сведены в 8-ю армию. Сосредоточение их, не вызывавшее затруднений в смысле транспорта, предусматривалось планом закончить на 11-й день мобилизации.

Исходя из необходимости до окончания операций против Франции держаться в Восточной Пруссии малыми силами, германское командование мыслило себе осуществить это путем активной обороны в форме действий по внутренним операционным направлениям, нанося противнику последовательные удары.

При этом ведение затяжного боя против одной из русских армий считалось чрезвычайно невыгодным, ибо этим самым предоставлялось время другой русской армии на то, чтобы, отбросив заслон, оставленный против нее, обрушиться на фланг и тыл главных сил германцев.

В этом духе ген. Мольтке 14 августа указал командованию 8-й армии: «При появлении русских никакой обороны... только наступление, наступление и наступление».

3. Театр военных действий

Операция в Восточной Пруссии в 1914 году развернулась на пространстве, ограниченном реками Неман, Нарев, Висла и Балтийским морем. Лесисто-озерный характер местности восточно-прусского театра более способствует ведению оборонительных дей-

ствий, нежели наступательных, и в значительной степени стесняет маневренность крупных войсковых масс. Большое место в плане германского командования отводилось роли Мазурских озер с крепостью Летцен, которую они должны были сыграть в борьбе против русских армий. Эти озера ставили армии Северо-западного фронта в изолированное друг от друга положение и лишали их возможности взаимодействовать, тем самым облегчая германцам ведение активной обороны.

На территории Восточной Пруссии имелась богатая дорожная сеть, что являлось в руках командования 8-й германской армии мощным средством оперативного маневра. Штаб 8-й германской армии при управлении войсками опирался на густую сеть постоянной телеграфно-телефонной связи. Кроме того, в Восточной Пруссии в большом количестве были подготовлены запасы материально-технических средств снабжения, на которые базировались войска 8-й германской армии. В общем германский империализм, поставив войскам задачу удержать в своих руках Восточную Пруссию, создал необходимые условия и предоставил для этого войскам все нужные средства. В ином положении в этом отношении находилась другая сторона — русские войска.

Пограничная полоса царской России в этом районе как театр военных действий была слабо подготовлена. Железных и улучшенных грунтовых дорог было чрезвычайно мало, особенно на фронте 2-й русской армии. Постоянная сеть связи была весьма ограничена и не обеспечивала потребности войск. Баз с запасами снабжения почти не было, что с первых дней войны поставило войска, особенно 2-й армии, в чрезвычайно тяжелое положение. Марши русских войск совершались преимущественно по проселочным дорогам, что делало их малоподвижными, а в целом армии неповоротливыми. Это обстоятельство ставило русское командование в весьма трудное положение в вопросах осуществления того или иного оперативного маневра, быстрота которого определялась физической силой солдата. Так русское царское правительство, задавшись крупными империалистическими целями войны, бросило в сражение против Германии войска, не обеспеченные необходимыми средствами для выполнения поставленных перед ними задач.

4. Развертывание сил сторон

В начале мировой войны для России создалась довольно благоприятная политическая обстановка: Румыния и Швеция заявили о своем нейтралитете, а Япония присоединилась к странам Антанты. Следовательно, русские войска, которые предполагалось иметь на границе с этими странами, освобождались и могли быть использованы на главном театре войны. В интересах русского империализма, который стремился захватить Галицию, следовало эти войска направить на усиление Юго-западного фронта. Но на решение вопроса об использовании этих войск оказали влияние полуколониальная зависимость России от франко-английского капитала и франко-русская военная конвенция.

Силы собираемых против Германии войск далеко не обеспечивали выполнение обязательства России перед Францией. Во исполнение обязательств по франко-русской военной конвенции в начале войны русская ставка наметила создать в районе Варшавы две новые армии (9 и 10-ю) для наступления на Познань с целью, оттянув часть германских сил с запада на восток, облегчить положение Франции. На формирование этих армий предполагалось обратить освободившиеся войска. В связи с этим еще в ходе сосредоточения, начиная с 9-го дня мобилизации, ставка внесла изменения в план сосредоточения войск. Из состава 1-й армии были изъяты и направлены в 9-ю армию: гвардейский и 1-й арм. корпуса, а 1-й армии был передан 20-й арм. корпус из 4-й армии. Помимо того, в состав 9-й армии направились 18 и 22-й арм. корпуса из района Петрограда.

После произведенных изменений в распределении сил 1-я русская армия к 13 августа сосредоточилась на Среднем Немане в составе 6½ пехотных и 5½ кавалерийских дивизий. Семь пехотных дивизий второочередных и ряд тыловых учреждений к началу операции не прибыли. 2-я русская армия к 17 августа сосредоточилась на рубеже р. Нарев в составе 12½ пехотных и 3 кавалерийских дивизий, но из этого количества по разным причинам до 1½ пехотных дивизий в бою не участвовали. Четыре пехотные дивизии второочередные и большая часть корпусных и армейских тылов к началу операции не прибыли.

Германское командование, по причине выхода в начале войны Италии из тройственного союза и объявления ею нейтралитета, вынуждено было уменьшить по сравнению с планом группу войск в Силезии: вместо 5 пехотных дивизий оставило две, а три дивизии были направлены на запад.

В Восточной Пруссии сосредоточено было 14½ пехотных дивизий и 18 кавалерийских полков, объединенных в 8-ю армию под командованием ген. Притвица. Войска 8-й германской армии закончили сосредоточение на 11-й день мобилизации. Ген. Притвиц 6 августа решил принять выжидательный образ действий, в соответствии с чем и сосредоточил свои войска в двух группах: около 7 пехотных дивизий и 1 кавалерийская были расположены ближе к восточной границе, а другая половина — тоже около 7 пехотных дивизий — тяготела к южной границе. Это делалось с расчетом ускорения железнодорожного маневра при сосредоточении армии для нанесения удара той русской армии, которая первая вторгнется в Восточную Пруссию.

Германское верховное командование уклонилось от обусловленной прямой помощи австрийцам наступлением на Седлец и в директиве, преподанной командующему 8-й армией, указало лишь об оказании косвенной помощи путем сковывания русских сил в Восточной Пруссии.

Прикрытие сосредоточения и развертывания русских армий было возложено на многочисленную конницу 1 и 2-й русских армий, которая с 2 августа и приступила к выполнению этих задач. Помимо того, конница выполняла задачу разведки, которую вела мел-

кими подразделениями, не проникая в глубь Восточной Пруссии. Конечно, русская конница могла дать больше, если бы была использована в массированном порядке для действий в тылу противника, но она не была подготовлена к этому.

Сосредоточение и развертывание 8-й германской армии прикрывалось: на восточной границе — 1-й кав. дивизией и передовыми частями 1-го арм. корпуса ген. Франсуа, на южной границе — частями 2-го арм. корпуса ген. Шольца.

Оперативные планы сторон

(Схема 1)

1. План фронтовой операции командования Северо-западного фронта

В ходе сосредоточения и развертывания войск командование обеих сторон предприняло разведку для уточнения сведений о противнике, имевшихся в мирное время, и разработало планы оперативного использования своих войск.

Русское верховное командование 10 августа отдало первую директиву, которая легла в основу плана фронтовой операции Северо-западного фронта.

Сущность этой директивы сводилась к нижеследующему.

«Силы противника с полной достоверностью еще не выяснены, но можно предполагать, что в Восточной Пруссии немцами оставлены 4 корпуса (1, 20, 17 и 5-й) с несколькими резервными дивизиями и ландверными бригадами; сверх того, гарнизон Кенигсберга из частей неполевых войск.

С нашей стороны к вечеру 12-го дня мобилизации, т. е. к 11 августа, в 1-й армии будут собраны полностью: вся кавалерия — 5½ дивизий, 3 и 4-й корпуса, 5-я стр. бригада, 28-я пех. дивизия, к которой можно было еще притянуть два полка 29-й пех. дивизии (обе дивизии 20-го арм. корпуса).

С 12-го дня мобилизации начинают прибывать в Ковно второочередные дивизии, которые, следовательно, освобождают из Ковно части 28-й пех. дивизии.

Имея в виду, что из состава 1-й армии исключены гвардейский и 1-й арм. корпуса, следует признать, что войска 1-й армии к вечеру 12-го дня мобилизации закончат свое сосредоточение, так как большая часть второочередных дивизий, включенных в состав 1-й армии, направляется в Риго-Шавельский район, потерявший при нынешней обстановке свое значение.

Что касается 2-й армии, то, за исключением 13-го корпуса, она заканчивает свое сосредоточение еще раньше срока, указанного для 1-й армии; в составе ее к вечеру 12-го дня мобилизации будут находиться 4 кавалерийские дивизии, 2, 15, 6 и 23-й арм. корпуса, а равно 1-я стр. бригада. Всего 136 батальонов и 96 эскадронов.

Если даже исключить из этого числа 2-ю пех. дивизию, которую, быть может, придется оставить в Новогеоргиевске, а также 1-ю стр. бригаду, переходящую к Варшаве, то все-таки численность 2-й армии будет определяться в 112 батальонов и 96 эскадронов.

В общей сложности армии Северо-западного фронта к вечеру 12-го дня мобилизации будут иметь готовыми к наступлению 208 батальонов и 228 эскадронов, в то время как немцы, повидимому, будут в состоянии противопоставить нам 4 полевых корпуса (100 батальонов) с резервными и ландверными частями...

...Необходимо и нам, в силу тех же союзнических обязательств, поддержать французов, ввиду готовящегося против них главного удара немцев.

Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем нашем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил..., положив в основу плана наступления нижеследующие руководящие соображения.

Наступление могла бы начать 1-я армия, которая должна притянуть на себя возможно большие силы немцев; наступление должно вестись севернее Мазурских озер, с охватом левого фланга противника.

2-я армия могла бы наступать в обход Мазурских озер с запада, имея задачей разбить немецкие корпуса, развернувшиеся между Вислой и Мазурскими озерами, и тем воспрепятствовать отходу немцев за Вислу.

Между 1 и 2-й армиями должна быть установлена тесная связь путем выставления против фронта Мазурских озер достаточно прочного заслона.

Таким образом, общая идея операции могла бы заключаться в охвате противника с обоих флангов.

Обеспечение операции с левого фланга достигается р. Вислой с крепостью Новогеоргиевск и перевозимыми к Варшаве частями гвардейского и 1-го армейского корпусов, первые эшелоны коих начнут прибывать в Варшаву с 12-го дня мобилизации.

По мнению верховного главнокомандующего, наступление армий Северо-западного фронта могло бы начаться с 14-го дня мобилизации, т. е. 13 августа...»

В этой директиве ставка, во-первых, необоснованно, оптимистически подошла к выводам о готовности 1 и 2-й русских армий, считая, что они, имея двойное превосходство (в действительности этого не было), 13 августа могли начать наступление; во-вторых, недооценила силы противника в Восточной Пруссии, определив их не более 100 батальонов и несколько резервных дивизий и ландверных бригад, тогда как в действительности эти последние составляли еще около 100 батальонов неплохо подготовленных войск.

Кроме того, директива ставки от 10 августа пронизана спешкой в развертывании действий против Германии ради ускорения помощи Франции.

Русский план получил свое окончательное оформление в директиве командующего Северо-западным фронтом ген. Жилинского,

отданной армиям 13 августа; сущность ее сводилась к следующему.

Главные силы противника считались находящимися за линией Мазурских озер, что коренным образом противоречило действительности; в районе озер находилось всего около $1\frac{1}{2}$ пехотных дивизий.

Целью фронтовой операции совершенно правильно указывалась живая сила германцев; требовалось «разбить противника, отрезав от Кенигсберга и не допустив его к Висле».

Армиям фронта ставились следующие задачи:

1-й армии — 17 августа вторгнуться в Восточную Пруссию и наступать на фронт Инстербург, Ангербург в обход Мазурских озер с севера, охватывая левый фланг противника.

2-й армии — всеми корпусами перейти границу 19 августа, направляя главные силы в обход Мазурских озер с запада на фронт Растенбург, Зеебург.

Таким образом, операция Северо-западного фронта мыслилась в форме концентрического удара, с охватом обоих флангов противника, находящегося, по мнению Жилинского, «в заозерном пространстве»: 1-й армией — с севера и 2-й — с юго-запада.

Общая идея фронтовой операции выражалась в том, что, наступая в обход Мазурских озер по сходящимся направлениям, армии должны были: 1-я, охватывая с севера, не допустить отхода противника в Кенигсберг и 2-я, охватывая с юго-запада, не позволить германцам отойти к Висле. Вот на этом должна была базироваться организация взаимодействия армий Северо-западного фронта, с расчетом последовательным продвижением вперед, увязанным во времени и пространстве, лишить противника преимуществ, вытекающих из действий по внутренним операционным направлениям, громя его по частям.

В директиве ген. Жилинского следует отметить ряд допущенных промахов.

Во-первых, основным недочетом является спешка в развертывании наступления, вытекавшая из стремления выполнить в срок обязательства перед Францией, с тем чтобы возможно скорее оказать помощь последней. Это обстоятельство привело к тому, что были брошены в бой войска, не закончившие полностью сосредоточения и поэтому не готовые к наступлению, что чрезвычайно болезненно сказалось на действии русских войск в Восточной Пруссии.

Во-вторых, материальное обеспечение операции было подготовлено и осуществлялось чрезвычайно слабо: армейские тылы к началу операции организованы не были, в связи с чем войска, начав наступление, оторвались от баз снабжения. И это, видимо, нисколько не беспокоило фронтовое командование, когда оно отдавало свою директиву.

В-третьих, крупным недочетом этой директивы является неверная оценка сил и группировки противника. Допущенная ставкой в директиве от 10 августа недооценка противника была повторена ген. Жилинским в его директиве от 13 августа.

Недооценка сил противника сказалась на разброске русских войск, направленных против Германии. В период августовского сражения в Восточной Пруссии около 5—6 пехотных дивизий находилось в районе Варшавы (9-я армия); их следовало бы для решительного разгрома германцев ввести в действие по восточному берегу Вислы для наступления во взаимодействии со 2-й русской армией.

В-четвертых, имела место неправильность в постановке задачи 2-й армии, которая по замыслу операции должна была иметь более глубокий охват, чем тот, какой ей указывался. Наступление этой армии в направлении, указанном директивой ген. Жилинского, по существу не приводило к выполнению замысла концентрического удара, а ограничивалось лишь выталкиванием противника из-за озерного пространства.

Командующий 2-й армией ген. Самсонов, не разделяя взглядов ген. Жилинского по этому вопросу, настоятельно просил последнего изменить направление наступления армии на более западное, с целью глубже охватить противника и с большей вероятностью выполнить поставленную задачу. Это было разрешено сделать лишь 24 августа.

Ген. Жилинский, притягивая 2-ю армию к востоку, имел целью скорее сомкнуть внутренние фланги армий и установить непосредственное взаимодействие; стремление правильное, но нельзя было этого делать за счет отказа, по существу, от замысла операции. Этого следовало добиваться путем решительного и безостановочного наступления 1-й армии, тем более, что она упреждала на 2 дня наступление 2-й армии.

2. План действий командующего 8-й армией

Германское командование почти не знало ничего о развертывании русских армий Северо-западного фронта. К 14 августа интенсивность передвижений и разведывательная деятельность 1-й русской армии указали германцам на возможность первого удара со стороны этой армии. При этом группировка 1-й армии и замысел русских определялись неверно. Штаб 8-й армии считал, что главные силы 1-й армии собраны южнее Роминтенской пущи (район Гольдапа) и что следует ожидать главного удара против Мазурских озер.

На основе этих данных ген. Притвиц 14 августа решил, прикрывшись на южной границе и сковав противника в Мазурских озерах, нанести охватывающий удар по северному крылу 1-й русской армии. На южной границе был оставлен заслон силой до 3½ пехотных дивизий, а остальные силы армии сосредоточивались к восточной границе.

В соответствии с принятым решением был отдан нижеследующий приказ:

«1. Не лишено вероятности, что противник поведет наступление против линии озер в районе южнее леса Роминтен. Его передовые части — пехота с артиллерией — двигаются с фронта Гросс-Эрцимахен, Мерунскен.

2. Армия сосредоточивается к левому флангу для встречи русского наступления контратакой.

3. 20-й арм. корпус двигается в район Ортельсбург. На него возлагается прикрытие армии от возможного наступления русских южнее озера Спирдинг. Корпусу быть также готовым к наступлению на Иоганисбург, для чего должен оставаться отряд у Бялы.

3-я рез. дивизия с 6-й ландверной бригадой удерживает линию Николайкен, Летцен.

1-й рез. корпус удерживает линию р. Ангерап, примыкая правым флангом к озеру Мауер.

17-й арм. корпус будет перевезен по железной дороге через Алленштейн и Кенигсберг в район Инстербург, Бокеллен, Норкитен, откуда он двинется в направлении на Даркемен.

1-й арм. корпус остается в районе Гумбинен, Инстербург.

Главный резерв (резервная дивизия ген. Бродрюка) крепости Кенигсберг — у Инстербурга.

2-я ландв. бригада удерживает линию р. Неман.

Задача 1-й кав. дивизии остается прежняя.

Прикрытие правого фланга армии против маловероятного, но возможного наступления русских со стороны р. Нарева возлагается на ген. Унгера, которому подчиняются:

а) Отряд Грауденца (бригада ген. Земмер) — у Лаутенбурга.

б) 70-я ландв. бригада — у Млавы и Сольдау.

в) Отряд Данцига — у Нейденбурга.

4. Разведка:

20-го арм. корпуса на фронте Маков, Ломжа, Осовец;

3-й рез. дивизии на фронте Осовец, Августов;

1-го рез. корпуса на фронте Августов, Сувалки, Вижайны.

1-го арм. корпуса и 1-й кав. дивизии на фронте Пржеросль, Кальвария, Вильковишки, Юрбург.

5. Воздушная разведка:

20-го арм. корпуса к р. Нареву и за эту реку.

1-го арм. корпуса к р. Неману и через Тильзит к Шавли.

Разведка отрядов прикрытия, расположенных у Страсбурга, Лаутенбурга, Сольдау, Нейденбурга, на фронт Липно, Серпец, Цеханов, Прасныш руководится ген. Унгером.

6. Отделение воздушных кораблей № 8 переводится в Норденбург в распоряжение 1-го рез. корпуса...

7. Штаб армии остается до вечера 15 августа в Мариенбурге, затем переходит в Бартенштейн, куда прибудет в полдень 16 августа».

Таким образом, группировка против 1-й русской армии определялась силами 9 пехотных и 1 кавалерийской дивизий, из них: около 3½ пехотных дивизий на вспомогательном направлении и 5½ пехотных дивизий и 1 кавалерийская составили ударную группу, большая часть которой сосредоточилась на р. Ангерап.

В решении ген. Притвица был допущен крупный недочет, выражавшийся в разброске сил: из 15 пехотных дивизий он выделил в ударную группу всего около 6 пехотных дивизий, а 9 дивизий израсходовал на вспомогательное направление и обеспечение операции, предпринятой против 1-й русской армии.

3. Соотношение сил сторон

Восточно-прусская операция началась при некотором превосходстве сил на стороне русских армий. Войска Северо-западного фронта превосходили германцев примерно на 70 батальонов и 101 эскадрон, не считая около 30 батальонов русских войск, которые находились в тыловых гарнизонах и в боях не участвовали. А на стороне германской армии было преимущество в наличии большого числа тяжелой артиллерии, чего не имели русские войска (таблица 1).

Таблица 1

Соотношение сил на восточно-прусском театре войны к 17 августа 1914 года

Стороны	Количество				Артиллерия				Число самолетов
	пех. дивизий	кав. дивизий	батальонов	эскадронов	легк. пушек	легких гаубиц	тяж. орудий	Всего	
1-я русская армия	$6^1/_2$	$5^1/_2$	104[1]	124	49/372	6/36	—	55/408	24
2-я русская армия	$12^1/_2$	3	188[2]	72	81/630	12/72	6/24	99/726	30
Всего . .	19	$8^1/_2$	292	196	130/1 002	18/108	6/24	154/1 134	54
8-я германская армия	$14^1/_2$	1	192	95	106/638	19/112	46/188	171/938	56 и 2 дирижабля

Примечание. Числитель — количество батарей; знаменатель — число орудий.

Встречное сражение под Гумбиненом

(Схемы 1 и 2)

1. Обстановка, предшествовавшая сражению

Восточно-прусская операция началась 17 августа вторжением 1-й русской армии в Восточную Пруссию. Командующий 1-й армией ген. Ренненкампф, находясь со штабом в Вильно, в соответствии с директивой ген. Жилинского 15 августа отдал войскам

[1] 8 батальонов в боях не участвовали.
[2] 22 батальона в боях не участвовали.

директиву № 1 и боевой приказ № 2, которые являлись основными оперативными документами, определявшими организацию операции этой армии. Директива № 1 гласила следующее:

«Командующий фронтом приказал:

1. 1-й армии перейти границу 17 августа и с линии Владиславов, Сувалки наступать на фронт Инстербург, Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера.

2. 2-й армии перейти границу и с линии Августов, Граево, Мышинец, Хоржеле наступать на фронт Летцен, Рудшани, Ортельсбург и далее к северу.

3. Задача 1-й армии — возможно глубже охватить левый фланг противника на р. Ангерап, где предполагаются его главные силы, имея целью отрезать германцев от Кенигсберга.

4. Задача 2-й армии — свои главные силы направить на фронт Рудшани, Ортельсбург, во фланг и тыл линии Мазурских озер.

5. Районы действий 1-й и 2-й армий разграничиваются по линии: Липовка, Поломен, Солтманен, Летцен, все 2-й армии включительно.

6. Правофланговый корпус 2-й армии наступает от Августова в направлении Лык, Арис, Летцен, причем этот корпус перейдет границу 19 августа.

7. Коннице 1-й армии перейти границу 16 августа, оттеснив передовые части противника.

Во исполнение изложенных указаний командующий 1-й армией приказал:

1. Обеим группам армейской конницы 16 августа выступить по направлениям, соответствующим ранее данным им задачам:

а) правой группе — на Инстербург в обход Сталюпенена и Гумбинена с севера;

б) левой группе — имея в виду обеспечение левого фланга армии со стороны Маргграбова, а в дальнейшем Летцена.

в) 1-й отд. кав. бригаде, обеспечивая правый фланг армии, 17 августа достичь Шиленена.

При этом конница должна, по возможности, скрыть направление движения корпусов армии и помешать угону подвижного состава на железных дорогах.

2. Корпусам армии, главными силами, 17 августа овладеть линией Вилюнен, Сталюпенен, Герминкемен, Дубенинкен, Ковален».

В отданном в тот же день в развитие этой директивы боевом приказе правильно определялась группировка противника, указывалось, что: «на фронте Пилькален, Пилупенен развертываются части обеих дивизий 1-го герм. корпуса, имея на своем левом фланге у Пилькалена 1-ю кав. дивизию (6 полков)».

Задачи корпусам в этом приказе были поставлены путем указания полос наступления и линии, которую следовало «занять в этот день главными силами корпусов». В результате была создана следующая группировка армии.

На заходящем правом крыле — конная группа (1 и 2-я гвард., 2 и 3-я кав. дивизии) ген. Хана Нахичеванского, наступающая на Инстербург.

Главная группировка вдоль железной дороги на Гумбинен: 20-й арм. корпус севернее и 3-й арм. корпус южнее.

На вспомогательном направлении: 4-й арм. корпус — левым флангом на Гольдап, Даркемен.

Обеспечение операции: справа — 1-я отд. кав. бригада и слева — отряд (5-я стр. бригада и 1-я кав. дивизия) ген. Гурко.

Выдвижение 1-го германского корпуса вперед на 40—50 *км* от главных сил, собираемых на р. Ангерап, создавало благоприятную обстановку для разгрома его в этом изолированном положении.

Однако командование 1-й армии, указывая войскам задачу на 17 августа в виде выхода на линию Вилюнен, Ковален, слабо организовало действия корпусов и не проявило гибкости в управлении войсками, не поставив целью ближайших действий разгром 1-го германского корпуса.

Из оценки группировки противника, указанной в приказе № 2, и задач, поставленных войскам 1-й армии на 17 августа, следовало ожидать в этот день крупных боев. Однако командование армии, находясь в Вильно, оставило войска без непосредственного руководства. Правильно определяя группировку частей противника, прикрывавших границу, ген. Ренненкампф не организовал одновременного вторжения войск в Восточную Пруссию. Корпуса 1-й армии перешли границу и вступили в бой в разное время. 3-й арм. корпус, наступавший южнее железной дороги, перешел границу около 9 часов. Части 20-го арм. корпуса, наступавшие севернее этой дороги, вторглись в Восточную Пруссию около 13 часов, и еще позже перешли границу войска 4-го арм. корпуса.

Эта разновременность вторжения привела к тому, что почти вся тяжесть боя, развернувшегося 17 августа в районе Сталюпенена, была вынесена войсками 3-го арм. корпуса. В силу этого русские войска не извлекли из этого пограничного боя тех результатов, которые они могли иметь при одновременном переходе границы и наступлении. 1-й германский корпус в этом случае мог быть разгромлен более основательно, чем это имело место в исходе этого боя.

1-й германский корпус ген. Франсуа, вопреки приказу командующего 8-й армией ген. Притвица, выдвинулся вперед и растянулся кордоном вдоль границы. 17 августа в бою под Сталюпененом он понес частичное поражение и с наступлением темноты отошел в район севернее Гумбинена.

Исход боя под Сталюпененом для германцев сыграл оперативную роль. До этого, как указывалось выше, они группировку 1-й армии определяли неверно. Лишь в результате этого боя германское командование вскрыло действительное положение 1-й армии.

2. Решения сторон

На 18 августа командование 1-й русской армии не отдало приказа и не поставило войскам задач. Поэтому дальнейшее движение вперед в этот день происходило по инициативе командиров корпусов. Вечером 18 августа ген. Ренненкампф, продолжая считать

главные силы противника на р. Ангерап, решил продолжать наступление в прежней группировке и 19 августа выйти на фронт Кармонен, Гольдап, а 20 августа дать войскам дневку.

В свою очередь, командующий 8-й германской армии ген. Притвиц, опасаясь изолированного поражения 1-го арм. корпуса, сосредоточенного севернее Гумбинена, решил атаковать русских восточнее р. Ангерап, рассчитывая первоначально разбить гумбиненскую группировку, а затем наброситься на гольдапскую. Удар по гумбиненской группе намечался в форме «шлиффеновских клещей»: с севера — 1-й арм. корпус, 1-я кав. дивизия и 2-я ландв. бригада и с юга — 17-й арм. корпус. В центре, восточнее Гумбинена, действовала резервная дивизия ген. Бродрюка, подвезенная из Кенигсберга. Наступление было назначено на утро 20 августа.

В направлении на Гольдап намечались вспомогательные действия 1-го рез. корпуса и 3-й рез. дивизии.

В результате принятых решений силы сторон на 20 августа выражались следующими данными:

Таблица 2

Стороны	Пех. дивизий	Кав. дивизий	Батальонов	Эскадронов	Орудий	Протяжение фронта в *км*	Примечание
1-я русская армия . . .	$6\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{2}$	104	124	408	70	[1] Из них 134 тяжелых
8-я германская армия .	9	1	110	63	542[1]	70	

3. Общий ход сражения

Утром 19 августа 1-й германский корпус ген. Франсуа еще продолжал отход в район севернее Гумбинена, и к полудню части этого корпуса группировались:

1-я пех. дивизия выдвигалась в район Пакальнишкен, Варкален.

2-я пех. дивизия собиралась северо-западнее Гумбинена, в районе Бибельн, имея задачей выдвижение далее на север для действий на заходящем левом фланге корпуса.

Ген. Притвиц, опасаясь обхода своего левого фланга, создал здесь группу в составе 1-й кав. дивизии и 2-й ландв. бригады, которая должна была, действуя активно, прикрыть фланг, не допустив русских западнее линии Краупишкен, Смайлен.

В свою очередь, ген. Хан Нахичеванский с утра того же дня, выполняя задачу наступления на Инстербург, пытался переправиться у Краупишкен через р. Инстер, прикрываемую 2-й ландв. бригадой. Восточнее р. Инстер, в районе Каушен, Хан Нахичеванский нанес крупное поражение этой бригаде и обратил ее в беспорядочный отход с поля сражения. Путь на Инстербург был свободен, но Хан Нахичеванский не использовал своей победы и, вместо движения на запад, предпочел отойти к востоку и расположиться в районе Каралькемен, мотивируя это тем, что в этом бою якобы был израсходован весь запас снарядов. В этом районе группа

Хана Нахичеванского бездеятельно простояла три дня: 20—22 августа.

В этот же день 28-я пех. дивизия, следовавшая за конной группой, значительно выдвинулась вперед и создала угрозу охвата с севера 1-го германского корпуса. Для парирования этого ген. Франсуа спешно развернул 1-ю пех. дивизию севернее Гумбинена. Произошел ряд столкновений с переменным успехом, и к вечеру этого дня 28-я дивизия расположилась в районе Ушбален.

Все остальные части 1-й армии в этот день продвинулись вперед беспрепятственно и к исходу дня находились:

— 20-й арм. корпус: 29-я дивизия — на фронте Болинен, Верупенен;

— 3-й арм. корпус: 25-я дивизия — в районе Калпакин, 27-я дивизия — Тракенен;

— 4-й арм. корпус: 40-я дивизия — Кассубен, 30-я дивизия — Гольдап;

— отряд ген. Гурко: 5-я стр. бригада — Вронкен, 1-я кав. дивизия — Сеескен.

Вечером 19 августа 17-й германский корпус закончил сосредоточение и производил оборонительные работы на р. Ангерап, в районе Даркемен и севернее. К тому же времени 1-й рез. корпус был собран восточнее Ангербурга, в районе Буддерн. А в районе Бенегейм располагалась 3-я рез. дивизия, имевшая задачей совместные действия с 1-м рез. корпусом на гольдапском направлении. 6-я ландв. бригада прикрывала дефиле в Мазурских озерах южнее Летцена.

Таким образом, вечером 19 августа стороны имели тесное соприкосновение друг с другом лишь на крайнем северном фланге, а в центре и на южном фланге обстановка таила неизвестность.

Русские предполагали встретить главные силы противника на р. Ангерап и с целью подготовки к этому намечали 20 августа иметь дневку.

Командир 1-го германского корпуса ген. Франсуа на основе событий 19 августа вечером того же дня пришел к ложному заключению о том, что гумбиненская группа русских наступает севернее железной дороги, а южнее последней силы русских определял не более одной пех. дивизии. Доказывая в соответствии с этим благоприятность обстановки для разгрома русских под Гумбиненом, ген. Франсуа ввел в заблуждение командующего армией ген. Притвица и своего соседа — командира 17-го арм. корпуса ген. Макензена.

В то время, когда германское командование замышляло взять русских в «клещи» под Гумбиненом, командование 1-й русской армии 19 августа усилило ударную группу, доведя ее до 5 пехотных дивизий за счет 4-го арм. корпуса.

Утро 20 августа началось наступлением 1-го германского корпуса, который стремился главными силами смять правофланговую 28-ю пех. дивизию и охватить с севера 20-й русский корпус. В этом ему помогала 1-я кав. дивизия ген. Брехта, которая на глазах у бездействовавшей конной группы ген. Хана Нахичеванского про-

никла в тыл русских, но действия ее на исход операции не повлияли. Вначале 1-й германский корпус имел успех, отбросил 28-ю пех. дивизию из района Ушбален на полперехода к востоку, но затем выдохся и далее наступление продолжать не мог. Этим, по существу, и ограничился успех германцев в этой операции.

Германский «Рейхсархив» отмечает крупные недочеты управления в частях 1-го герм. корпуса; в результате 20 августа части сильно перемешались, были случаи взаимного обстрела артиллерийским огнем, в ряде частей возникла паника, особенно в 1-й пех. дивизии.

В центре и южнее железной дороги, где германцы ожидали встретить не более одной русской пехотной дивизии, события окончились для них весьма неудачно. Так, 17-й арм. корпус после ночного марша с ходу атаковал части 3-го арм. корпуса и, увлекшись преследованием передовых частей, попал под сильный косоприцельный артиллерийский и пулеметный огонь только что развернувшейся 27-й пех. дивизии. Понеся громадные потери, наступающие германцы скоро вынуждены были остановиться; попытка подтолкнуть залегшие цепи корпусным резервом окончилась неудачей: атакующие части отхлынули назад, распространяя панику в тылу корпуса.

В результате к исходу дня первоначально 35-я пех. дивизия, а затем 36-я пех. дивизия, потеряв моральную устойчивость, в большом беспорядке покинули поле сражения и отошли за р. Ангерап, понеся потери до 10 тысяч чел. и 12 орудий.

В центре 25-я пех. дивизия нанесла удар дивизии ген. Бродрюка и отбросила ее к Гумбинену.

Ничем не может быть оправдано бездеятельное поведение в этот день ген. Хана Нахичеванского. Конная группа, возглавляемая им, находясь в полупереходе от истекавшего кровью 20-го арм. корпуса, после короткого боя 19 августа с 2-й ландв. бригадой стояла на отдыхе, в качестве постороннего наблюдателя происходивших событий.

События этого дня под Гольдапом носили нерешительный характер. Германцы здесь имели 1-й рез. корпус ген. Белова и 3-ю рез. дивизию, насчитывавшие в своем составе 38 пехотных батальонов, 10 эскадронов и 128 орудий. Со стороны русских на гольдапском направлении действовали 30-я пех. дивизия, 5-я стр. бригада и 1-я кав. дивизия, имевшие 24 пехотных батальона, 24 эскадрона и 78 орудий. Несмотря на явное превосходство сил, германцы в течение дня, по существу, топтались на месте, откладывая решительные действия на следующий день. Однако на следующий день им пришлось выполнять отход.

В тот же день, 20 августа, с юга в Восточную Пруссию вторглась 2-я русская армия, угрожая охватом с запада войскам 8-й германской армии, находившимся в районе Гумбинена и Гольдапа. Об этом наступлении в штабе 8-й германской армии стало известно около 18 часов 20 августа из донесения командира 20-го арм. корпуса ген. Шольца, возглавлявшего заслон на южной границе.

Вечером 20 августа ген. Притвиц, подведя итоги сражения, нашел невозможным дальнейшее продолжение предпринятой им наступательной операции на восточной границе. Он считал сражение под Гумбиненом германцами проигранным и в ближайшее время не рассчитывал добиться здесь решительных результатов. Потеря времени создавала угрозу германцам быть охваченными с запада со стороны 2-й русской армии, наступавшей с юга.

Поэтому ген. Притвиц в тот же вечер решил, заслонившись против 2-й русской армии, отвести войска с восточной границы к Висле.

Ген. Притвиц, решив отходить, рассчитывал к 26 августа собрать около 7 пехотных дивизий восточнее Вислы и преградить путь наступающей 2-й русской армии. Вечером 20 августа он доносил главному командованию: «Ввиду наступления крупных сил от Варшавы, Пултуска, Ломжи, я не могу использовать обстановку на своем фронте и еще ночью начинаю отход на запад. Перевозка по возможности по железной дороге».

Таким образом, германское командование под Гумбиненом проиграло первое сражение на Восточном фронте, чем была поставлена под сомнение осуществимость плана активной обороны Восточной Пруссии.

Сражение под Гумбиненом выиграно русскими войсками. Они нанесли крупное поражение четырем германским дивизиям, имея со своей стороны значительно потрепанной только одну (28-ю) дивизию. Этот успех русских войск являлся началом решительной победы над противником, и только вследствие предательских, по существу, действий ген. Ренненкампфа германцы безнаказанно отошли и успех не был доведен до конца.

Войска 3-го русского корпуса, нанеся крупное поражение и обратив в беспорядочный отход 17-й германский корпус, преподали хороший урок ген. Макензену, командиру этого корпуса. Этот генерал, нужно сказать, твердо усвоил урок и в последующих боях против русской окопавшейся пехоты подходил с должной оценкой ее, организуя мощную артиллерийскую подготовку перед наступлением, чего не было под Гумбиненом.

Итоги сражения под Гумбиненом имели чрезвычайно крупное оперативно-стратегическое значение. В результате неудачного для германцев исхода этого сражения, где была подвергнута сомнению возможность имевшимися средствами защитить Восточную Пруссию, и оптимистической оценки хода германских операций против Франции были оттянуты с запада на восток 11-й арм. и гвард. рез. корпуса и 8-я кав. дивизия. Эти войска были взяты из 2 и 3-й армий, действовавших на заходящем ударном правом крыле германского фронта.

Такое ослабление ударной группировки правого крыла германских армий бесспорно было одной из причин неудачного для германских войск исхода сражения на Марне в сентябре 1914 года.

Таким образом, русские, вынудив германское командование перебросить часть сил с французского фронта на восток, оказали Франции серьезную помощь, сыгравшую в дальнейшем ходе войны крупную стратегическую роль.

Наступательная операция 2-й армии

(Схемы 1, 2 и 3)

1. План германского командования

Германский генеральный штаб мыслил защищать Восточную Пруссию путем активной обороны, действуя по внутренним операционным направлениям. Такого рода оперативная форма действий предусматривает нанесение превосходными силами последовательных ударов по оперативным группировкам противника с целью разгрома их порознь.

В этом случае быстрота и решительность действий должны получить первостепенное значение. Германское командование считало оперативно чрезвычайно невыгодным, если основная масса войск 8-й армии в ходе операции окажется связанной против одной из русских армий затяжными и нерешительными боями. Это, по его мнению, значило предоставить время другой русской армии для завершения охватывающего маневра и нанесения удара во фланг и тыл главной группировке германцев.

В соответствии с этим германскому командованию в Восточной Пруссии рекомендовалось в случае неудачного исхода первого сражения не связывать себя нерешительными боями, а лучше, сохраняя живую силу, отойти к Нижней Висле, которую удержать в своих руках как базу для последующих решительных действий после подхода новых сил с запада.

Но эти соображения германского генерального штаба оказались не более как теоретической установкой, ибо первые выстрелы под Гумбиненом, а тем более проигрыш германцами здесь сражения создали массовые потоки беженцев, отголосок чего докатился до Берлина, и восточно-прусское юнкерство настойчиво потребовало соответствующей защиты этой провинции.

И когда ген. Притвиц, следуя по пути этого способа действий, после проигрыша сражения под Гумбиненом решил отвести свои войска с восточной границы к Висле, то германское главное командование этого не одобрило. Притвиц вечером 20 августа донес главному командованию о принятом решении на отход к Висле. Но перед этим в тот же день там было получено через Берлин донесение командира 1-го корпуса ген. Франсуа, рисовавшее благоприятный ход событий под Гумбиненом. Поэтому доклад ген. Притвица в штабе верховного германского командования произвел впечатление разорвавшейся бомбы.

Ген. Мольтке в этот же вечер 20 августа установил из разговора по телефону с ген. Притвицем, что последний имевшимися у него силами не рассчитывает удержать Восточную Пруссию. При этом сущность доклада ген. Притвица во время разговора сводилась к тому, что 8-я германская армия имела неудачу под Гумбиненом, в результате чего «17-й арм. корпус больше не способен к атаке, а 2-я ландв. бригада сильно потрепана конницей противника» [1], и что

[1] *Эльце*, Танненберг, стр. 234.

наступление под Гумбиненом «уже невозможно». Говоря о своих мероприятиях в связи с принятым решением на отход, ген. Притвиц рассчитывал к 26 августа собрать около 7 пехотных дивизий восточнее Вислы и преградить путь наступающей 2-й русской армии.

К вечеру 21 августа обстановка на фронте для германцев, в связи с беспрепятственным отходом 17-го арм. и 1-го рез. корпусов из-под Гумбинена, значительно улучшилась. Эти корпуса доносили, что войска 1-й русской армии их не преследуют. Это позволило в тот же вечер пересмотреть принятое решение и вместо отхода перейти в наступление. Притвиц решил, заслонившись против 1-й армии, перегруппировать войска под прикрытием 20-го корпуса к правому флангу армии, в район Гильгенбург, Остероде, Алленштейн, с целью нанести удар в левый фланг 2-й русской армии. «В соответствии с этим в тот же вечер был отдан приказ по 8-й армии о перегруппировке ее сил к правому флангу, чтобы перейти в наступление против левого фланга новых сил противника» [1].

Войска 8-й армии сосредоточивались:

— 1-й арм. корпус, перевозимый по железной дороге, на правый фланг 20-го корпуса;

— 17-й арм. и 1-й рез. корпуса и 6-я ландв. бригада, отходя походом, на левый фланг того же корпуса;

— 3-я рез. дивизия перевозилась по железной дороге в Алленштейн.

Против 1-й армии был оставлен заслон: резервная дивизия ген. Бродрюка, 1-я кав. дивизия ген. Брехта и 2-я ландв. бригада.

Таким образом, предварительный план операции был создан ген. Притвицем и начальником его штаба ген. Вальдерзее, которые 22 августа решением верховного командования были отстранены, а вместо них назначены ген. Гинденбург и ген. Людендорф.

Новое командование 8-й германской армии, приступившее к исполнению своих обязанностей 24 августа, не внесло принципиальных изменений в план, разработанный ген. Притвицем, были сделаны лишь некоторые уточнения.

2. Действия 1-й русской армии после сражения под Гумбиненом

(Схемы 3 и 4)

Таким образом, германское командование главную массу своих войск направило против 2-й армии. Следовательно, успешность наступления последней во многом была поставлена в зависимость от активности и решительности действий 1-й армии.

После операции под Гумбиненом командование фронтом утвердило остановку 1-й русской армии, но в то же время чрезвычайно торопило наступление 2-й армии. 21 августа ген. Жилинский писал ген. Самсонову о том, что «верховный главнокомандующий требует, чтобы начавшееся наступление корпусов 2-й армии велось самым энергичным и безостановочным образом. Этого требует не

[1] «Рейхсархив», *Шефер,* Танненберг, стр. 25.

только обстановка на Северо-западном фронте, но и общее положение».

Общее положение, о котором здесь говорится, определялось успешным наступлением германцев против Франции, а отсюда желание русской ставки скорее оказать помощь французам оттяжкой германских сил с запада на восток.

Взаимодействие русских армий Северо-западного фронта являлось важнейшим условием дальнейшего успешного развития их наступательной операции.

Ген. Ренненкампф, зная с утра 21 августа об отходе германцев и считая, что они отошли на р. Ангерап, в течение 21 и 22 августа держал войска на дневке в районе Гумбинена, якобы с целью наладить работу тыла и организовать управление войсками. Между тем при наличии массовой конницы разведка не была организована, и о поведении противника больше гадали, чем знали достоверно. Конная группа ген. Хана Нахичеванского вместе со всеми войсками армии стояла еще два дня на отдыхе.

В приказе от 22 августа ген. Ренненкампф о противнике говорит, что он «отошел на несколько верст назад и укрепляется». В действительности германские войска вечером 22 августа находились на линии Инстербург, Норденбург, т. е. уже отошли на 50—60 *км* от фронта 1-й армии. В течение 21 и 22 августа войска 1-й русской армии оставались на фронте, достигнутом к вечеру 20 августа,— Тутшен, р. Швентишка, Скечен, и, не зная, куда отошел противник и что он собирается делать, продолжали укрепляться на всем фронте.

Только 23 августа войска 1-й русской армии перешли в наступление, имея задачей этого дня выход на фронт Гумбинен, Дингляукен, что составляло продвижение войск на 10—12 *км*. Встречая лишь мелкие разъезды противника, войска 1-й русской армии беспрепятственно продвинулись вперед, выполнив задачу дня. Характерно, что конная группа ген. Хана Нахичеванского в этот день совершила поход также всего на 15 *км* и остановилась на ночлег, причем, как указывалось выше, эта группа бездействовала перед этим три дня: 20—22 августа. С такой же излишней осторожностью войска 1-й армии продвигались 24 и 25 августа. Вместо организации действительной разведки противника, для чего имелась многочисленная конница, штаб 1-й армии занялся гаданием о направлении отхода противника. Командование 1-й русской армии предполагало, что главная масса войск противника отходит в крепость Кенигсберг.

По мере выдвижения 1-й армии западнее р. Ангерап внимание командования этой армии и фронтового командования приковывалось к крепости Кенигсберг. 25 августа начальник оперативного отдела штаба 1-й армии ген. Байов представил соображения ген. Ренненкампфу о дальнейших действиях армии. В своих соображениях ген. Байов, базируясь на событиях, ограниченных армейскими рамками, считал операцию армии по первой директиве командования фронта от 13 августа выполненной. Но при этом ген. Байов упускал из виду главное, а именно: по этой директиве

армии Северо-западного фронта должны были совместными усилиями охватить германцев западнее Мазурских озер, чего к 25 августа еще не было достигнуто, и в его соображениях об этом не говорится ни слова.

По мнению ген. Байова, на новую операцию армии должно было оказать влияние фланкирующее положение крепости Кенигсберга, куда, как он считал, отошли 1-й и 17-й герм. корпуса.

Поэтому для успешного хода этой новой операции ген. Байов считал необходимым:

1) обложить крепость Кенигсберг и

2) надежнее устроить тыл армии.

Причем потребность войск для обложения исчислялась до 7 пехотных и 1 кавалерийской дивизий. Таким образом, почти вся 1-я армия должна была заняться обложением Кенигсберга.

В соответствии с соображениями ген. Ренненкампфа командующий фронтом ген. Жилинский 26 августа поставил 1-й армии новую задачу обложения Кенигсберга силами до двух корпусов, а остальными войсками указывалось преследовать противника и совместными усилиями с 2-й армией прижать отступающих (по мнению Жилинского) германцев к морю, не допустив их до Вислы.

Крупнейшим и роковым недочетом этой директивы является то обстоятельство, что ген. Жилинский по просьбе ген. Ренненкампфа разрешил приостановить все войска 1-й армии на период подготовки операции обложения Кенигсберга.

Командующий 1-й армией ген. Ренненкампф, используя разрешенную остановку, приступил с 26 августа к подготовке обложения Кенигсберга, содействуя этой операции силами всей армии.

Деятельность командующего 1-й армией ген. Ренненкампфа в свете рассмотренных нами событий требует более критического подхода к ее оценке. Допущенная им остановка армии после сражения под Гумбиненом, при отсутствии в штабе 1-й армии сведений о поведении противника, не может быть оправдана теми оперативными соображениями, из-за которых якобы она была сделана, так как успех фронтовой операции, чего ген. Ренненкампф не мог не знать, в этот период зависел от действий 1-й русской армии. После двухдневного топтания на месте с 23 по 27 августа 1-я армия, не встречая сопротивления, продвигается чрезвычайно медленно. В течение 5 дней она продвинулась на 60—70 *км*, в среднем по 12—14 *км* в сутки. Наконец, остановка всех войск 1-й армии по решению ген. Ренненкампфа для обложения крепости Кенигсберга приводит, по существу, к ликвидации фронтовой операции в целом и к изолированному положению 2-й русской армии. Все это вместе взятое позволяет заключить о том, что со стороны ген. Ренненкампфа в этой операции имели место действия, по существу, предательского характера.

Таким образом, двухдневная остановка 1-й армии под Гумбиненом безнаказанно позволила германцам отойти. Затем медлительность ее наступления с 23 августа, переходами не более 15 *км*, при отсутствии сопротивления, дала возможность противнику перегруппироваться против 2-й армии. А с 26 августа операция Северо-запад-

ного фронта распалась на две армейские операции, не связанные общностью цели и не взаимодействующие между собой. 1-я армия всеми силами занялась обложением Кенигсберга, отстранившись совершенно от общей цели разгрома германцев западнее Мазурских озер. В то же время 2-я армия, подгоняемая фронтом, спешно наступает на северо-запад, с целью преградить пути мнимого отхода германцев к Висле; в связи с остановкой 1-й армии, она была вынуждена вступить в единоборство с превосходными силами 8-й германской армии.

3. План операции 2-й русской армии

(Схемы 1 и 3)

Директивой командующего Северо-западным фронтом от 13 августа 2-й армии предписывалось перейти границу на фронте Августов, Граево, Мышинец, Хоржеле конницей 18 августа и главными силами корпусов 19 августа, направляя основные усилия армии западнее Мазурских озер на фронт Рудшани, Пассенгейм и далее Растенбург, Зеебург. На вспомогательном направлении Августов, Лык, Летцен 2-я армия должна была иметь в качестве заслона в Мазурских озерах 2-й арм. корпус, на который, помимо того, возлагалась задача прикрытия важнейшего направления от Августова на Гродно.

В соответствии с этим командующий 2-й армией ген. Самсонов 16 августа отдал нижеследующую первую директиву войскам, в которой была определена организация марша-маневра армии с рубежа Нарева к границе Восточной Пруссии.

«Противник на фронте 2-й армии без перемен; лишь на фронте Решки, ст. Нутен (между Бяла и Иоганисбург) обнаружено около дивизии пехоты 17-го корпуса, Нейденбург сильно укрепляется.

17 августа 1-я армия переходит в наступление с линии Вержболово, Сувалки на фронт Инстербург, Ангербург. Левофланговый корпус (4-й) направляется на Ангербург, имея заслон к стороне Летцена.

2-й армии, усиленной гвардейским и 1-м арм. корпусами, перейти в наступление на фронт Летцен, Рудшани, Ортельсбург, Пассенгейм, направляя главный удар в обход Мазурских озер с запада, с целью разбить противника, действующего в заозерном пространстве, и отрезать его от Вислы.

2-му арм. корпусу обеспечивать правый фланг армии от покушений противника, могущего дебушировать из проходов Мазурской озерной полосы. Для сего наступать на фронт Летцен, Иоганисбург, действуя энергично против фронта Арис, Иоганисбург, прикрывая себя от ударов со стороны Летцена. Наступление начать 17 августа.

Остальным корпусам, кроме 1-го, начать наступление 18 августа. При этом для наступления 6, 13 и 15-го корпусам предоставляются полосы, указанные в приказе 2-й армии от 14 августа № 1 как районы разведки.

23-му корпусу, без 3-й гвард. пех. дивизии и 1-й стр. бригады, предоставляется дорога Новогеоргиевск, Покржевница, Пржеводово, Голымин, Опинагура, Грудуск, Куклин.

1-му арм. корпусу начать наступление 17 августа. Дорога — Новогеоргиевск, Насельск, Цеханов, Млава и пути к западу от нее.

6, 13, 15 и 1-му арм. корпусам 18 августа дойти до линии — Добрыляс, Збойна, Грабувск, Ружецк, Маков, Сонск; 19 августа — Пупковизна, Липники, Воля Блендовская, Еднорожец, Прасныш, Пеньполе; 20 августа — Домбров, Петлы, Монтвиц, Хоржеле, Кржиновлога, Забоклин, Млава.

23-му корпусу дойти 19 августа до Пржеводово, 20-го — до Муравы.

Гвардейскому корпусу сосредоточиться в районе Варшава, Новогеоргиевск.

4-й кав. дивизии (без 4-го уланского полка) обеспечивать правый фланг 6-го корпуса со стороны Мазурских озер и связь его со 2-м арм. корпусом, действуя в районе между этими корпусами. 6-й кав. дивизии разведывать в полосе, ограниченной справа линией Прасныш, Янов, Молиск, а слева — шоссе Новогеоргиевск, Млава включительно.

15-й кав. дивизии обеспечивать левый фланг армии, ведя разведку в полосе, ограниченной справа шоссе Новогеоргиевск, Млава (искл.), а слева линией Плонск, Дробин, Бежунь, Грозно, Страсбург.

Штаб армии 18 августа утром переедет в Остроленку».

Таким образом, в использовании войск 2-й русской армии мы видим большую распыленность. Из общего количества $12\frac{1}{2}$ пехотных дивизий было обращено на обеспечение операции $5\frac{1}{2}$ дивизий (1 и 2-й арм. корпуса, 3-я гвард. дивизия и 1-я стр. бригада) и вся армейская конница, что составляет около 50% всех сил.

Армейская конница в количестве трех кавалерийских дивизий была использована исключительно для разведки перед флангами и для прикрытия их. Однако конница могла дать гораздо больше, если бы была использована в массированном порядке, сначала для широкой разведки перед фронтом, а затем для удара по правому флангу и тылу южной группы германских войск в направлении на Дейч-Эйлау.

К 17 августа корпуса 2-й русской армии должны были закончить сосредоточение и развертывание на рубеже р. Нарев, отстоящем в 2—3 переходах от границы Восточной Пруссии. Однако к этому времени армейские и корпусные тыловые учреждения в большей части еще находились в стадии формирования и, следовательно, опаздывали прибытием в армию к началу операции.

К 16 августа во 2-й армии насчитывалось шесть корпусов и три кавалерийские дивизии, которые должны были развернуться и действовать на обширном фронте протяжением до 200 *км*. Если учесть к тому же неудовлетворительное оборудование театра военных действий, а также неготовность к этому времени армейского тыла, то будет ясно, что в руках ген. Самсонова была собрана армия чрез-

вычайно громоздкая и трудно управляемая. Помимо того, армии недоставало необходимых запасов материальных средств.

Марш-маневр 2-й русской армии был начат 17 августа и проходил в весьма трудных условиях. Армия опиралась на чрезвычайно слабую материально-техническую базу. Железных дорог в районе действий армии было мало. Имелось всего два железнодорожных направления, подходивших к флангам армии: Белосток, Граево и Варшава, Млава. Первое направление могло обеспечивать только 2-й арм. корпус, действовавший на правом фланге, а второе обеспечивало лишь 1-й арм. корпус и две кавалерийские дивизии. Группа же центральных корпусов: 6, 13, 15 и 23-го, базирующаяся на ст. Остроленка, обслуживалась гужевым транспортом.

Шоссейных и улучшенных грунтовых дорог в районе действий 2-й армии было мало, поэтому войскам пришлось маршировать по весьма тяжелым песчаным дорогам.

Местные средства района наступления группы центральных корпусов были бедны; продовольственных и фуражных излишков у населения не было, и поэтому требовалось все подвозить из тыла.

Трудности 2-й армии еще более усугублялись тем обстоятельством, что командование Северо-западного фронта требовало быстрого и безостановочного продвижения войск армии.

Так, корпуса 2-й армии, начав наступление 17 августа с рубежа р. Нарев, маршировали без дневок по песчаным дорогам и 22 августа вышли на фронт Юха, Ортельсбург, Виленберг, Нейденбург, Сольдау. В тот же день 2-й арм. корпус, действовавший на летценском направлении, был передан в 1-ю армию, соответственно с чем граница между армиями была отнесена западнее Мазурских озер. После этого 2-я армия в составе 6, 13, 15, 23 и 1-го арм. корпусов и 4, 6 и 15-й кав. дивизий занимала фронт общим протяжением до 100 *км*.

Вечером 22 августа командующий 2-й армией ген. Самсонов в донесении штабу фронта так характеризовал положение армии: «Тыл армии до настоящего времени не организован. Страна опустошена: лошади давно без сена, хлеба нет. Подвоз из Остроленки невозможен». Таково было состояние войск 2-й армии перед сражением.

Не лучше обстояло дело у командования 2-й армии и с осведомленностью о противнике. Более или менее полно оно знало о противнике, находившемся перед фронтом армии, а что касается характера действий и положения 8-й германской армии в целом, это для него оставалось неизвестным.

Сведения, получаемые 2-й армией из штаба фронта, основанные на устаревших, а частью неверных данных, не вскрыли действительного положения обстановки. Более того: командование Северо-западного фронта некоторые свои директивные указания обосновывало на ложном представлении положения и действий противника.

23 августа ген. Самсонов получил директиву командования фронта, в которой ген. Жилинский, давая ориентировку о событиях под Гумбиненом, указывал, что: «германские войска после

тяжелых боев, окончившихся победой 1-й армии, поспешно отступают, взрывая за собой мосты». И далее ген. Жилинский приказывает: «оставив один корпус у Сольдау и обеспечив левый фланг надлежащим уступом, всеми остальными силами энергично наступайте на фронт Зенсбург, Алленштейн, который предписываю занять не позже 25 августа. Движение ваше имеет целью наступление навстречу противнику, отступающему перед 1-й армией, с целью пресечь немцам отход к Висле».

Эта директива исходит из неправильной оценки действий противника и его намерений: противник не был разбит, а после частной неудачи вышел из боя и производил перегруппировку для новой операции. Со стороны командования Северо-западного фронта и 1-й русской армии не велась надлежащая оперативная разведка, а о противнике больше гадали.

Командование 2-й армии, вступая в сражение с 8-й германской армией, соответственно этой директиве представляло себе противника поспешно отходившим к Висле, что совершенно не соответствовало действительности.

Кроме того, командующий 2-й армией ген. Самсонов не вполне разделял взгляд ген. Жилинского в отношении плана фронтовой наступательной операции Северо-западного фронта. 23 августа ген. Самсонов, считая указанное направление для наступления 2-й армии не обеспечивающим выполнение задачи, просил командующего фронтом разрешить вести наступление 2-й армии на фронт Алленштейн, Остероде, т. е. уклонив операционное направление примерно на 60 *км* к западу, чтобы с большей вероятностью отрезать германцев от Вислы. Эту просьбу ген. Жилинский отклонил.

Наступление 2-й армии на фронт Растенбург, Зеебург — по директиве ген. Жилинского от 13 августа — не давало надлежащего охвата для выполнения задачи воспрепятствовать отходу германцев к Висле. Совершенно очевидно, что это могло быть выполнено более глубоким охватом, и прав был ген. Самсонов, требуя отклонения к западу главного удара его армии. Но командующий фронтом ген. Жилинский, видимо, опасался отрыва 2-й армии и тянул ее все время к 1-й армии. Стремление ген. Жилинского не допустить разрыва армий и быстрее установить взаимодействие между ними было совершенно правильно, но это могло быть достигнуто другим путем. После Гумбиненского сражения нужно было твердо и решительно приказать командующему 1-й русской армией ген. Ренненкампфу, не давая дневки войскам, организовать преследование германцев и решительнее продвигаться вперед.

Во исполнение директивы командования Северо-западного фронта командующий 2-й армией ген. Самсонов вечером 23 августа отдал войскам свою директиву, суть которой сводилась к следующему:

«Противник, разбитый нашей 1-й армией, поспешно отступает от линии р. Ангерап, прикрываясь, повидимому, со стороны 2-й армии частями своего 20-го корпуса в районе Алленштейн.

1-я армия преследует отступающего.

2-й армии энергично наступать на фронт Зенсбург, Алленштейн.

6-му корпусу наступать в полосе восточнее линии Зееданциг, Раушкен, Кронау.

13-му корпусу: справа — граница с 6-м корпусом, слева — Зимнавода, Лайс, Гросс-Дамерау.

15-му корпусу: справа — граница с 13-м корпусом, слева — Добрженен, Грислинен, Кокендорф.

23-му корпусу — западнее границы с 15-м корпусом».

Эти корпуса к 25 августа должны были продвинуться вперед на 30—40 *км* и выйти на фронт Бишофсбург, Алленштейн, Гогенштейн, выбросив корпусную конницу, поддержанную пехотой, севернее этой линии.

4-й кав. дивизии было приказано выдвинуться к 24 августа в район Зенсбурга и, ведя разведку, обеспечивать операцию армии справа.

1-й арм. корпус имел задачей, занимая район Сольдау, обеспечивать операцию со стороны Дейч-Эйлау.

6 и 15-я кав. дивизии должны были, наступая на фронт Гейльсберг, Цинтен (40 *км* юго-западнее Кенигсберга), совершить глубокий охват с запада, с целью отрезать пути отступления германцев к Висле, одновременно разрушая железные дороги и уничтожая тыловые учреждения.

Войскам армии было указано при выполнении операции «довольствоваться преимущественно местными средствами».

В результате принятых решений германцы, использовав свои мощные железные дороги, собрали против 2-й армии значительные силы. Операция началась при превосходстве германцев примерно на 20 батальонов и 300 орудий, а с 28 августа, когда они почти все силы бросили против центра 2-й армии, было создано более чем двойное превосходство. Силы сторон по участкам фронта с 26 августа выражались данными, указанными в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение сил сторон на фронте 2-й русской армии к 26 августа 1914 года

Участки фронта	Русские						Германцы					
	протяжение в *км*	пехотных дивизий	кавалер. дивизий	батальонов	эскадронов	орудий	протяжение в *км*	пехотных дивизий	кавалер. дивизий	батальонов	эскадронов	орудий
Восточное крыло	15	2	1	32	24	120	15	4	—	50	14	256
Центр (севернее Гильгенбурга) . .	45	5	—	68	—	200	30	5	—	67	22	248
Западное крыло (западнее Гильгенбурга)	25	2	2	42	48	136	20	3	—	43	12	210
Всего		9	3	142	72	456		12		160	48	714

Выполняя данную командованием фронта директиву, войска 2-й армии вступили в сражение на южной границе Восточной Пруссии.

4. Разгром германского заслона на южной границе Восточной Пруссии

(Схемы 2, 3 и 4)

В то время, когда 1-я русская армия после двухдневной остановки под Гумбиненом двинулась на запад, на южной границе Восточной Пруссии 2-я русская армия вступила в бой с германскими войсками, прикрывавшими эту границу.

Группа германских войск, действующих на южной границе под командованием ген. Шольца, после семидневных изнурительных маршей, иногда бесцельных и не вызываемых обстановкой, к 23 августа оборонялась на фронте Орлау, Франкенау, Гильгенбург, Лаутенбург, прикрывая направление на Алленштейн и Остероде. В состав этой группы входили 37 и 41-я пех. дивизии 20-го арм. корпуса, сводная дивизия ген. Унгера и 70-я ландв. бригада, а всего около 3½ пехотных дивизий. Кроме того, в районе Алленштейн заканчивала сосредоточение 3-я рез. дивизия, поступавшая на усиление 20-го корпуса.

Командир 20-го корпуса ген. Шольц был осведомлен о противнике так же мало, как и ген. Самсонов. Он неверно определял силы и группировку 2-й русской армии, считая в ее составе не более 4 пехотных дивизий. А так как в группе, возглавляемой ген. Шольцем, насчитывалось до 4 пехотных дивизий, то он считал силы примерно равными и, исходя из этого, предполагал, «если представится случай, перейти в наступление». Как видим, ген. Шольц намного недооценивал силы 2-й армии, и, если бы не вмешательство штаба 8-й германской армии, он даже мог бы предпринять наступление.

Войска группы ген. Шольца занимали укрепленный рубеж общим протяжением до 30 *км*. Таким образом, пехотная дивизия в среднем занимала фронт обороны протяжением около 8 *км*.

Штаб 2-й русской армии довольно верно определял силы германского заслона на южной границе Восточной Пруссии, но группировку и фронт, занимаемый здесь германскими войсками, он представлял совершенно неправильно. В директиве командующего 2-й армией от 23 августа говорится, что 20-й германский корпус, прикрывая отход остальных корпусов 8-й армии, располагается в районе Алленштейн; в действительности он был гораздо южнее, т. е. ближе к фронту 2-й армии.

К исходу 22 августа войска 2-й русской армии достигли и расположились:

— 6-й арм. корпус — в районе Ортельсбурга;
— 13-й арм. корпус — Виленберг;
— 15-й арм. корпус — Нейденбург;
— 23-й арм. корпус (2-я пех. дивизия) — Кослау;
— 1-й арм. корпус — Сольдау.

Армейская конница: 4-я кав. дивизия — на правом фланге армии в районе Рудшани и 6 и 15-я кав. дивизии — на левом фланге в районе Кучборк.

Со стороны русских войск в бою с германским заслоном принимал участие главным образом 15-й арм. корпус. Командир этого корпуса ген. Мартос так же, как и штаб 2-й армии, не имел правильного представления о группировке противника. Разведка в этом корпусе была поставлена слабо. Находясь в районе Нейденбурга, в полупереходе от оборонительных позиций противника у Орлау и Франкенау, штаб 15-го арм. корпуса не знал о расположении здесь германцев.

Поэтому войска 15-го арм. корпуса, выступив после полудня 23 августа из района Нейденбурга в северном направлении на Гогенштейн, через несколько часов совершенно неожиданно для себя наткнулись на противника в районе Орлау и вступили в бой по инициативе начальников колонн.

15-й арм. корпус маршировал в четырех бригадных коллонах, занимая по фронту около 12 *км.* Его наступление, видимо, явилось неожиданным для германских войск. 8-я пех. дивизия русских энергичным ударом захватила с налета высоты у Орлау, а оборонявшую их 73-ю бригаду 37-й германской дивизии отбросила в северном направлении. Одновременно 6-я пех. дивизия русских сосредоточенным артиллерийским огнем нанесла серьезное поражение 70-й ландв. бригаде.

Таким образом, в результате боя за 23 августа 37-я пех. дивизия и 70-я ландв. бригада германцев оказались в значительной мере потрепанными.

Если бы ген. Самсонов знал действительную обстановку, а не наступал вслепую, то следовало всеми силами 13 и 15-го корпусов и 2-й пех. дивизии обратиться против группы Шольца и до окончания перегруппировки 8-й германской армии нанести ей решительное поражение. Но Самсонов представлял себе обстановку в соответствии с информацией фронта в том виде, что германцы отходят к Висле, а потому спешил на север, чтобы отрезать им пути отхода.

24 августа ген. Шольц рассчитывал перейти в контрнаступление, но, по указанию штаба 8-й германской армии, принял решение на отход и ночью 23 августа предполагал в первую очередь отвести более пострадавшую в бою 37-ю пех. дивизию. Затянувшийся до темноты бой и перемешанность частей не позволили своевременно произвести отход этой дивизии.

В свою очередь, командир 15-го арм. корпуса, ген. Мартос решил атаковать германцев на рассвете 24 августа, не ожидая артиллерийской подготовки. Наступлению 15-го арм. корпуса, по согласованности, достигнутой вечером 23 августа, должен был содействовать 13-й арм. корпус ген. Клюева ударом по левому флангу германцев в общем направлении на Болейнен (сх. 4).

37-я пех. дивизия германцев, будучи сильно расстроенной, на рассвете 24 августа пыталась начать отход, но внезапно была ата-

кована частями 15-го арм. корпуса, что вызвало панику среди германцев.

Эту атаку 15-й арм. корпуса ген. Мартос описывает так: «Германцы, видимо, не ожидали удара и, после упорного сопротивления в укреплениях, стали в беспорядке отступать, бросая раненых. Все поле сражения было покрыто трупами убитых людей и лошадей. Отступление германцев было так стремительно, что до крайности утомленные войска корпуса не могли их преследовать на далекое расстояние».

Об этом же германский полковник Шефер говорит следующее: «Не только во многих случаях пришлось оставить раненых, но не досчитывались целых войсковых частей».

В общем бой 15-го арм. корпуса 24 августа увенчался крупным успехом: 37-я пех. дивизия германцев была почти полностью разгромлена. Она потеряла более 4 тысяч человек убитыми и ранеными и свыше тысячи пленными.

Части 13-го арм. корпуса, содействуя войскам 15-го корпуса, наступали в общем направлении Яблонкен, Болейнен. Непосредственного участия в бою 24 августа эти части не принимали, но угроза их с фланга повлияла на ускорение отхода германцев.

Командир 20-го германского корпуса ген. Шольц в течение 24 августа отвел войска своей группы на фронт Гильгенбург, Мюлен и севернее, уклонив левое крыло группы на запад. К левому флангу 20-го арм. корпуса из района Алленштейна была подтянута 3-я рез. дивизия. Таким образом, группа ген. Шольца на 25 августа насчитывала в своем составе до 4½ пехотных дивизий.

Вечером 24 августа командование 8-й германской армии, после поражения 37-й пех. дивизии, проявляло большое беспокойство за устойчивость 20-го арм. корпуса, от которого зависела дальнейшая судьба операции. В связи с этим ген. Шольцу было указано на то, что он до 26 августа не может рассчитывать на поддержку других корпусов армии и должен удерживаться только силами своей группы.

С 24 августа в руки германского командования начали регулярно попадать русские радиограммы оперативного характера, а иногда и армейские боевые приказы, которые германцы доставали якобы у «убитых» офицеров. Это лишь указывает на то, что у них неплохо работала агентурная разведка. Таким образом, с этого дня германцы действовали, имея открытыми карты противника.

В тот же день ген. Гинденбург, донося главному командованию об обстановке в соответствии с перехваченными русскими радиограммами, докладывал о том, что «решено держать позиции 20-го арм. корпуса, так как отход равносилен поражению. Переброска 1-го арм. корпуса затягивается, 17-й арм. и 1-й рез. корпуса сосредоточиваются к левому флангу».

Штаб 2-й русской армии, находясь в Остроленке, к 24 августа оторвался от войск на пять переходов, что чрезвычайно осложнило управление войсками, особенно при недостатке технических средств связи.

К этому времени корпуса армии достигли:
— 6-й арм. корпус — района Рильбен, Щепанкен;
— 13-й корпус — Едвабно, Омулефофен;
— 15-й корпус — Орлау, Франкенау;
— 23-й корпус (2-я пех. дивизия) — Скотау, Липпау;
— 1-й корпус — Уздау;
— 4-я кав. дивизия — района Зенсбург;
— 6 и 15-я кав. дивизии — района Зелюнь.

Командующий 2-й армией ген. Самсонов, донося 24 августа об успешном исходе боя 15-го корпуса и об отходе противника в северо-западном направлении, вновь просил командующего фронтом ген. Жилинского изменить направление наступления армии на Алленштейн, Остероде.

Командующий фронтом эту просьбу ген. Самсонова теперь удовлетворил. По этому поводу начальник штаба фронта ген. Орановский писал:

«Если установлено, что неприятель отходит на Остероде, и ввиду того, что отступление противника к Кенигсбергу не удается перехватить, главнокомандующий согласен на изменение наступления 2-й армии на Алленштейн, Остероде, но с тем, чтобы направление между Мазурскими озерами и Алленштейном было прикрыто одним корпусом, усиленным кавалерией».

Стремление ген. Самсонова произвести более глубокий охват германцев было правильно, но оно отрывало 2-ю армию от 1-й и не способствовало установлению тесного взаимодействия между ними. Для того чтобы избежать этой опасности, ген. Жилинский должен был одновременно принять меры для согласования действий обеих армий фронта.

Разрешив уклонить операционное направление 2-й армии к западу на 60—70 *км* против прежнего, командующий фронтом одновременно должен был ускорить продвижение 1-й армии и дать ей соответствующее направление, дабы не оставлять 2-ю армию в изолированном положении.

Но в это время внимание командования фронтом, вследствие не соответствующих действительности донесений ген. Ренненкампфа об отступлении немцев, начинает приковываться к Кенигсбергу, и ген. Жилинский склоняется к необходимости блокировать эту крепость войсками 1-й армии.

В результате такого непродуманного до конца решения 2-я армия, наступая на фронт Алленштейн, Остероде, оказалась в трех группах, растянутых на фронте около 100 *км*. На обоих флангах были созданы обеспечивающие операцию группы: на правом — в составе 6-го арм. корпуса и 4-й кав. дивизии, оторванная от других корпусов на 50 *км*, и на левом — 1-й арм. корпус, превращенный в неподвижный заслон у Сольдау, и 6-я и 15-я кав. дивизии. В центре наступала ударная группа в составе 13 и 15-го арм. корпусов и 2-й пех. дивизии 23-го корпуса (3-я гвард. дивизия 23-го корпуса подошла из Новогеоргиевска под конец сражения). Таким образом, около половины сил 2-й армии было обращено на обеспечение операции.

В такой крайне невыгодной оперативной группировке 2-я русская армия с 25 августа вступила в решительный этап операции.

5. Борьба на восточном фланге 2-й армии 26 и 27 августа

(Схемы 3, 4 и 5)

26 августа войска 8-й германской армии должны были закончить перегруппировку и присоединиться к 20-му арм. корпусу с целью наступления против 2-й русской армии. Всего здесь собралось до 13 пехотных дивизий, которые должны были принять участие в решительной операции против 9 дивизий русских. В заслоне против 1-й русской армии было оставлено 1½ пехотных и 1 кавалерийская дивизии.

Утром 25 августа штаб 8-й германской армии располагал достоверными данными о русских войсках и намерениях русского командования, полученных из перехваченных радиограмм. В радиограмме штаба 1-й русской армии сообщалось о том, что:

«Армии предстоит продолжать наступление. 25 августа она достигнет дороги Вирбельн, Норкитен, Норденбург; 26 августа — Дамерау, Алленбург, Гердауен. Хан Нахичеванский (2-я и 3-я кав. дивизии) идет в направлении на Алленбург, прикрывая фронт армии между р. Прегель и дорогой Даркемен, Гердауен; севернее его — Раух (2-я гв. кав. дивизия); южнее его — Гурко (1-я кав. дивизия)».

В радиограмме 2-й русской армии, перехваченной германцами, говорилось, что:

«После боя на фронте 15-го арм. корпуса противник ночью 24 августа отступил в направлении Остероде. У Гильгенбурга, по сведениям, ландверная бригада. 1-я армия преследует противника, который отступает на Кенигсберг и Растенбург.

2-я армия наступает на линию Алленштейн, Остероде и 25 августа достигает главными силами корпусов:

— 13-й — линии Гимендорф, Куркен;

— 15-й — Надрау, Паульсгут;

— 23-й — Михалкен, Гр.-Гардинен...

1-й корпус остается на прежнем месте, охраняя левый фланг армии.

6-му корпусу перейти в район Бишофсбург, Ротфлис, прикрывая правый фланг армии.

4-й кав. дивизии, приданной 6-му корпусу, оставаясь в Зенсбурге, вести разведку на линии Растенбург, Бартенштейн. 6 и 15-я кав. дивизии... штаб — Остроленка» [1].

Имея такие данные о противнике, ген. Гинденбург действовал наверняка. Для действий в таких условиях, надо полагать, не требовалось проявления оперативного творчества, чтобы проникнуть

---

[1] «Рейхсархив», т. 2, стр. 137.

в тайну замысла противника. Обе радиограммы вскрыли группировку 1 и 2-й армий, а также и планы действий командующих этими армиями.

В то время как германское командование располагало полными сведениями о противнике, русское командование очень мало знало о поведении германцев и основывало свои действия больше на догадках, чем на достоверных данных.

Вот ряд данных, характеризующих весьма ограниченную осведомленность о противнике штаба Северо-западного фронта. 23 августа штаб фронта сообщает командующему 2-й армией о том, что противник 1-й русской армией разбит, отступает и 1-я армия его преследует. А 24 августа в разведывательной сводке № 3401 сообщается, что: «На фронте 1-й армии соприкосновение с противником потеряно. По словам жителей, он отступает частью на Кенигсберг и частью на Растенбург».

Руководить фронтовой операцией, зная о противнике только из опроса местного населения, — дело чрезвычайно сложное и недопустимое. Штабы фронта и армий должны были знать о противнике не только из «опроса жителей» (патриотически настроенных германцев), но и из других, более достоверных источников.

Данные авиационной разведки, собранные к 25 августа в штабе 8-й германской армии, давали весьма отрывочные и ограниченные сведения о наступлении 6-го русского корпуса севернее Ортельсбурга. И поэтому, если бы русские радиограммы не помогли германцам, они знали бы о противнике так же мало, как и русские.

Установив движение 6-го корпуса с юга на Бишофсбург, командование 8-й германской армии вечером 24 августа повернуло 1-й рез. и 17-й арм. корпуса на юг, с целью атаковать ими 6-й русский корпус там, где он будет встречен.

Эти германские корпуса, составлявшие восточную группу, после изнурительных форсированных маршей вечером 25 августа расположились на ночлег:

— 1-й рез. корпус (ген. Белов) — в районе Зеебург;

— 17-й арм. корпус (ген. Макензен) — в районе Бишофштейн, Швансфельд;

6-я ландв. бригада, шедшая от Летцена, подтянулась к Ляутерн, войдя в подчинение командира 1-го рез. корпуса.

Командиры этих корпусов, не имея связи со штабом армии, по общей договоренности, решили наступать с утра 26 августа в общем направлении на юг: 1-й рез. корпус — западнее оз. Дидей и 17-й арм. корпус — восточнее этого озера.

6-й арм. корпус ген. Благовещенского, имевший задачей обеспечение правого фланга 2-й армии, вечером 25 августа достиг района Бишофсбурга. На следующий день 6-й корпус должен был оставаться в этом районе, а поэтому ген. Благовещенский использовал эту остановку для предоставления войскам дневки, соответственно с чем были расположены части корпуса на ночлег.

Накануне событий под Бишофсбургом командование 1-го рез. и 17-го арм. германских корпусов так же, как и командир русского 6-го арм. корпуса, не имели ясного представления о противнике,

хотя командиры германских корпусов еще 24 августа были ориентированы штабом 8-й германской армии о присутствии на этом направлении 6-го русского корпуса.

Это обстоятельство ограничило командиров 1-го рез. и 17-го арм. корпусов принятием лишь общего решения—«наступать с утра 26 августа в общем направлении на юг», не вкладывая в этот маневр определенного идейного оперативного замысла.

В свою очередь, русское командование вечером 25 августа не знало того, что 6-й арм. корпус стоит лицом к лицу против двух германских корпусов. Это обстоятельство видно из того, что командование 2-й армии в этот вечер предполагало дать войскам 6-го корпуса дневку. А затем 26 августа задача этого корпуса директивой № 5 ген. Самсонова была изменена. Согласно этой директиве, корпус должен был оставить в районе Бишофсбурга лишь заслон для прикрытия тыла 2-й армии, а главными силами в тот же день двинуться к Алленштейну, с целью 27 августа оказать содействие наступлению 13 и 15-го корпусов.

Части 6-го арм. корпуса были расположены эшелонированно в глубину: 16-я пех. дивизия — в районе Бишофсбурга и 4-я пех. дивизия — севернее последнего, в районе Ротфлис.

Утром 26 августа авангардные части 36-й пех. дивизии 17-го арм. корпуса, слабо ведя разведку, неожиданно наткнулись на охраняющие части 4-й пех. дивизии 6-го корпуса. Действия 36-й пех. дивизии носили нерешительный характер. Около 10 часов командир 17-го арм. корпуса ген. Макензен прибыл в район действий 36-й пех. дивизии и приказал ей окопаться. К этому же времени была развернута и 35-я пех. дивизия этого же корпуса.

Здесь уместно отметить одну характерную черту в действиях ген. Макензена. Как указывалось, в сражении под Гумбиненом 20 августа он бросил свой корпус в бой, не обеспечив его атаку соответствующей артиллерийской подготовкой. Это германцам обошлось очень дорого: корпус имел потери свыше 10 тыс. убитыми и ранеными.

Видимо, разгром корпуса под Гумбиненом явился для ген. Макензена хорошим уроком, ибо в бою под Бишофсбургом наблюдается обратное явление. Так, встретившись утром 26 августа лишь с охраняющими частями 4-й пех. дивизии, командир 17-го арм. корпуса ген. Макензен сосредоточил всю артиллерию корпуса и обрушился всей мощью огня на 4-ю пех. дивизию, и лишь после этого германские войска около 12 часов перешли в атаку. Только прошлым уроком можно объяснить ту осторожность, которую проявлял ген. Макензен утром 26 августа под Бишофсбургом.

В это же время 1-й рез. корпус ген. Белова наступал с севера на юг, в общем направлении западнее оз. Дидей.

Взаимодействие между этими германскими корпусами достигалось с большими трениями. Около полудня 26 августа ген. Макензен (как старший из генералов) предложил командиру 1-го рез. корпуса атаковать с запада на Гросс-Бессау; однако последний, стремясь выйти во фланг и тыл противника, продолжал движение на юг. Эта несогласованность была исправлена по инициативе

командира 36-й рез. дивизии, который, следуя с дивизией в левой колонне корпуса, услышав завязавшуюся сильную артиллерийскую стрельбу со стороны 17-го корпуса, повернул свои войска на помощь последнему. Вместе с этой дивизией была повернута следовавшая за ней во втором эшелоне 6-я ландв. бригада.

Командир 1-го рез. корпуса ген. Белов с 1-й рез. дивизией безуспешно пытался выйти в тыл 6-го арм. корпуса.

Со стороны русских к 13 часам полностью была развернута лишь одна 4-я пех. дивизия, которая, неся большие потери от артиллерийского огня, сдерживала наступление 3½ пехотных дивизий германцев. В это время 16-я пех. дивизия 6-го арм. корпуса бесполезно маршировала на запад.

Выполняя директиву № 5 командующего 2-й армией о движении на Алленштейн, полученную в 10 часов 26 августа, и продолжая считать, что 4-я пех. дивизия ведет бой всего лишь с боковым отрядом отходящих на запад колонн германских войск, командир 6-го арм. корпуса направил 16-ю пех. дивизию на Алленштейн.

Около 12 часов 26 августа, когда 16-я пех. дивизия уже находилась в движении, выяснилось, что 4-я пех. дивизия атакуется крупными силами противника и что вывести ее из боя весьма трудно. Поэтому командир 6-го арм. корпуса отменил свой приказ и вернул 16-ю пех. дивизию в район Бишофсбурга.

И несмотря на то, что 4-я дивизия одна вела неравный бой с противником, более чем в 3 раза превосходившим ее, 16-я пех. дивизия оставалась в бездействии в районе Бишофсбурга. Около 16 часов ген. Благовещенский, ознакомившись с обстановкой на поле боя 4-й пех. дивизии и найдя ее чрезвычайно тяжелой для последней, приказал войскам корпуса отходить южнее Бишофсбурга. Одновременно была отведена и 16-я пех. дивизия, не принимавшая участия в бою.

Итак, ген. Благовещенский решил отвести 6-й корпус, не введя в действие всех сил. Вряд ли он отдавал себе ясный отчет о важности места своего 6-го арм. корпуса в операции 2-й армии. Этот корпус, как указывалось, должен был обеспечивать правый фланг 2-й армии, а поэтому его устойчивость играла важнейшую роль в операции армии. Во всяком случае, общее положение 2-й армии и задача корпуса требовали максимального напряжения и полного использования сил 6-го арм. корпуса.

16-ю пех. дивизию нужно было не отводить, а развернуть в районе Бишофсбурга и здесь вместе с отошедшей 4-й пех. дивизией оказать германцам сопротивление.

К 16 часам германцы ввели в бой против 4-й пех. дивизии все предназначенные для этого силы, насчитывавшие в своем составе до 42 батальонов и 196 орудий.

К этому времени 4-я пех. дивизия (16 батальонов и 72 орудия), развернутая на фронте до 14 *км*, местами начала отходить под напором противника, имевшего тройное превосходство. Приказ ген. Благовещенского об отходе частей корпуса застал 4-ю пех. дивизию уже начавшей совершать частичный отход. Арьергардные

части этой дивизии до позднего вечера вели неравный бой с наступавшими германцами.

Соответственно приказу командира 6-го корпуса, 16-я пех. дивизия отходила в направлении Тервишволька, а 4-я пех. дивизия — Менсгут, 18 *км* южнее Бишофсбурга. Германские войска, утомленные боями, преследования не вели. Части 6-го арм. корпуса отходили беспрепятственно, но в большом беспорядке. Отход совершался всю ночь, и лишь к 10 часам 27 августа сосредоточились: 16-я пех. дивизия — в районе Тервишволька и 4-я пех. дивизия — Щепанкен. 4-я кав. дивизия, прикрывавшая отход частей 6-го арм. корпуса, заночевала восточнее Бишофсбурга, а затем, перейдя южнее последнего, до 17 часов 27 августа находилась в районе Кобультен, Димерн, после чего отошла для прикрытия левого фланга этого корпуса, расположившись в районе Раушкен.

Сражение 26 августа под Бишофсбургом обошлось дорого обеим сторонам: русские потеряли убитыми, ранеными и пленными до 5 тысяч человек и 18 орудий, главным образом за счет 4-й пех. дивизии; в свою очередь, германцы понесли потери до 4 тысяч человек.

6-й арм. корпус, оставив Бишоофсбург, не выполнил задачи и обнажил восточный фланг группы центральных корпусов 2-й армии. Самсонов об этом узнал лишь в полдень 27 августа. Серьезность положения еще более осложнялась тем обстоятельством, что центральные корпуса 2-й армии почти беспрепятственно продвигались на север, подгоняемые ген. Самсоновым по требованию ген. Жилинского.

После боя под Бишофсбургом германские войска расположились на ночлег: 17-й арм. корпус — в районе восточнее Гросс-Бессау; 1-й рез. корпус — Вартенбург, оз. Дидей, Ляутерн и 6-я ландв. бригада — у Ляутерн [1].

Утром 27 августа командиры этих корпусов — ген. Макензен и ген. Белов — долго колебались, пока было принято решение о дальнейших действиях. Они пережили большое беспокойство, причиненное им движением на запад 4-го русского корпуса в районе Гердауен. Под влиянием лишь отдаленно обозначившейся угрозы со стороны войск 1-й русской армии были оставлены в районе Ляутерн 6-я ландв. бригада и около двух полков 17-го арм. корпуса для прикрытия тыла.

Перспектива действий 27 августа для германцев омрачалась тем, что они предполагали южнее Бишофсбурга встретить серьезную оборону всего 6-го арм. корпуса, где русские могли их сковать, как они ожидали, и выиграть время для выдвижения левофланговых корпусов 1-й русской армии в общем направлении на Бишофсбург.

Лишь утром 27 августа командир 17-го арм. корпуса ген. Макензен отдал приказ войскам продвинуться только до Бишофсбурга. Одновременно командир 1-го рез. корпуса ген. Белов решил одной дивизией (36-я рез.) продолжать совместно с 17-м арм. корпусом

[1] «Рейхсархив», т. II, стр. 169—173.

наступление против 6-го русского корпуса в общем направлении на Рашунг, а другую дивизию (1-ю рез.) направить на Вартенбург.

В свою очередь, командир 6-го арм. корпуса ген. Благовещенский, находясь в Менсгуте, утром 27 августа донес командующему 2-й армией об отходе корпуса. В штабе армии это донесение было получено в полдень 27 августа. Ген. Благовещенский проявил еще больше колебаний, нежели ген. Макензен и ген. Белов. До 17 часов 27 августа войска корпуса не знали, что они должны делать. Около 18 часов последовал приказ войскам 6-го корпуса об отходе в район Ортельсбурга.

Начав наступление 27 августа, германские войска — 17-й арм. и 1-й рез. корпуса — продвигались медленно, оглядываясь назад на угрозу со стороны 1-й русской армии. Около 16 часов германцы вошли в соприкосновение с охраняющими частями 16 и 4-й пех. дивизий, а в 17 час. 30 мин. германская артиллерия открыла огонь по расположению русских войск на фронте Менсгут, Щепанкен. Но вскоре после этого части 6-го арм. корпуса получили приказ об отходе и приступили к выполнению его.

В скором времени в рядах отходящих частей 6-го арм. корпуса возникла паника, которая сопровождала их до района Ортельсбурга. Германские войска преследования не вели.

В то время, когда части 6-го арм. корпуса отходили на Ортельсбург, 1-й рез. и 17-й арм. корпуса германцев в ночь на 28 августа расположились на ночлег: 17-й арм. корпус — в районе Менсгут, Кобультен и 1-й рез. корпус — Вартенбург, Прейлово.

Итак, к исходу дня 27 августа 6-й арм. корпус, не введя в дело всех своих сил, отошел в район Ортельсбурга и тем самым обнажил восточный фланг группы центральных корпусов 2-й армии, поставив их под угрозу окружения с востока.

6. Борьба в центре и на западном фланге 2-й армии 26 и 27 августа

(Схемы 3, 4 и 5)

Вечером 25 августа группа ген. Шольца (37-я пех., 40-я пех. и 3-я рез. дивизии, дивизия Унгера и 70-я ландв. бригада) в составе 4½ пехотных дивизий, отойдя из-под Орлау и Франкенау и уклонив свой левый фланг и центр на запад, занимала укрепленную позицию на фронте Мюлен, Гильгенбург. Правее этой группы, на фронте Гильгенбург, Лаутенбург, заканчивал развертывание 1-й арм. корпус ген. Франсуа, усиленный 5-й ландв. бригадой. Ландверная дивизия ген. Гольца направлялась в район Остероде.

Командующий 8-й германской армией ген. Гинденбург, в связи с разгромом 37-й пех. дивизии и дальнейшим продвижением 2-й армии на север, проявлял серьезное беспокойство об устойчивости группы ген. Шольца. Это обстоятельство явилось одним из весьма веских мотивов к ускорению развертывания действий против 2-й армии. Гинденбург 25 августа решил, не ожидая полного сосредоточения 1-го арм. корпуса и прибытия ландверной дивизии

ген. Гольца, начать утром 26 августа общее наступление, нанося главный удар по левому флангу 2-й армии в районе Уздау. Вечером 25 августа в 1-м арм. корпусе было собрано всего 10 батальонов. И все же, невзирая на возражения ген. Франсуа, приказ о наступлении 26 августа был отдан. Он гласил следующее:

«Достоверно известно, что против 20-го арм. корпуса находятся также части 1-го русского корпуса, окопавшиеся в районе Бергглинг, Гребен.

1-й арм. корпус овладевает к 4 часам утра своим левым флангом высотами у Зеебен (севернее Уздау). Не позже 10 часов он переходит в наступление в глубоком уступном порядке от Зеебен и южнее в общем направлении на Уздау. Отряд Мюльмана (5-я ландв. бригада) остается в его подчинении.

Усиленный 20-й арм. корпус удерживает свои позиции и содействует наступлению 1-го арм. корпуса атакой своим правым флангом (41-я пех. дивизия) в направлении на Гребен, Янковиц. Корпус должен быть готов перейти к атаке на всем фронте с сильным правым крылом.

3-я рез. дивизия должна приготовиться к движению в район Гогенштейна.

Я буду до 7 часов утра в Ризенбурге, а затем перейду на восточную окраину Лебау» [1].

Войска 2-й русской армии, нанеся поражение 20-му германскому корпусу под Орлау, в течение 25 августа вперед почти не продвинулись, за исключением 6 и 1-го арм. корпусов, и вечером того же дня находились:

— 6-й арм. корпус — в районе Бишофсбурга и 4-я кав. дивизия — Зенсбург;

— 13-й арм. корпус — Едвабно, Яблонкен;

— 15-й арм. корпус — Орлау, Франкенау;

— 23-й арм. корпус: 2-я пех. дивизия — Скотау и 3-я гвард. дивизия — на походе с юга к Сольдау;

— 1-й арм. корпус — Уздау;

— 6 и 15-я кав. дивизии — в районе Лонск.

Командующий 2-й армией ген. Самсонов, продолжая оставаться в Остроленке и не имея достаточно ясного представления об обстановке на фронте армии, вечером 25 августа отдал войскам телеграфный приказ, суть которого сводилась к продолжению наступления на фронт Алленштейн, Остероде [2].

26 августа 6-й арм. корпус с 4-й кав. дивизией должен был оставаться в районе Бишофсбурга для обеспечения правого фланга армии. Центральной группе — 13 и 15-му арм. корпусам и 2-й пех. дивизии — приказывалось занять 26 августа линию Келарен, Доротово, Гусенофен, Плятейнен. 1-й арм. корпус должен был оставаться севернее Сольдау, обеспечивая операцию армии слева. 6 и 15-й кав. дивизиям указывалось выполнять прежнюю задачу.

Таким образом, по решению командующего 2-й армией ген. Самсонова, выраженному в этой директиве, ударная группа армии была

---

[1] *Головин,* Из истории кампании 1914 г., стр. 435.
[2] ЦВИА, д. № 146—546, лл. 168—170.

составлена всего из 2½ корпусов (5 пехотных дивизий), а для обеспечения операции были использованы 2 корпуса и 3 кавалерийские дивизии. Как видим, силы 2-й армии оказались разбросанными; добрая половина их, обеспечивая операцию, была обречена на пассивные действия. В этом как раз наиболее ярко нашла свое проявление слабая оперативная подготовленность армейского и фронтового командования, которое, растянув войска 2-й армии на фронте до 100 *км,* не создало массированного удара.

Соответственно директиве ген. Самсонова от 25 августа, центральные корпуса 2-й армии должны были, по существу, наступать в пустое пространство. Мало того, наступая на север, они вынуждены были совершать движение вдоль фронта группы ген. Шольца, оборонявшейся на линии Гильденбург, Мюлен и севернее, т. е. подставляли свой левый фланг под удар германцев. Это как раз подтверждает то, что штаб 2-й армии не знал обстановки, сложившейся к вечеру 25 августа.

В результате принятых решений силы сторон в центре и на южном фланге, до подхода 1-го рез. и 17-го арм. корпусов, можно считать, были равными (табл. 3).

Наступление центральных корпусов 2-й армии 26 августа проходило почти беспрепятственно. Начав движение утром, 13-й арм. корпус к вечеру того же дня выполнил поставленную ему задачу, не встретив противника. В то же время 15-й арм. корпус с приданной 2-й пех. дивизией лишь к исходу дня вошел в соприкосновение с противником у Мюлена, и то только левофланговыми частями 6-й пех. дивизии и 2-й пех. дивизией. Последняя под ударом правофланговых частей группы ген. Шольца вынуждена была с большими потерями отойти в район Янушкау, развернувшись фронтом на запад. В течение 26 августа эти корпуса еще более углубились на север, значительно ухудшив свое общее положение.

На западном фланге события этого дня носили нерешительный характер. Здесь 1-й арм. корпус ген. Франсуа, не будучи готовым к наступлению, опоздал с атакой, и в течение дня он больше топтался на месте, нежели наступал. К исходу дня он лишь незначительно потеснил к Уздау части правого фланга 1-го корпуса ген. Артамонова.

Итогом событий 26 августа для 2-й русской армии явилось значительное ухудшение ее общего положения. На правом фланге армии 6-й корпус, понеся частичное поражение и не использовав всех своих сил, отошел южнее Бишофсбурга и обнажил восточный фланг армии; 13 и 15-й арм. корпуса, беспрепятственно наступавшие, значительно углубились на север и ухудшили свое положение; в то же время 2-я пех. дивизия понесла поражение и, отойдя, обнажила левый фланг и тыл 15-го арм. корпуса; 1-й арм. корпус у Уздау был потеснен значительными силами противника.

К 26 августа 1-я русская армия своим левым флангом вышла в район Гердауен, и, таким образом, внутренние фланги 1 и 2-й армий находились на удалении 70 *км.* Следовательно, если бы своевременно был понят маневр противника, направившего свой удар по 2-й армии, то 1-я армия в ближайшие же дни, во всяком

случае не позже 28 августа, могла оказать помощь 2-й армии конницей, а на следующий день и остальными войсками. Но этого не было сделано вследствие того, что как армейское, так и фронтовое командование находилось на ложном пути в оценке поведения противника, считая его отходящим к Висле.

Действительное положение весьма туманно представлялось командованию 2-й русской армии. Штаб армии вечером 26 августа не знал об отходе 6-го арм. корпуса южнее Бишофсбурга, не знал о том, что 13 и 15-й арм. корпуса маршировали по пустому пространству и что положение армии почти критическое. Это показывает на то, что непрерывность и четкость управления возможны лишь в условиях тесной связи с войсками. А штаб 2-й армии, оторвавшись от войск до шести переходов, из органа управления превратился в орган, регистрирующий события, и то с большим опозданием.

Русское верховное командование, не зная того, что 2-я армия к вечеру 26 августа находится почти в критическом положении, продолжало разрабатывать план наступления от Варшавы на Познань. В одном из тезисов этих соображений говорилось, что необходимо «торопиться с очищением от противника Восточной Пруссии», с целью ускорить переброску 1-й армии (4—5 корпусов) на западный берег Вислы.

В результате полного отсутствия сведений об истинном положении 2-й армии командование фронтом все настойчивее требовало от ген. Самсонова быстрейшего наступления. Под влиянием этого последний форсирует продвижение центральных корпусов армии на север, не считаясь с их материальной необеспеченностью.

В итоге 26 августа германцы добились некоторого успеха лишь на восточном фланге, где они, имея почти тройное превосходство сил, вынудили 6-й русский корпус отойти южнее Бишофсбурга. В центре и на южном фланге их наступление развития не получило. Здесь 1-й германский корпус ген. Франсуа не выполнил задачи, поставленной ему на 26 августа. Под впечатлением проигранного германцами Гумбиненского сражения ген. Франсуа весьма осторожно подходит к решению задачи корпуса. Он так же, как и ген. Макензен в бою под Бишофсбургом, без мощной артиллерийской подготовки не рискнул послать пехоту атаковать позиции русских. Тяжелая артиллерия 1-го германского корпуса к 26 августа сосредоточением запоздала, что повлекло за собой перенесение времени начала наступления этого корпуса вместо утра на полдень того же дня.

Вечером 26 августа германское командование обстановку, сложившуюся на фронте армии, расценивало следующим образом: 1-й арм. корпус ген. Франсуа в итоге дня занял исходное положение для наступления на Уздау; против него стояли две дивизии 1-го русского корпуса и гвардейские части, подвозимые в район Сольдау. В центре армии, в районе Ваплиц, Гардинен, наступали 23 и 15-й русские корпуса, с которыми вела бой группа ген. Шольца; результаты боя были неизвестны. Восточнее озер 13-й русский корпус двигался на Алленштейн. Имевшиеся сведения

о действиях 17-го арм. и 1-го рез. корпусов не давали полной картины. О них было известно, что они вели бой с 6-м русским корпусом севернее Бишофсбурга, а данных об исходе боя не было.

Германскому командованию было известно, что 1-я русская армия своим левым флангом вышла в район Гердауен, угрожая ударом в тыл 17-го арм. и 1-го рез. корпусов.

В такой обстановке командующий 8-й германской армией ген. Гинденбург вечером 26 августа отдал приказ, согласно которому войска должны были с 4 часов 27 августа с «величайшей энергией продолжать наступление».

«Усиленному 1-му арм. корпусу, образовав сильные уступы вправо, наступать на Уздау; усиленному 20-му арм. корпусу поддерживать наступление 1-го арм. корпуса сильным наступлением на Уздау, а остальными силами продолжать наступление в прежнем направлении.

После взятия Уздау самое главное — ударом во фланг от Уздау смять противника, действующего против 20-го арм. корпуса. Для этого необходимо, чтобы и 1-й арм. корпус возможно более крупными силами наступал на Нейденбург.

Помимо того, на усиленный 1-й арм. корпус возлагается обеспечение фланга со стороны Борхерсдорфа»[1].

Кроме того, ген. Гинденбург, за отсутствием сведений, ошибочно рассчитывал на то, что 3-я рез. дивизия за 26 августа продвинулась до Гогенштейна, и потому приказал этой дивизии наступать из района Гогенштейна на Ваплиц. В действительности 3-я рез. дивизия находилась западнее Гогенштейна и никак не могла наступать на Ваплиц.

Таким образом, германское командование на 27 августа ставило целью отбросить фланговый русский корпус на уздауском направлении и наступлением от Уздау на Нейденбург создать угрозу флангу и тылу 13 и 15-го русских корпусов.

Положение войск 2-й русской армии, создавшееся к вечеру 26 августа, требовало от командования этой армии на 27 августа таких мероприятий, которые исключали бы дальнейшее продвижение русских корпусов на север.

При такой ситуации для 2-й армии, которая сложилась 26 августа в связи с остановкой 1-й русской армии для обложения Кенигсберга и при полной неорганизованности ее тыла, единственно правильным мероприятием ген. Самсонова был бы отвод центральных корпусов (13 и 15-го) на фронт Едвабно, Нейденбург.

Но чтобы принять решение, отвечающее действительности, нужно хорошо знать оперативную обстановку. Вот этого-то и нехватало командованию 2-й армии, когда оно намечало мероприятия на 27 августа. Оно не знало об отходе 6-го арм. корпуса южнее Бишофсбурга, а также не знало и положения войск в центре и на левом фланге армии. Поэтому было принято решение, идущее вразрез с обстановкой.

---

[1] *Эльце,* Танненберг, стр. 304—305.

Корпусам 2-й армии на 27 августа предписывалось: 6-й арм. корпус должен был, оставив заслон у Бишофсбурга, наступать на Алленштейн для содействия 13 и 15-му арм. корпусам, нанося удар по левому флангу противника; 13 и 15-му арм. корпусам указывалось продолжать наступление на фронт Алленштейн, Остероде; 1-й арм. корпус с приданными частями продолжал обеспечивать левый фланг армии, оставаясь в районе Уздау.

Командование 2-й армии при этом исходило из ложной, предвзятой оценки положения противника, сложившегося после Гумбиненского сражения. Считалось, что главная масса войск 8-й германской армии спешно отходит к Висле, а против 2-й армии действует лишь заслон, прикрывающий этот отход. А отсюда делался вывод — спешным наступлением войск 2-й армии сбить заслон противника и перехватить пути его отхода.

27 августа, как и в предыдущий день, стояла сухая и жаркая погода. Люди изнемогали от жары. К тому же русские войска переживали большой недостаток в продовольствии; они буквально голодали. В ином положении находились германцы: они базировались на благоустроенный тыл и были обеспечены всем необходимым в достаточном количестве.

Командир 20-го германского корпуса ген. Шольц, считая, что против Мюлена русские имеют до двух корпусов, и не рассчитывая здесь на успешное наступление, решил у Мюлена и севернее обороняться силами до 2½ пехотных дивизий (дивизия ген. Унгера и 3-я рез. дивизия), а на правом фланге двумя дивизиями (41 и 37-й) продолжать наступление в восточном направлении.

Как указывалось выше, 15-й арм. корпус должен был 27 августа продолжать наступление на Остероде. Однако обстановка, которая была более известна командиру этого корпуса ген. Мартосу, чем штабу 2-й армии, требовала иных действий. Войска этого корпуса еще 26 августа частично уже ввязались в бой с германцами южнее Мюлена, а 2-я пех. дивизия, приданная этому корпусу, понесла в этот день поражение и отскочила в район Янушкау. Таким образом, не могло быть и речи о наступлении на север. Требовалось направить усилия войск против группы противника, оказавшегося на фланге. Поэтому ген. Мартос утром 27 августа развернул все свои войска на фронте Гогенштейн, Мюлен для наступления в западном направлении на мюленские оборонительные позиции противника.

Для содействия наступлению 15-го арм. корпуса, по просьбе ген. Мартоса, из состава 13-го корпуса была направлена одна бригада от Штабиготен на Дребниц, с целью охвата с севера левого фланга противника.

Остальные части 13-го арм. корпуса с утра 27 августа продолжали наступление на Алленштейн, который они заняли во второй половине дня, не встретив сопротивления.

Войска 15-го арм. корпуса значительное время потратили на подготовку прорыва оборонительной позиции германцев. Лишь около 16 часов началась общая атака, которая развивалась на всем фронте весьма успешно. К 20 часам части этого корпуса прорвали германскую оборону и захватили станцию Мюлен, но за неимением

резервов далее развить успеха не могли. Одновременно на Гильгенау наступала бригада 13-го арм. корпуса, которая к вечеру, прорвав оборону германцев, вышла в район Рейхенау.

Под влиянием энергичного и успешного наступления частей 15-го арм. корпуса на фронте Дребниц, Мюлен в рядах дивизии ген. Унгера возникла паника. В связи с этой неудачей и прорывом русских у Мюлена, ген. Шольц приостановил наступление 37-й пех. дивизии южнее этого пункта и направил ее на левый фланг группы для восстановления положения. С этой же целью было изменено направление наступления 41-й пех. дивизии. Ей было приказано из района Туровкен наступать в северо-восточном направлении на Ваплиц с целью удара в тыл 15-му арм. корпусу. Но из-за позднего времени и утомленности войск 41-я дивизия этой задачи не выполнила.

Таким образом, в центре исход боя за 27 августа не дал решительных результатов ни одной стороне. 13-й арм. корпус беспрепятственно занял Алленштейн; 15-й арм. корпус прорвал оборону германцев, но за неимением резервов развить успеха не мог.

Германцы, имевшие здесь почти двойное превосходство сил, с большим основанием могли рассчитывать на успех. Однако они не сумели использовать этот крупнейший оперативный фактор. У них так получилось, что 37 и 41-я пех. дивизии весь день безрезультатно маршировали: с утра они наступали по пустому пространству, а затем, как указывалось, получили новые задачи, связанные с большим передвижением.

На западном фланге усиленный 1-й русский корпус на 27 августа имел задачей, удерживаясь в районе Уздау и южнее, обеспечивать левый фланг армии.

В свою очередь, усиленный 1-й германский корпус, сблизившись накануне с оборонительной позицией противника, должен был с утра того же дня атаковать русских в районе Уздау.

Части 1-го германского корпуса утром 27 августа начали наступление на всем фронте. 1-я пех. дивизия, поддержанная ударом бригады Шметау с севера во фланг русских, около 10 часов захватила Уздау. Одновременно юго-западнее Уздау наступали 2-я пех. дивизия и 5-я ландв. бригада. Они вначале имели некоторый успех, а затем около 9 часов их наступательный порыв был остановлен пулеметным и артиллерийским огнем русских.

Воспользовавшись остановкой наступления 2-й пех. дивизии и 5-й ландв. бригады, левофланговые части 1-го русского корпуса около 10 часов перешли в контратаку. Контрудар русских был направлен против 5-й ландв. бригады и 2-й пех. дивизии. В контратаке приняли участие 22-я пех. дивизия, 1-я стр. бригада, части 3-й гвард. дивизии и частично кавалерия. Удар русских был чрезвычайно энергичным и носил стихийный характер. В скором времени контратакованные германские части были смяты и начали отход на север, многие из них поддались панике. В результате контратаки успех на стороне русских был очевидным, но развить его они не могли. Действия русских войск, участвовавших в контратаке, были организованы слабо, руководство этими войсками со

стороны командования корпуса отсутствовало, и поэтому этот успех остался неразвитым и носил местный характер, несмотря на наличие двух кавалерийских дивизий (6 и 15-я) в этом районе.

Когда на левом фланге 1-го русского корпуса контратакой 22-й пех. дивизии был достигнут значительный успех, в это время (около 11 часов) на его правом фланге, в 24-й пех. дивизии, был распространен по телефону от имени командира корпуса ген. Артамонова ложный приказ об отходе. В скором времени этот приказ охватил все части, и, вследствие плохого управления в этом корпусе, войска начали отходить [1].

В связи с поражением частей правого фланга 1-го германского корпуса ген. Франсуа приказал 1-й пех. дивизии нанести удар от Уздау на юг, во фланг контратакующих русских частей. Но в это время 1-й русский корпус по ложному приказу начал отходить по всему фронту. Поэтому 1-я пех. дивизия германцев, почти не встречая сопротивления, быстро продвинулась и заняла Гр.-Тауерзее, в связи с чем она оказалась впереди 2-й пех. дивизии, которая была расстроена контратакой русских и приводила себя в порядок.

Части 1-го русского корпуса, не преследуемые германцами, в беспорядке отходили на юг. К вечеру 27 августа они, имея арьергардные части (около 3 полков) севернее Сольдау, отошли южнее последнего.

Таким образом, события 27 августа на западном фланге окончились не в пользу русских. 1-й русский корпус отошел по провокационному приказу, что создало иллюзию одержанной германцами победы. На уздауском направлении силы сторон были почти равные. 1-й русский корпус отошел, будучи еще достаточно боеспособным. Части этого корпуса, бесспорно, могли бы еще держаться, тем более в условиях обороны.

Обнаружив отход 1-го русского корпуса, ген. Франсуа от преследования отказался. Он считал, что русские отошли на оборонительный рубеж севернее Сольдау и что они еще достаточно сильны и боеспособны для серьезного сопротивления.

Войска 1-го германского корпуса оказались значительно расстроенными, и поэтому ген. Франсуа от дальнейших наступательных действий 27 августа отказался, приняв выжидательный образ действий.

Штаб 2-й армии об отходе 1-го арм. корпуса не знал, так как ген. Артамонов около 14 часов сообщил начальнику штаба армии ген. Постовскому о том, что «корпус держится упорно и задачу выполнит». Около 18 часов 27 августа командующий 2-й армией узнал от командира 6-й кав. дивизии ген. Штемпель об отходе 1-го корпуса южнее Сольдау. Вслед за этим ген. Самсонов, считая действия командира 1-го корпуса ген. Артамонова неправильными, отстранил его от командования корпусом и вместо него назначил ген. Душкевича [2].

---

[1] Материал расследования причин поражения 2-й русской армии осенью 1914 г.

[2] Там же.

В итоге событий 26 и 27 августа положение 2-й армии резко ухудшилось. Ее оба фланговых корпуса, без достаточного к тому основания, отошли на юг: 6-й арм. корпус — в район Ортельсбурга и 1-й арм. корпус — южнее Сольдау.

В это же время группа центральных корпусов (13 и 15-й) значительно продвинулась на север, достигнув Алленштейна. Все это вместе взятое, а именно: отход на юг фланговых корпусов и продвижение на север центра, создало для 13 и 15-го арм. корпусов к исходу 27 августа обстановку чрезвычайно опасную: они оказались фактически в полуокружении.

Таким образом, операция 2-й армии вечером 27 августа оказалась в кризисном состоянии. Мероприятия для предотвращения нависшей катастрофы могли быть приняты как распоряжением фронтового командования, так и распоряжением и средствами командования 2-й армии.

Посмотрим, чем могло командование этих двух инстанций помочь центральным корпусам 2-й армии.

В руках фронтового командования имелось одно средство — установить взаимодействие между армиями, организовав помощь со стороны 1-й армии. Последняя 27 августа производила перегруппировку для обложения Кенигсберга. Ее левофланговые корпуса (2 и 4-й), находившиеся в районе Гердауен, были удалены около 90 *км* от района Алленштейна. Примерно на таком же удалении находилась и конница 1-й армии. Следовательно, 1-я армия могла оказать помощь 2-й армии через 2—3 дня, т. е. 29—30 августа. Правда, конницей она могла, действуя решительно, выдвинуться в район Алленштейна примерно в полдень 29 августа.

Командование Северо-западным фронтом до 28 августа оптимистически рассматривало обстановку, сложившуюся на восточно-прусском театре военных действий, и не знало действительного положения вещей. Лишь донесение ген. Самсонова от 27 августа о положении 2-й армии позволило ген. Жилинскому установить замысел германского командования[1]. До этого считалось, что германцы после неудачного для них сражения под Гумбиненом отходят к Висле, а в действительности они после перегруппировки навалились на 2-ю армию.

Предпринятая после этого попытка помощи по приказанию ген. Жилинского от 28 августа со стороны 1-й армии оказалась неэффективной. Ее левофланговые корпуса (4 и 2-й), находясь в районе Гердауен, были удалены от Алленштейна на 90 *км* и поэтому могли подойти туда примерно через 3 дня. Эти корпуса, двинутые Ренненкампфом на запад, начали движение лишь во второй половине дня 28 августа, а вечером следующего дня они уже были остановлены. Жилинский необоснованно и ошибочно считал, что 2-я армия отошла к 29 августа на линию границы; поэтому делалось излишним, по его мнению, дальнейшее движение корпусов 1-й армии на запад, и он приказал 29 августа их остановить. Кон-

[1] По получении этого донесения ген. Жилинский 28 августа телеграфировал ген. Самсонову: «Отвести корпуса 2-й армии на линию Ортельсбург, Млава». Но этот приказ, за отсутствием связи, до Самсонова не дошел.

ница 1-й армии могла оказать помощь скорее, но она, выдвинувшись в район Гутштадт, Алленштейн, вследствие нерешительности действий и плохой связи после коротких боев 30 августа отошла обратно на северо-восток, не оказав влияния на положение 2-й армии.

Таким образом, 2-я армия продолжала оставаться в изолированном положении. Следовательно, помощь находившимся в полуокружении 13 и 15-му арм. корпусам могла быть оказана только мероприятиями командования этой армии.

Для этого ген. Самсонов располагал достаточно крупными силами, хотя несколько расстроенными. В районе Ортельсбурга находился отошедший туда 6-й арм. корпус с 4-й кав. дивизией и южнее Сольдау — 1-й арм. корпус с 6 и 15-й кав. дивизиями.

Мероприятия ген. Самсонова на 28 августа должны были выразиться в отводе 13 и 15-го арм. корпусов из образовавшегося оперативного мешка, при решительном содействии этому со стороны 6 и 1-го арм. корпусов и конницы.

Фланговые корпуса в обстановке, сложившейся к исходу 27 августа, должны были выполнить важнейшую роль в дальнейшем ходе операции этой армии. Только эти корпуса совместно с конницей решительным наступлением на фланговые группировки германцев могли сковать их и выиграть время для отхода 13 и 15-го арм. корпусов. Нужно было категорически потребовать от командиров 6 и 1-го арм. корпусов энергичных и решительных действий. Этого не было сделано, ибо командование 2-й армии не знало обстановки на фронте армии к вечеру 27 августа.

7. Поражение центра 2-й армии 28 августа

(Схемы 5 и 6)

В итоге боевых действий 27 августа германские войска имели успех на обоих флангах. Русские корпуса здесь отошли на юг и обнажили фланги продвинувшихся на север центральных корпусов. В центре армии группа ген. Шольца не только оказалась неспособной «решительно наступать», как ей приказывалось, но и понесла за день значительное поражение. Ее оборона у Мюлена была русскими прорвана, а в некоторых частях этой группы возникла паника. 1-й германский корпус под Уздау контрударом русских войск был также несколько расстроен.

В такой обстановке ген. Гинденбург решил окружить 13 и 15-й арм. корпуса русских, для чего вечером 27 августа был отдан нижеследующий приказ:

«Усиленному 20-му арм. корпусу, ландверной дивизии в Биселене, 1-му рез. и 17-му арм. корпусам атаковать и окружить русские 13 и 15-й арм. корпуса. В Алленштейне находится одна русская дивизия. В 4 часа 20-му арм. корпусу и 3-й рез. дивизии атаковать с правого фланга противника под Гогенштейном.

Ландверной дивизии в 5 часов перейти в наступление через Манхенгут (8 *км* южнее Биселена) на Гогенштейн.

Усиленному 1-му рез. корпусу и частям 17-го арм. корпуса атаковать противника под Алленштейном, в случае его отхода на юг повернуть правым крылом на Штабиготен.

17-му арм. корпусу, кроме того, продолжать преследование в направлении Виленберга.

1-й арм. корпус сегодня отбросил противника под Уздау и южнее в направлении на Сольдау и прикрывает тыл производящих окружение войск»[1].

Таким образом, германское командование на 28 августа задалось целью окружить 13 и 15-й арм. корпуса и 2-ю пех. дивизию. Рассмотренная выше обстановка, сложившаяся к этому времени, благоприятствовала этой цели. Помимо того, командование 2-й русской армии, не имея ясного представления не только о положении противника, но и о своих войсках, своим решением на 28 августа невольно помогало выполнению замысла противника.

Вечером 27 августа ген. Самсонов находился со штабом армии в Нейденбурге. Обстановка на фронте представлялась ему в следующем виде: 6-й арм. корпус предполагался находящимся в районе Менсгут, Щепанкен; 13-й арм. корпус продвинулся вперед и занял Алленштейн; 15-й арм. корпус с 2-й пех. дивизией вели сильный бой на линии Гогенштейн, Мюлен; о положении 1-го арм. корпуса ясного представления не имелось; были сведения о том, что он отошел к Сольдау, но эти данные взяты были под сомнение, и его предполагали находящимся севернее Сольдау.

Исходя из такой обстановки, ген. Самсонов решил силами 23 и 1-го арм. корпусов сковать германцев на фронте Янушкау, Сольдау, а войсками 13 и 15-го арм. корпусов нанести удар во фланг и тыл противника из района Гогенштейн, Мюлен на юго-запад, в общем направлении на Лаутенбург. 6-й корпус должен был передвинуться в район Пассенгейма, обеспечивая операцию с северо-востока.

В соответствии с этим был отдан на 28 августа нижеследующий приказ:

«Сегодня, 27 августа, 1-й арм. корпус вел бой на фронте Уздау, Хейнрихсдорф, Гросс-Ленск, причем атаки немцев отбиты. 2-я пех. дивизия после упорного боя у Янушкау заняла позицию западнее д. Франкенау. 15-й арм. корпус занял д. Мюлен и лес Вальсдорф. Бригада 13-го арм. корпуса — за крайним правым флангом 15-го арм. корпуса; остальные части 13-го корпуса занимают Алленштейн.

28 августа 1-му арм. корпусу во что бы то ни стало удерживать позиции впереди Сольдау для обеспечения левого фланга армии.

23-му арм. корпусу (2-я пех. дивизия и подошедшие части 3-й гвард. пех. дивизии) во что бы то ни стало удерживать позиции на фронте к западу от д. Франкенау. Командиру 23-го арм. корпуса подчиняется бригада 6-й кав. дивизии.

13 и 15-му арм. корпусам под общим начальством ген. Мартоса энергично с рассветом наступать в общем направлении на Гильген-

[1] *Эльце,* Танненберг, стр. 312.

бург, Лаутенбург с целью атаковать противника, находящегося против 23 и 1-го арм. корпусов, во фланг и тыл.

6-му арм. корпусу передвинуться в район Пассенгейма.

Штаб армии — Нейденбург»[1].

Вслед за отдачей этого приказа, одним часом позже, ген. Самсонов в донесении командующему фронтом положение армии характеризовал так:

«Сегодня второй день армия ведет бой на всем фронте. По опросу пленных оказалось, что со стороны неприятеля участвуют 1, 17 и 20-й арм. и 1-й ландверный корпуса. На левом фланге 1-й корпус удерживал свои позиции до 15 часов. Затем корпус был отведен без достаточных оснований в район Сольдау, за что я удалил ген. Артамонова от командования корпусом, и корпус принял ген. Душкевич (командир 22-й пех. дивизии — *Ф. Х.*). В центре 2-я дивизия понесла большие потери, но доблестный Либавский полк удержал свои позиции у Франкенау. Ревельский полк почти уничтожен: остались знамя и взвод. Эстляндский полк в большом беспорядке отошел к Нейденбургу, где, по моему распоряжению, был устроен.

В 11 часов дня 15-й корпус перешел в наступление, по моему приказанию, на Гогенштейн и Мюлен. Сюда была отправлена бригада 13-го корпуса. Эта атака увенчалась успехом: Мюлен взят в 12 часов вечера. Замечен отход немцев в юго-западном направлении. Остальные части 13-го корпуса взяли Алленштейн. Последние сведения о 6-м корпусе были получены в 14 часов о том, что он в 13 часов был у Щепанкен, выдержав 26 августа упорные бои у Бишофсбурга»[2].

Получив это донесение, ген. Жилинский ночью на 28 августа приказал ген. Ренненкампфу двинуть левофланговые корпуса и конницу 1-й армии на помощь 2-й армии. Но это мероприятие оказалось запоздалым и потому безрезультатным, что нами было разобрано выше.

В этих двух документах дана различная оценка обстановки на левом фланге армии. В приказе по армии 1-й арм. корпус значится в районе Уздау, а в донесении командующему фронтом указывается, что он отошел в район Сольдау. В последнем случае штаб 2-й армии основывается на новых данных, полученных после отдачи приказа. Несмотря на это уточнение обстановки (выяснился отход 1-го корпуса), приказ по армии на 28 августа был оставлен в силе, хотя он ни в коей мере не отвечал действительности.

По этому поводу, месяцем позже, начальник штаба 2-й армии ген. Постовский писал: «Отступление 1-го арм. корпуса к Иллово и Млаве сразу изменило положение дел. Немцы получили возможность беспрепятственно обойти левый фланг и тыл армии в направлении к Нейденбургу. Оставалось одно: энергичным переходом в наступление 13-го корпуса смять левый фланг противника и тем принудить его к отступлению. Иначе говоря, отход ген. Артамо-

---

[1] ЦВИА, д. № 13129, л. 87.
[2] Там же, д. № 123329.

нова к Иллово не мог послужить основанием для изменения приказа № 2, который и остался в силе на 28 августа. Но штаб армии решено было перевести в Надрау»[1].

В этих высказываниях ген. Постовского заложено сплошное противоречие. Вначале он считает, что отход 1-го арм. корпуса резко ухудшил положение на левом фланге армии, а через несколько строк признает это ухудшение несущественным или, во всяком случае, не вызывающим изменения замысла операции армии, изложенного в приказе на 28 августа. А нависшую в связи с этим угрозу флангу и тылу центральных корпусов он мыслит локализовать ударом 13-го арм. корпуса по левому флангу германцев в районе западнее Гогенштейна.

Однако в этих доводах ген. Постовского упускается весьма существенный фактор — соотношение сил, что должно было внушительным образом сказаться и определить решение ген. Самсонова на 28 августа.

Соотношение сил сторон вечером 27 августа было далеко не в пользу русских. По решению ген. Гинденбурга и в связи с отходом 6 и 1-го корпусов, против центра 2-й армии (13 и 15-й арм. корпуса и 2-я пех. дивизия) 28 августа должны были действовать почти все войска 8-й германской армии, т. е. около 13 пехотных дивизий против 5 дивизий русских. Только в районе севернее и южнее Мюлена, там, где предполагалось иметь 28 августа решительное фланговое наступление 13 и 15-го арм. корпусов, было собрано до 6 пехотных дивизий германцев. К тому же, эти русские корпуса были разбросаны. 13-й арм. корпус, находясь в Алленштейне, должен был с утра 28 августа совершить 25-*км* марш в район западнее Гогенштейна, прежде чем принять участие в бою совместно с 15-м арм. корпусом.

Таким образом, судя по соотношению сил, центральные русские корпуса не имели шансов на успех. И если все же командование 2-й армии оставило в силе приказ на 28 августа, основанный на ложном понимании обстановки, то это лишний раз указывает на весьма слабую его осведомленность о положении противника и своих войск.

Утром 28 августа ген. Самсонов эвакуировал штаб 2-й армии в Остроленку, а сам с оперативной частью штаба из Нейденбурга перешел в Надрау, где присоединился к штабу 15-го арм. корпуса. Этот переезд мотивировался необходимостью непосредственного руководства операцией 13 и 15-го арм. корпусов, хотя они в то время уже были объединены под общим командованием ген. Мартоса.

В связи с переходом штаба из Нейденбурга была снята связь как со штабом фронта, так и с корпусами 2-й армии. Это обстоятельство лишило ген. Самсонова возможности руководить и объединять действия корпусов этой армии. Таким образом, по существу, разделение штаба армии привело к его ликвидации и еще более ухудшило положение армии.

---

[1] ЦВИА, д. № 4050, л. 42.

28 августа на восточных флангах обеих сторон боевых столкновений почти не было. Здесь германские 1-й рез. и 17-й арм. корпуса, оставив против 6-го корпуса заслон силой не более одного полка, совершали маневр с целью окружения центра 2-й армии. Но выполнение этого маневра осуществлялось весьма медленно, к тому же с большими трениями во взаимоотношениях между командирами этих корпусов.

Эти германские корпуса имели задачей 28 августа атаковать русских под Алленштейном. 1-й рез. корпус ночь на 28 августа провел южнее Вартенбурга и находился ближе к Алленштейну, чем 17-й арм. корпус. Поэтому ген. Белов, готовясь с утра к наступлению, решил выждать подхода 17-го арм. корпуса, с тем чтобы одновременно совершать движение и нанести удар русским. При этом 1-й рез. корпус должен был следовать южнее линии Вартенбург, Алленштейн, а 17-й арм. корпус — севернее ее.

Уже на марше, в 10 час. 30 мин., командир 1-го рез. корпуса ген. Белов получил данные от разведки о том, что русские из Алленштейна отошли и там оставлены лишь части прикрытия. Одновременно он получил из штаба 8-й германской армии следующий приказ: «Кратчайшим путем наступать на фронт Штабиготен, Грислинен. Требуется спешность» [1].

На основе этих данных изменившейся обстановки ген. Белов предложил в порядке согласования командиру 17-го арм. корпуса ген. Макензену повернуть от Вартенбурга на юг, в район Пассенгейма, с целью преградить пути отхода на восток 13 и 15-го русских корпусов. А 1-м рез. корпусом ген. Белов предполагал наступать, выполняя новый приказ командующего армией.

Однако ген. Макензен имел в этом отношении иное мнение. Он находил более подходящим и целесообразным повернуть на юг 1-й рез. корпус, а 17-му арм. корпусу продолжать наступление на Штабиготен. Так как ген. Белов продолжал твердо придерживаться своих высказанных предложений, то ген. Макензен как старший в чине приказал ген. Белову очистить пути на Алленштейн и Штабиготен для 17-го арм. корпуса. Эти требования ген. Белов не выполнил. Спор между командирами этих корпусов был поставлен на разрешение командующего армией. В штаб армии был послан на самолете офицер за указаниями по конфликтному вопросу. До получения распоряжений из штаба армии войска 17-го арм. корпуса были остановлены на привал.

Около 15 часов командиры 1-го рез. и 17-го арм. корпусов из Вартенбурга связались по телефону со штабом армии, откуда было приказано 17-му арм. корпусу немедленно наступать в южном направлении, а 1-му рез. корпусу продолжать движение на Штабиготен.

В результате несогласованности действий 17 и 1-го рез. корпусов они в течение 28 августа больше топтались на месте и задачи дня не выполнили.

1-й рез. корпус ген. Белова, направляя главные силы южнее Алленштейна, на Штабиготен, безрезультатно пытался воспрепят-

---

[1] «Рейхсархив», т. II, стр. 197.

ствовать движению 13-го русского корпуса из Алленштейна на юг. Части 1-го рез. корпуса, начиная примерно с 18 часов, до поздней ночи преодолевали сопротивление арьергардных частей 13-го русского корпуса. В общем к ночи им удалось отбросить заслон 13-го корпуса силой до полка и собраться в районе северо-восточнее Штабиготена.

Одновременно 17-й арм. корпус из района Вартенбурга, выполняя новую задачу, наступал в общем направлении на Пассенгейм. В связи с утомленностью частей непрерывными маршами, этот корпус к ночи достиг района Прейлово, южнее Вартенбурга, где и заночевал.

6-й арм. корпус ген. Благовещенского, не преследуемый германцами, отошел юго-восточнее Ортельсбурга. В полдень 28 августа ген. Благовещенский получил следующий приказ:

«Удерживайтесь во что бы то ни стало в районе Ортельсбурга. От стойкости вашего корпуса зависит успех наступления 13 и 15-го корпусов. 4-ю кав. дивизию вышлите против неприятеля, который с вами вел бой; дивизии этой неотступно следовать за неприятелем, насколько возможно задерживая его движение на запад. Самсонов» [1].

Вряд ли ген. Благовещенский понял важнейшую роль, которую 6-й корпус должен был сыграть, выполняя этот приказ. С 28 августа судьба центральных корпусов 2-й армии в значительной степени зависела от активности действий 6-го арм. корпуса. Его 16-я пех. и 4-я кав. дивизии еще почти не вели боя за время операции; поэтому с точки зрения боеспособности этот корпус находился на относительно высоком уровне.

Выдвижение 6-го арм. корпуса в северо-западном направлении, примерно в район Пассенгейма, с целью привлечь на себя и сковать части 17-го герм. корпуса имело решающее значение в деле содействия отходу 13 и 15-го арм. корпусов.

Но ничто не могло вывести ген. Благовещенского из состояния оперативного паралича и поднять его сознание до уровня армейских интересов. Он далее своих узких корпусных рамок ничего не видел и, очевидно, не понимал, ибо продолжал оставаться в занимаемом районе; мало того: на 29 августа, когда решалась судьба 13 и 15-го корпусов, он предоставил войскам 6-го арм. корпуса дневку.

В центре 2-й армии, как мы знаем, 13 и 15-й арм. корпуса под общим командованием ген. Мартоса должны были наступать из района Мюлен в юго-западном направлении.

Бой 15-го арм. корпуса в районе Мюлен 28 августа проходил с переменным успехом. Наиболее интересные события в этот день разыгрались в районе Ваплиц, на левом фланге этого корпуса. Эти события ген. Мартос в своем труде «Очерк действий 15-го арм. корпуса в Восточной Пруссии» описывает следующим образом:

«Вечером 27 августа мною был получен приказ по армии. Общее командование корпусами возлагалось на меня. Приказ этот за-

---

[1] ЦВИА, д. № 85953, лл. 5—6.

ключал явное недоразумение, так как 13-й арм. корпус в ночь на 28 августа находился в Алленштейне, а поэтому утром 28 августа не мог принять участия в бою.

Сделав все необходимые распоряжения по войскам, причем охват левого фланга противника мною снова был поручен бригаде 13-го арм. корпуса, я в эту ночь не мог спать, так как меня крайне тревожила обстановка, сложившаяся к вечеру 27 августа. Было ясно, что штаб армии поздно спохватился... К вечеру 27 августа... немецкая кавалерия в нескольких местах попортила нашу телефонную линию на Янов. К полуночи стрельба стихла, а к двум часам ночи я заметил усиление стрельбы по лощине на левом фланге боевого расположения корпуса.

Я сразу понял, что здесь немцы хотят сделать прорыв, а потому быстро перетянул бригаду Новицкого (общий резерв корпуса) к левому флангу и сам находился при ней, пока не выпустил ее в атаку. Инспектору же артиллерии приказал мортирный дивизион и ближайшие батареи сгруппировать для обстреливания лощины.

Предположение мое оправдалось; с первым рассветом немцы повели стремительную атаку в направлении лощины, но были встречены ураганным огнем нашей артиллерии, шрапнель которой и, в особенности, мортирного дивизиона вырывала целые ряды из глубоких колонн германцев.

Германская пехота, успевшая прорваться по лощине, была атакована бригадой Новицкого и большей частью уничтожена штыками, частью же попала в плен (18 офицеров и более 1 000 солдат). Прорыв был ликвидирован около 9 часов утра».

Здесь пыталась прорваться 41-я германская дивизия с целью удара во фланг и тыл 15-го русского корпуса. Эта дивизия еще 27 августа, вопреки желанию командира 20-го германского корпуса ген. Шольца, была брошена ген. Гинденбургом в направлении Туровкен, Ваплиц; не достигнув его, ночь на 28 августа она провела южнее последнего.

Действия этой дивизии в официальном германском источнике «Мировая война» (т. II, издание «Рейхсархива») описываются следующим образом:

«Во исполнение приказа армейского командования, 41-й дивизии было приказано в 4 часа 28 августа пройти линию Луткен, Гансгорн, обойдя Мюленское озеро с востока, и наступать в тыл русским в общем направлении на Паульсгут (4 *км* восточнее Мюлен). Для прикрытия с юга, со стороны Буякен, 41-я дивизия должна была оставить сильный заслон с артиллерией (против частей 23-го русского корпуса. — *Ф. Х.*).

С появлением 41-й дивизии в районе Паульсгут должны были перейти в наступление все войска (3-я рез. дивизия и дивизия ген. Унгера), расположенные на реке Древенце, общее руководство наступлением которых было возложено на командира 3-й рез. дивизии. 37-я пех. дивизия должна была в 4 часа стоять наготове западнее Рейхенау и наступать на кол. Плятейнен; время начала наступления этой дивизии находилось в зависимости от продвижения 41-й дивизии».

Здесь с полной ясностью изложена попытка германского командования окружить 13 и 15-й русские корпуса в районе Гогенштейна, причем в этом плане, пожалуй, одну из наиболее ответственных ролей должна была выполнить 41-я дивизия.

И далее в этом же источнике говорится: «Войска (41-й дивизии) были измучены и устали, они не имели времени для подготовки, положение противника было совершенно не выяснено, соприкосновение с ним было потеряно... Исходя из этого, у командира 41-й дивизии ген. Зонтага получилось серьезное несочувствие к приказанию корпусного командования.

28 августа в распоряжении ген. Зонтага было всего 9 батальонов и 13 батарей. С этими силами он должен был прорваться севернее Ваплиц».

Ход боя под Ваплиц в том же источнике описывается так: «Около 7 часов туман рассеялся. Упорство врага (русских) постоянно усиливалось. Потери увеличивались. Атакующий (части 41-й дивизии) начал терпеть от неприятельского флангового огня; с юга — неожиданный удар в тыл артогнем со стороны Буякен, Франкенау. Юго-западнее Витмансдорфа должны были наступать части 74-й бригады и артиллерия. Их положение было тяжелое, противник появился южнее и восточнее Витмансдорфских высот, что затрудняло сохранение занятого положения... Тогда ген. Зонтаг отдал приказ начать отступление в исходное положение к Вроново.

Войскам пришлось прорываться обратно через прорыв в 2½ *км* шириной, неся большие потери. Во время прорыва было потеряно 2 400 человек и 13 орудий. В этих боях 41-я дивизия потеряла ⅓ своего состава; после этого последнего несчастного наступления остатки имели небольшое боевое значение».

Таким образом, части 15-го арм. корпуса и 2-й пех. дивизии, разгромив 41-ю германскую дивизию, фактически сорвали план германского командования окружения русских войск в районе Гогенштейна.

В то время, когда 41-я германская дивизия в беспорядке отходила от Ваплиц на запад, командир 3-й рез. дивизии ген. Морген, не дождавшись выхода 41-й дивизии в район Паульсгут, около 8 часов приказал войскам 3-й рез. дивизии и дивизии Унгера наступать в общем направлении на Гогенштейн. Вслед за ним перешла в наступление находившаяся во втором эшелоне за левым флангом 37-я пех. дивизия, охватывая северный фланг 15-го русского корпуса. С севера на Гогенштейн наступала ландверная дивизия Гольца.

Удар этих германских частей был направлен главным образом по правофланговым частям 15-го арм. корпуса, где находились бригада 13-го корпуса и бригада 8-й пех. дивизии. Несмотря на значительное превосходство сил германцев, они продвигались весьма медленно. Лишь около полудня им удалось захватить Дребниц, а к исходу дня выйти в район западнее Гогенштейна. А в районе Мюлен дивизия Унгера безрезультатно в течение дня предприняла несколько атак, которые были отражены 6-й русской дивизией с большими потерями со стороны германцев. Наступавшая

с севера дивизия Гольца в полдень продвинулась до Гогенштейна.

13-й арм. корпус, выступив утром 28 августа из Алленштейна, уже за полдень подошел к полю сражения 15-го арм. корпуса, изнемогавшего под давлением превосходных сил германцев. Бригада 1-й пех. дивизии, следовавшая в авангарде этого корпуса, около 14 часов атаковала в районе севернее Гогенштейна во фланг и тыл ландверную дивизию Гольца и к 17 часам обратила ее в беспорядочный отход на северо-запад. 36-я пех. дивизия 13-го корпуса лишь вечером подошла в район Гогенштейна и в этот день в бою почти не участвовала.

Положение 13 и 15-го арм. корпусов в эти дни было весьма тяжелое. Командир 13-го корпуса ген. Клюев состояние корпуса характеризует так:

«Это был уже 6-й день тяжелого похода без дневок; непролазные пески истомили людей и лошадей. Сухарей было кое-где на один день, но во многих частях их совсем не было, так же как и овса и соли. За ночь в Алленштейне успели собрать некоторое количество хлеба и раздать наиболее нуждающимся».

При таком материальном обеспечении войск рассчитывать на успех операции было трудно.

События 28 августа, происходившие в центре 2-й армии, развертывались под личным руководством ген. Самсонова. Утром этого дня, выехав со штабом из Нейденбурга, ген. Самсонов к 10 часам прибыл на командный пункт командира 15-го корпуса ген. Мартоса, находившегося в районе Надрау.

По этому поводу ген. Мартос, в известном нам его труде, говорит следующее:

«Ясно было, что обстановка требует немедленного отхода 13 и 15-го арм. корпусов, что я и доложил ген. Самсонову в присутствии лиц обоих штабов, армейского и корпусного. Но ген. Постовский убедил подождать прибытия 13-го арм. корпуса, надеясь на победу. Между тем 15-й корпус вел бой уже третий день, и так как противник усиливался, то к вечеру 28 августа корпус израсходовал все резервы и, вследствие тяжелых потерь и крайнего утомления людей, стал выдыхаться.

...Генерал Самсонов отправил приказание 13-му корпусу энергично наступать. Через некоторое время, когда уже спускались сумерки, Клюев открыл огонь, на который немедленно отвечали немцы с западной стороны Гогенштейна... и затем 13-й корпус далее не продвигался.

Я обратился к ген. Самсонову со словами: «Ну, теперь нужно ожидать катастрофы». Началось обсуждение. Генерал Постовский... молчал. Я предложил отходить на Хоржеле, ген. Самсонов возразил мне, что этот пункт занят немцами, преследующими 6-й корпус. По его мнению, 15 и 13-му корпусам и остаткам 2-й пех. дивизии следует отходить на Нейденбург, который обороняется гвардейским полком и бригадой 6-й кав. дивизии.

...Стали писать приказ. В это время ген. Самсонов отозвал меня в сторону и указал, чтобы я после распоряжения по корпусу по-

спешил следовать к Нейденбургу и принял меры к упорной защите этого города, направляя туда первые подходящие части. Генерал Самсонов со штабом уехал, и я остался писать распоряжения по корпусу. Когда офицеры, посланные мною к начальникам дивизий, вернулись с расписками о получении приказа, я со штабом и конвойной сотней двинулся шагом по дороге на Нейденбург».

Таким образом, события 28 августа в центре армии окончились неоспоримым тактическим успехом русских войск. Они здесь разгромили 41-ю пех. дивизию и ландверную дивизию Гольца, имея со своей стороны значительно потрепанную одну бригаду 13-го корпуса. Но в оперативном отношении 13 и 15-й русские корпуса, действуя в этот день в районе Гогенштейна, значительно ухудшили свое положение.

Наиболее неблагоприятно для русских войск закончились события 28 августа на левом фланге армии. Здесь, как мы знаем, 1-й русский корпус по недоразумению в беспорядке отошел в полдень 27 августа к Сольдау, а затем ночью на 28 августа южнее последнего.

Командир 1-го германского корпуса ген. Франсуа, справедливо считая, что 1-й русский корпус не разбит, готовился с утра 28 августа всеми силами атаковать его в районе Сольдау, где он предполагал встретить позиции этого корпуса.

Однако утром 28 августа ход событий показал, что 1-й русский корпус отошел за Сольдау, и потому стало излишним иметь на сольдауском направлении все войска группы ген. Франсуа. Поэтому в районе Сольдау была оставлена 5-я ландв. бригада против 1-го русского корпуса, а части 1-го германского корпуса и бригада Шметтау около 11 часов были направлены на Нейденбург. 2-я дивизия корпуса ген. Франсуа в связи с разгромом под Ваплицем 41-й пех. дивизии была направлена по приказу ген. Гинденбурга северо-западнее Нейденбурга для содействия 20-му германскому корпусу.

На фронте Франкенау, Нейденбург, куда направлялся удар усиленного 1-го германского корпуса, русские могли противопоставить разрозненные части 23-го арм. корпуса силой не более одной бригады (один полк 3-й гвард. дивизии и один полк 2-й пех. дивизии) и бригаду 6-й кав. дивизии. Усиленный 1-й германский корпус насчитывал в своем составе до 30 батальонов против 10 батальонов русских.

Несмотря на тройное превосходство, германцам удалось преодолеть здесь сопротивление русских лишь к исходу дня. Они отбросили разрозненные части 23-го русского корпуса и одной бригадой Шметау вечером заняли Нейденбург, завершив тем самым охват 13 и 15-го корпусов с юга.

Замысел командования 2-й армии о нанесении охватывающего удара 28 августа по левому крылу германцев из района Гогенштейн основывался на ложном понимании обстановки и потому оказался нежизненным. Вечером 28 августа, находясь на командном пункте командира 15-го арм. корпуса, ген. Самсонов решил отвести центральные корпуса и собрать армию на линии границы, во исполне-

ние чего приказал отходить: 13-му арм. корпусу — на Куркен и 15-му арм. корпусу с частями 2-й пех. дивизии — на Нейденбург.

Отход предполагалось совершить следующим порядком:

«2-я пех. дивизия должна была оставаться на занятой впереди Франкенау позиции. Под ее прикрытием должны были двинуться к Янову обозы, а затем и войска 15-го корпуса. Для непосредственного прикрытия отхода 15-го корпуса с занимаемых днем позиций предназначалась бригада 8-й пех. дивизии.

По достижении деревни Орлау части 15-го корпуса должны были выдвинуться на фронт Лана, Грюнфлис, имея свой левый фланг у этого последнего пункта. 2-я пех. дивизия, отойдя от Франкенау, должна была занять позицию правее 15-го корпуса.

13-му корпусу было приказано, отправив обозы через Куркен в Хоржеле, двигаться вслед за ними по дорогам между озерами Гр.-Плауцигер и Ланскер (севернее Шведрих), а затем следовать к Грюнфлис для занятия позиции на фронте между этим последним пунктом и Бартошкен.

В дальнейшем предполагалось постепенно отходить к Янову, начиная со 2-й пех. дивизии»[1].

Однако этот план отхода не был выполнен. 2-я пех. дивизия, которая должна была прикрыть вначале отход 13 и 15-го корпусов, как указывалось выше, еще вечером 28 августа отошла под давлением противника от Франкенау к Орлау, чем эти корпуса и были лишены возможности последовательного отхода, как предусматривалось планом.

Учитывая тяжелое положение 13 и 15-го арм. корпусов, ген. Самсонов 28 августа принимает меры, — правда, чрезвычайно нерешительные, — с целью облегчить положение этих корпусов. Он приказывает 1-му корпусу выдвинуться в район Нейденбурга, а 6-му корпусу удерживаться в районе Ортельсбурга. Как уже говорилось выше, последний корпус следовало не оставлять в районе Ортельсбурга, а продвинуть его решительно на северо-запад и сковать им 17-й герм. корпус; тем самым выход 13 и 15-го корпусов на юго-восток мог быть обеспеченным.

Отдав все распоряжения, ген. Самсонов в этот же вечер со своим штабом выехал из Надрау в Орлау.

На другой стороне, в штабе 8-й германской армии, события 28 августа кончились не менее тревожно, чем у ген. Самсонова. Если в первой половине дня дела ген. Гинденбурга шли сравнительно гладко, то после полудня, по получении данных о движении 1-й русской армии на запад, обстановка в его глазах предстала чрезвычайно угрожающей.

Около 16 часов в штабе 8-й германской армии было получено сообщение из Кенигсберга о том, что около трех корпусов русской Неманской армии начали движение на запад, а сильная конница этой же армии проникла уже до Прейсиш-Эйлау, распространяя панику среди населения.

---

[1] Материалы расследования причин поражения 2-й русской армии осенью 1914 г.

Под влиянием этого и ошибочной оценки штабом 8-й армии исхода боев в районе Гогенштейна ген. Гинденбург вечером 28 августа решил частью сил прикрыться с севера, а остальными войсками преследовать разгромленные по его мнению корпуса 2-й армии. 1 и 20-й арм. корпуса и 3-я рез. дивизия должны были преследовать в восточном направлении отходящие войска 2-й русской армии, а 1-му рез. и 17-му арм. корпусам указывалось перегруппироваться и развернуться севернее Алленштейна с целью принять на себя удар русских войск с севера.

Таким образом, попытка Гинденбурга окружить русских в районе Гогенштейна потерпела крах по двум причинам.

Во-первых, русские разгромили из состава группы Шольца две пехотные дивизии, чем и предотвратили намечавшееся окружение. 13-й корпус, отходя 28 августа из Алленштейна, фланговым ударом севернее Гогенштейна нанес крупное поражение дивизии Гольца. В тот же день 15-й корпус разгромил в районе Ваплица 41-ю пех. дивизию и обратил ее в беспорядочный отход, паника которого докатилась до германских тылов. Эта дивизия имела задачей закрыть отход русских от Гогенштейна на юг, чего она, по понятным причинам, не достигла.

Во-вторых, 1-й рез. и 17-й германские корпуса не выполнили поставленных им задач на 28 августа. Между командирами этих корпусов ген. Беловым и ген. Макензеном по вопросу, кому наступать на Алленштейн, возник конфликт, потребовавший вмешательства Гинденбурга, вследствие чего эти корпуса топтались на месте в районе Вартенбурга и не закрыли проходов в озерном районе на юго-восток от Гогенштейна.

Для осуществления принятого решения в 17 час. 30 мин. 28 августа был отдан следующий приказ:

«Как можно выяснить из полученных до сих пор донесений, русский 1-й арм. корпус находится в полном бегстве через Млаву и Варшаву, 23, 15 и 13-й арм. корпуса рассеяны по лесам к юго-востоку от Гогенштейна и Алленштейна, русский 6-й арм. корпус, одна дивизия которого целиком уничтожена, находится в полном бегстве через Ортельсбург.

1-й арм. корпус преследует через Мушакен, Кальтенборн в направлении на Виленберг и Мышинец. Обозы и парки эшелонируются по дороге Неймарк, Уздау.

20-й арм. корпус с 3-й рез. дивизией преследуют через Едвабно на Ортельсбург.

Находящиеся в составе 20-го корпуса ландверные батальоны дивизии Гольца должны собраться в Гогенштейне, где эта дивизия получает стоянку. Интендантское и артиллерийское снабжение этой дивизии возлагается на 20-й арм. корпус. Находящиеся при 20-м корпусе части гарнизонов крепостей и части 70-й ландв. бригады собираются в районе Ваплиц, Гогенштейн.

...1-й рез. корпус остается сегодня там, где он находится сейчас, завтра же утром должен быть вытянут на дороге Дитрихсвальде, Алленштейн... 1-й рез. корпус охраняет себя со стороны Вартенбурга.

17-й арм. корпус сосредоточивается на западном берегу р. Алле, между Ионхендорфом и Гутштадтом. Охранение со стороны Зеебурга.

1-я кав. дивизия остается в районе Бишофсбург, Зеебург и выдвигает одну бригаду через Летцен для разведки района восточнее озер и выяснения нахождения 2-го русского корпуса, который должен находиться в отступлении на Граево.

Штаб армии остается в Остероде»[1].

В этом документе мы видим, что германское командование, в связи с тревожными сведениями о продвижении на запад 1-й русской армии, считало маловероятной попытку окружить 13 и 15-й русские корпуса и со второй половины дня 28 августа задавалось лишь целью преследования частей 2-й армии.

Не менее этого тревожило ген. Гинденбурга состояние войск группы ген. Шольца, которые вызывали большое беспокойство своей малой устойчивостью. Паника, возникшая с утра 28 августа в рядах 41-й пех. дивизии, разгромленной частями 15-го корпуса, охватила и другие войска, распространившись к вечеру того же дня и на тыловые части и учреждения группы ген. Шольца. Ген. Гинденбург пытался проехать на автомобиле в штаб 20-го корпуса и в район, охваченный паникой, с целью личным присутствием водворить порядок, но осуществить это ему не удалось. В районе Танненберга паника приняла стихийный характер. Навстречу машине ген. Гинденбурга скакали повозки тыловых учреждений — парков, транспортов, санитарных и др. — с криками: «Русские идут». Дороги были забиты. Ген. Гинденбург вынужден был вернуться.

Вечером 28 августа ген. Гинденбург оценивал обстановку следующим образом: 1-й арм. корпус находится у Нейденбурга, выходы из озерного района у Куркена закрыты 1-м рез. корпусом, в район Пассенгейма продвинулись части 17-го арм. корпуса, закрыв выходы на восток. Поэтому в 21 час 30 мин. ген. Гинденбург доложил главному командованию: «Все обстоит хорошо. Окружение 2-й русской армии, можно предполагать, удалось. Более определенные и точные сведения в данное время дать затруднительно, потому что за отдаленностью расстояний донесения командиров корпусов еще не поступили в штаб армии».

Через полчаса после этого разговора в штаб армии прибыл майор Дрекслер, бывший при 1-м рез. корпусе, и доложил действительную обстановку на фронте. Оказалось, что предположения ген. Гинденбурга не оправдались. 13 и 15-й русские корпуса находятся вне окружения. Выяснилось, что 17-й арм. и 1-й рез. корпуса больше топтались на месте, нежели наступали, и вследствие этого выход на юго-восток из района Гогенштейна не закрыт.

В соответствии с этой уточненной обстановкой в 22 часа было принято новое решение, которое по идейному содержанию от пре-

---

[1] *Головин,* Из истории кампании 1914 г., стр. 291. Приказ по 8-й германской армии от 17 час. 30 мин. 28 августа 1-му рез. и 17-му арм. корпусам передан не был.

дыдущего почти не отличалось. Замысел оставался прежний — преследовать. Изменение касалось лишь использования 17-го арм. и 1-го рез. корпусов. Последний из них должен был продолжать наступление против 2-й армии с севера на озера и дефиле, а 17-му арм. корпусу было указано собраться к 6 часам 29 августа в районе восточнее Алленштейна и быть готовым действовать против 1-й русской армии. Во исполнение этого был отдан в 22 часа новый приказ. За отсутствием связи штаба армии с 17-м арм. корпусом последнему этот приказ не был передан.

Поэтому 17-й арм. корпус с утра 29 августа продолжал выполнять задачу, поставленную ему на 28 августа, т. е. наступление в направлении Пассенгейма, чем и восполнил промах своего армейского командования. Если бы этот корпус, получив приказ, собрался восточнее Алленштейна, то окружения 13 и 15-го корпусов, более чем вероятно, могло не быть.

Поздно ночью на 29 августа ген. Людендорф доложил главному командованию: «Сражение выиграно. Преследование завтра будет продолжаться. Окружение двух русских корпусов, вероятно, больше не удастся» [1]. Таким образом, германское командование на 29 августа, как видим, не задавалось целью окружить 13 и 15-й русские корпуса.

Но отсутствие связи с 17-м арм. корпусом исправило ошибку командования армии и помогло германцам, окончательно потерявшим веру в свой замысел, осуществить окружение центра 2-й армии.

8. Отход корпусов 2-й армии к границе

Итак, на 29 августа 13 и 15-й корпуса имели задачей отойти из наметившегося окружения на линию границы, а германские войска, в свою очередь, стремились, прикрывшись против 1-й русской армии, разгромить эти русские корпуса.

Отход 13 и 15-го арм. корпусов должен был производиться по местности, пересеченной множеством озер, что крайне затрудняло движение широким фронтом. Поэтому войска отходили в весьма тяжелых дорожных условиях.

Организация преследования со стороны германских войск была проста. 1 и 20-й арм. корпуса с 3-й рез. дивизией и 1-й рез. корпус должны были преследовать по сходящимся направлениям. Это могло привести не более как к вытеснению 13 и 15-го арм. корпусов на юго-восток от Гогенштейна. И если бы не отсутствие связи с 17-м арм. корпусом, лишившее возможности вручить ему приказ, что, по существу, явилось счастливой случайностью для германцев, эти русские корпуса могли беспрепятственно отойти. 17-й арм. корпус для преследования и воспрепятствования отходу 13 и 15-го арм. корпусов на юго-восток выбросил вперед, в направлении на Пассенгейм и юго-западнее последнего, несколько пере-

---

[1] *Шефер,* Танненберг, стр. 179.

довых отрядов различной силы, а главные силы корпуса следовали в 20—25 *км* за этими отрядами.

Отход 15-го арм. корпуса начался с вечера 28 августа. Вскоре наступила темнота. Дорог было мало, и те оказались занятыми отходившими транспортами и обозами. Поэтому порядок среди отходивших войск был вскоре утрачен. На это повлияли не только ночное время и плохое управление, но еще и то, что кое-где дороги были уже перехвачены германцами. Части 23-го арм. корпуса, которые должны были прочно удерживаться в районе Франкенау, также начали отходить вечером на восток под давлением превосходных сил 1-го германского корпуса.

Войска 15-го арм. корпуса отходили всю ночь, не тревожимые со стороны германцев, и утром 29 августа, около 8 часов, они стали подходить к Орлау, где в это время находился ген. Самсонов. По приказанию последнего части этого корпуса развернулись на фронте Радимин, Грюнфлис с целью обороной на этом участке содействовать отходу 13-го арм. корпуса.

Ночь на 29 августа 13-й арм. корпус провел в районе Меркен, находясь в полуокружении. Против этого корпуса германцы сосредоточили до шести пехотных дивизий (1-й рез. корпус, ландв. дивизия Гольца, 37-я пех. дивизия, 3-я рез. дивизия и дивизия Унгера), т. е. они располагали более чем тройным превосходством.

Утром 29 августа войска 13-го арм. корпуса начали отходить через Шведрих на Куркен, затем они должны были следовать в район Бартошкен (восточнее Нейденбурга) и занять левее 15-го арм. корпуса позиции фронтом на юго-запад, с целью прикрыть отход последнего из района Орлау.

Командир 13-го арм. корпуса ген. Клюев в своих мемуарах описывает этот отход следующим образом: «Отход 15-го арм. корпуса и нахождение в тылу германских войск делало положение 13-го корпуса критическим. Необходимо было отходить. В это же время пришло письменное приказание командующего армией: «13-му корпусу отойти к Куркену». Пришлось в темноте выводить части из боевого порядка и поворачивать фронт пяти полков и 11 батарей на 90 градусов по незнакомой и бездорожной местности. В арьергарде был оставлен 144-й пех. Каширский полк с двумя батареями; к нему примкнул не успевший выбраться из леса 1-й пех. Невский полк. Для прикрытия отхода частей было занято озерное дефиле по пути отступления. Все было исполнено спокойно, и полки Софийский, Можайский и Звенигородский успели пройти дефиле.

Арьергард, однако, не мог сделать этого; он вынужден был принять бой на рассвете 29 августа к северу от Меркена. Окруженный превосходными силами, он доблестно дрался, но в конце концов, потеряв убитыми командира 2-й бригады 36-й дивизии и командира полка, был разбит и взят в плен по частям. Половина Невского полка успела отойти за озерное дефиле; половина была отрезана и разделила участь Каширского полка.

К Куркену 13-й корпус, собственно полки: Софийский, Можайский, Звенигородский, половина Невского и остатки Дорогобуж-

ского с 9 батареями, отходили все время с арьергардными боями. Последний серьезный бой со штыковыми атаками был верстах в восьми к западу от Куркена».

Разгром арьергардных частей 13-го арм. корпуса, насчитывавших в своем составе около 6 батальонов и 2 батарей, обошелся германцам недешево. Утром 29 августа, в период от 7 до 8 часов, эти части нанесли крупное поражение 37-й пех. дивизии, обратив ее в бегство пулеметным и артиллерийским огнем; ландв. дивизию Гольца постигла та же участь.

Около 12 часов 29 августа 15-й арм. корпус со 2-й пех. дивизией продолжали держаться в районе Орлау и южнее; в это же время 13-й арм. корпус под прикрытием арьергардных частей отходил на юг.

29 августа, в 12 часов, ген. Самсонов, находясь в Орлау, отдал свой последний приказ по армии, адресованный ген. Клюеву:

«Армии отойти для дальнейшего устройства и сосредоточения: 13-му корпусу — на Хоржеле, 15-му корпусу с частями 23-го корпуса — на Янов, где они получат дальнейшие указания. Движение 13-го корпуса до Мушакена прикрывается частями 23 и 15-го корпусов, расположенных на фронте Лана, Бартошкен. Дабы иметь возможность снять возможно скорее эти части, движение 13-го корпуса должно быть форсированным, с целью на рассвете 30 августа занять позицию у Мушакена, фронтом к Нейденбургу. Общее руководство операцией отхода всех корпусов возлагается на старшего из командиров корпусов, в настоящее время на вас, так как генералов Кондратовича и Мартоса найти не могут. Штаб армии переходит в Янов».

После получения этого приказа, ставившего главной целью занятие позиции у Мушакена к рассвету 30 августа, командир 13-го корпуса, находясь в районе Куркен, направил части корпуса кратчайшим путем по шоссе Яблонкен, Мушакен. Передовые части этого корпуса к 18 часам 29 августа достигли Яблонкен, отстоящего в 15 *км* от Мушакен.

После разгрома арьергардных частей 13-го корпуса для преследования последнего в направлении Шведрих, Куркен была брошена 3-я рез. дивизия германцев. В районе Шведрих эта дивизия была серьезно потрепана арьергардными частями русских и после этого боя приостановила дальнейшее преследование.

В направлении Лана, Орлау вела преследование 41-я пех. дивизия, видимо, еще находившаяся в угнетенном состоянии от понесенного ею поражения 28 августа под Ваплиц, ибо действовала чрезвычайно нерешительно. В течение 29 августа ее действия выразились главным образом в артиллерийском обстреле позиций 15-го русского корпуса. К исходу того же дня эта дивизия беспрепятственно заняла оставленный русскими войсками Орлау.

Усиленный 1-й германский корпус выполнял 29 августа наиболее активную роль. Бригада Шметау, выступив из Нейденбурга с рассветом, около 7 часов достигла района Мушакен и вечером того же дня была в Виленберге.

Командующий 8-й германской армией ген. Гинденбург, считая русские войска в значительной мере разгромленными, вечером 29 августа принял решение продолжать завершение преследования 13 и 15-го русских корпусов и одновременно приступить к подготовке контрудара против 1-й русской армии, в развитие чего в 22 часа был отдан следующий приказ:

«17-му арм. корпусу, наступавшему с севера, замкнуть фронт на линии Пассенгейм, Мальга, собрав свои главные силы у Пассенгейма. Необходимо, чтобы 17-й корпус вслед за тем перешел на левый фланг армии и развернулся на линии Алленштейн, Гутштадт. Тыловые сообщения — через Локен и Морунген.

1-му арм. корпусу, оставив отряд у Виленберга, наступать от Нейденбурга на фронт Мальга, Едвабно. Тыловые сообщения — через Нейденбург, Уздау, Неймарк.

41-я пех. дивизия, после того как 1-й арм. корпус, выдвинувшись вперед, закроет ее, должна быть собрана у Куркена в распоряжении 20-го корпуса.

3-я рез. дивизия, вслед за окончательным уничтожением находящегося впереди нее врага, должна быть собрана распоряжением 20-го корпуса у Вутренен (10 *км* северо-восточнее Куркен). Она должна восстановить вслед за тем свои тыловые сообщения — Витигвальде, Дейч-Эйлау.

37-я пех. дивизия двигается 30 августа на Гр.-Бертунг и далее по непосредственному указанию командира 1-го рез. корпуса на фронт: оз. Лейнауэр, оз. Сканда, Алленштейн. Тыловые сообщения — через Мюлен, Марвельде, Лебау, Бишофсвердер.

1-й рез. корпус двигается 30 августа на Алленштейн и располагается вдоль дороги Алленштейн, Остероде, Либемюль. Он укрепляет, примыкая к 37-й пех. дивизии, позицию Алленштейн, Варкален. 6-я ландв. бригада двигается к Алленштейну и подчиняется 1-му рез. корпусу.

Ландв. дивизия ген. Гольца 30 августа занимает район Ландсгут на южном берегу оз. Эйсинг, с тем чтобы 31 августа занять фронт между озерами Эйсинг и Мариен, эшелонируясь уступами на Морунген.

Войска, взятые из крепостей, и 70-я ландв. бригада остаются у Мюлена, где получают особые указания. Снабжение их возлагается на 20-й корпус.

Отряд Мюльмана выдвигается из Сольдау для занятия Млавы.

Гарнизоны крепостей Торн, Грауденц выдвигают свою разведку через границу. 1-я кав. дивизия под давлением противника отходит к Ортельсбургу.

Штаб армии остается в Остероде»[1].

Около 19 часов 29 августа войска 13 и 15-го арм. корпусов, в значительной степени деморализованные, стянулись в Комусинский лес. О дальнейших действиях командир 13-го корпуса ген. Клюев, возглавлявший все эти войска, в своих мемуарах говорит следующее:

---

[1] *Эльце*, Танненберг, стр. 328.

«Когда авангард (13-го корпуса) отходил к Комусинскому лесу, было получено донесение, что по лесу отступает весь 15-й корпус. Как выяснилось после, 6-я дивизия стала отходить около 13 часов дня, т. е. вскоре после отъезда командующего армией... Вслед за 6-й начала отходить и 8-я дивизия; бригада 23-го корпуса с 8 батареями оставалась у Лана до наступления темноты, а потом также стала отходить. Прибыв на опушку леса, командир корпуса нашел полный хаос: части корпусов перепутались — среди них разные обозы.

...Было решено: частям 15 и 23-го корпусов пробиваться на Мушакен, а войскам 13-го корпуса — на Омулефофен. Переутомление и напряжение людей достигли крайней степени.

...Немцы к этому времени сплошным кольцом окружили наши корпуса, имея против нас резервный, ландверный и 20-й арм. корпуса с запада, 1-й арм. корпус с юга и 17-й арм. корпус с востока. Во многих местах были повалены по дороге деревья, перетянутые проволокой; в просеках поставлены пулеметы и орудия. Ночью вывести части из лесу не удалось; орудийным и пулеметным огнем выходившие на опушку отбрасывались назад.

На рассвете 30 августа части, приведенные в порядок, отбросили наседавших в лесу с запада немцев и пробили себе дорогу на восточной и южной опушках. Были направлены войска в трех колоннах: левая — на Валендорф и Хоржеле; правая — на Мушакен, Янов и средняя — между этими двумя первыми. Лесистый характер местности ограничивал использование артиллерии.

Приходилось отбиваться на все стороны. Левая колонна вначале вела успешный бой у Валендорфа, затем противник усилился, вследствие чего она пробиться не могла.

....Проходя селения, рощи и другие закрытые места, части таяли, многие ложились от утомления; две ночи без сна, два дня без еды, непрерывный марш, сознание неудачи обессилили и деморализовали людей».

Действия этих трех отходящих колонн были весьма различны.

Средняя, самая сильная, насчитывавшая в своем составе до 20 тыс. человек и 20 батарей и возглавляемая ген. Клюевым, капитулировала по инициативе последнего.

Действия правой колонны оказались более энергичными и решительными; ей удалось небольшими частями прорваться на Янов.

Левая колонна в районе Валендорфа штыковым ударом, подготовленным накоротке пулеметным и артиллерийским огнем, прорвала цепь противника. Германская бригада не выдержала и, бросив орудия и пулеметы, бежала. Эти события, по германским источникам, описываются так: «В это же время двинулся командир 1-й пех. бригады ген. Тротта с четырьмя батальонами и четырьмя батареями севернее большого шоссе от Мушакен на северо-восток. Позади и уступом слева следовала 3-я бригада ген. Менгельбира; юго-западнее Мальгофен в 1-й бригаде завязалась краткая, но тяжелая схватка с русскими. В обширном лесу в сплошной пыли немецкие войска расстреливали друг друга».

Однако выйти из окружения и левой колонне русских войск не удалось. Вскоре колонна смешалась и все более и более таяла. Утром 31 августа последняя из колонн окончила свое существование.

Итак, уже вечером 29 августа 13 и 15-й арм. корпуса и 2-я пех. дивизия, общей численностью около 30 тыс. чел. и до 200 орудий, были окружены в районе Комусинского леса.

Таким образом, день 29 августа принес германцам такие результаты, на которые германское командование в этот день не рассчитывало и не ставило перед войсками такой цели. Стечение обстоятельств дало ему военную добычу, выражавшуюся указанными выше цифрами.

В это время командиры 6 и 1-го арм. корпусов по-разному реагировали на приказ ген. Самсонова от 28 августа о содействии 13 и 15-му корпусам.

Командир 6-го корпуса ген. Благовещенский, вместо того чтобы войсками корпуса занять Ортельсбург и 4-ю кав. дивизию выбросить на северо-запад, ограничился постановкой задачи последней выдвинуться в район Ортельсбурга, а части корпуса продолжали оставаться юго-восточнее последнего, имея 29 августа дневку.

4-я кав. дивизия действовала весьма нерешительно. 29 августа она, отбросив германцев, захватила Ортельсбург и, вместо того чтобы выдвинуться далее на северо-запад и притянуть на себя части 17-го германского корпуса, оставила Ортельсбург и отошла на юго-восток без давления со стороны противника.

Как было указано выше, 6-й корпус, находясь в руках более решительного командования, мог бы выполнить важнейшую роль в деле оказания помощи 13 и 15-му корпусам. Он своим наступлением из района Ортельсбург в северо-западном направлении должен был сковать части 17-го германского корпуса, выиграв время для отхода этих корпусов.

Иначе отнесся к этому командир 1-го корпуса ген. Душкевич, который, получив 29 августа приказ ген. Самсонова о наступлении на Нейденбург, выделил для этой цели сводный отряд. В состав этого отряда вошло около 15 батальонов, 6 батарей и бригада 6-й кав. дивизии, под общим командованием ген. Сирелиуса.

Отряд выступил из Млавы вечером 29 августа и ночью достиг Нейденбурга. Утром на следующий день он внезапно атаковал германцев в районе Нейденбурга и овладел последним. Отбросив противника на 10 *км* севернее Нейденбурга, части этого отряда, вследствие утомленности ночным 35-*км* маршем, развить успеха не могли.

Командир 1-го германского корпуса ген. Франсуа, находившийся в Нейденбурге, для отражения этого удара вынужден был значительно ослабить кольцо окружения остатков 13 и 15-го русских корпусов, повернув фронт ряда частей корпуса с северного направления на юго-запад, против Нейденбурга.

Обстановка, сложившаяся здесь 30 августа, весьма встревожила германское командование. В этот день для русских войск представился удобный случай согласованными усилиями окруженных частей 13 и 15-го корпусов и отряда ген. Сирелиуса разгромить

2-ю германскую дивизию, замыкавшую окружение на участке Мушакен, Грюнфлис, и прорваться из окружения на Мушакен и Нейденбург. Но для этого требовались согласованные действия, чего командование 2-й русской армии не организовало.

Усилия этих русских группировок с утра 30 августа были намечены по разным направлениям. Войска 13 и 15-го корпусов пытались в этот день прорваться,— правда, недостаточно решительно, — в общем направлении на юго-восток — на Валендорф, Мушакен, в то время как отряд ген. Сирелиуса, захватив Нейденбург, устремился на север.

Таким образом, разрозненность действий этих русских войск не дала требуемого результата — содействия выходу из окружения остатков 13 и 15-го арм. корпусов. К этому времени, как мы знаем, командование 2-й армии, эвакуировав штаб 28 августа из Нейденбурга в Остроленку, утратило управление войсками армии и не могло организовать их действия. Более того, ген. Самсонов с оперативной частью штаба армии, руководивший группой центральных корпусов, в полдень 29 августа оставил войска, передав общее командование ими ген. Клюеву, и решил отойти на юг через Мушакен на Янов, тем самым лишив себя окончательно всякого управления войсками.

А утром 30 августа, когда действия отряда ген. Сирелиуса давали некоторый проблеск надежды на выход из окружения 13 и 15-го корпусов, ген. Самсонова уже не было в живых. Во второй половине дня 29 августа ген. Самсонов вместе с оперативной частью штаба безрезультатно пытался проскочить сквозь уже замкнувшееся кольцо окружения. Видимо, это обстоятельство окончательно подорвало его силы, и ночью на 30 августа ген. Самсонов застрелился в лесу у фермы Каролиненгоф (в районе Виленберга).

Решение ген. Самсонова оставить 13 и 15-й корпуса и отойти с оперативной частью штаба армии на юг нельзя признать правильным. Он должен был остаться при этих корпусах и организовать их действия по выходу из окружения.

Командование 8-й германской армии 30 августа предпринимает контрудар на Нейденбург. Оно бросает туда, помимо частей 1-го арм. корпуса, еще 4 пехотные дивизии: 41-ю, 3-ю рез. дивизии и дивизии Унгера и Гольца. Однако эти последние 4 дивизии за день 30 августа не достигли района Нейденбурга и заночевали значительно севернее от него. На следующий день удар этих германских частей пришелся по пустому месту. Отряд ген. Сирелиуса 31 августа оставил, по приказу командующего Северо-западным фронтом, Нейденбург и отошел на Млаву.

Командование Северо-западного фронта не знало о катастрофическом положении 2-й армии, что видно из донесения Жилинского в ставку, в коем он говорит: «Благодаря же отсутствию надежной связи... о ходе события я был ориентирован недостаточно, и только по отрывочным данным, случайно попавшим в штаб, я мог подозревать о тяжелом положении обоих корпусов» (т. е. 13 и 15-го арм.) [1].

---

[1] ЦВИА, д. № 709, лл. 113—116.

Это также подтверждается телеграфным распоряжением штаба фронта на имя ген. Ренненкампфа, коему ген. Орановский 29 августа пишет: «2-я армия отошла на свои первоначальные позиции к границе... Главнокомандующий приказал поэтому приостановить дальнейшее движение выдвинутых вперед корпусов»[1]. Однако действительность была иная, чем ее представляло себе командование фронта.

Командир 23-го корпуса ген. Кондратович еще утром 29 августа оставил свои войска и уехал в Хоржеле, откуда в ночь на 30 августа сообщил в штаб фронта о том, что «28 августа 13 и 15-й корпуса... вели тяжелые и в общем успешные бои на фронте Гогенштейн, Франкенау, Нейденбург. 1-й корпус отошел после тяжелого боя в район Млавы; 6-й корпус отошел 28 августа под давлением противника... в район Ортельсбурга... Сегодня около 15 часов конница противника с конной артиллерией от Нейденбурга захватила пути сообщения корпусов в районе Виленбергского шоссе, Янов. Телеграф с Хоржеле пока действует. 301 Кондратович»[2].

Получив донесение ген. Кондратовича, командование Северо-западного фронта пыталось 30 августа организовать помощь выходу из окружения 13 и 15-го корпусов, однако предпринимаемые им меры являлись уже запоздавшими. Было приказано 6-му корпусу из района Ортельсбурга наступать на Виленберг и 1-му корпусу — с юга на Нейденбург.

Наступление 6-го корпуса носило нерешительный характер. Утром 30 августа ген. Благовещенский одной дивизией (16-й) с небольшими усилиями занял Ортельсбург, а в полдень того же дня, получив приказ о наступлении на Виленберг, отводит войска корпуса на юго-восток, в район Липовец, Радзенен, с тем чтобы оттуда наступать на Виленберг. Ночь на 31 августа корпус провел в этом районе.

На следующий день действия этого корпуса ограничились выдвижением в направлении на Виленберг частей 4-й пех. дивизии, которые, не доходя до последнего, были возвращены в район Радзенен. А между тем решительное продвижение в район Виленберг и разгром там бригады Шметау могли действительно оказать некоторую помощь выходу из окружения остатков 13 и 15-го корпусов.

1-й арм. корпус из района Млавы выбросил на Нейденбург отряд ген. Сирелиуса, действия которого мы разобрали выше. Этим и была окончена попытка со стороны этого корпуса помочь выйти из окружения 13 и 15-му корпусам.

Таким образом, фланговые 6 и 1-й арм. корпуса в критический для 13 и 15-го корпусов момент не проявили требуемой решительности действий в оказании помощи окруженным корпусам.

В свою очередь, ген. Клюев, возглавлявший окруженные войска 13 и 15-го корпусов в районе Комусинского леса, проявил малодушие, капитулировав без достаточно настойчивой попытки вывести войска из окружения.

---

[1] ЦВИА, д. № 137—323, л. 136.
[2] Там же, д. № 137—364, л. 67.

Германцам в период 29—31 августа удалось взять в плен около 30 тыс. чел., между тем по их источникам количество пленных исчисляется до 90 тыс. чел., что совершенно не соответствует действительности, так как в 13 и 15-м корпусах и 2-й пех. дивизии, вместе взятых, всего насчитывалось до 80 тыс. чел.; из них около 20 тыс. прорвались из окружения и отошли на юг, до 6 тыс. чел. было убито и до 20 тыс. раненых осталось на поле боя.

Если бы эти окруженные русские войска возглавлялись более мужественным генералом, чем Клюев, надо полагать, они сумели бы прорвать германское кольцо окружения и отойти на юг. Доказательством этому является ряд замечательных тактических побед, одержанных русскими войсками в этой операции.

9. Выводы

Итак, одно из крупных сражений первого месяца войны на русском фронте окончилось поражением 2-й армии и отходом ее из пределов Восточной Пруссии на юг.

Командование Северо-западного фронта и армий в этой операции проявило свою слабую оперативную подготовленность и недостаточное умение управлять крупными войсковыми массами на театре войны. Эти слабые стороны командования еще более усугублялись неподготовленностью театра военных действий и большими трудностями материального обеспечения войск.

Германские войска, в сравнении с русскими, опирались на более подготовленную материальную базу. Мощная железнодорожная сеть позволила германскому командованию после неудачного сражения под Гумбиненом в кратчайший срок перегруппировать войска и обрушиться превосходными силами на 2-ю армию, а перехватываемые русские радиограммы завершили благоприятные условия, позволив вести борьбу, имея открытыми карты противника.

Такой исход операции 2-й русской армии сложился в результате целого ряда причин, к числу которых нужно отнести следующие.

1. Неготовность к наступлению войск Северо-западного фронта и особенно 2-й армии; обе армии начали операцию, не закончив сосредоточения. Во 2-й армии, действовавшей в районе с слабо развитой сетью дорог, к началу наступления еще не прибыли четыре второочередные пехотные дивизии, большинство армейских и некоторые корпусные тыловые учреждения. В результате этого армейский тыл не был организован, а это последнее обстоятельство породило необеспеченность войск армии необходимыми материальными средствами. Поэтому войска 2-й армии в самом начале операции испытывали серьезные затруднения как с продовольствием, так и с огнеприпасами и вынуждены были в части продфуража перейти на довольствие из местных средств.

Такое положение войск Северо-западного фронта создалось в результате поспешного наступления русских армий против Германии. Этим русское верховное командование стремилось возможно скорее оказать помощь Франции, принудив германское командование перебросить часть сил с запада на восток.

2. Слабое управление войсками как со стороны фронтового, так и армейского командования. Деятельность командования Северо-западного фронта основывалась по большей части на ложном понимании оперативной обстановки. Начиная с 21 августа, после сражения под Гумбиненом, и до 28 августа ген. Жилинский продолжал считать, что германцы поспешно отходят к Висле, и на этом основывал оперативные действия русских войск. После победоносного сражения под Гумбиненом энергичное преследование германцев 1-й русской армией могло создать иной исход операции 2-й армии, чем это получилось. Но для этого требовалось более жесткое руководство со стороны командующего фронтом, чтобы заставить ген. Ренненкампфа организовать преследование отходящих германцев, не делая остановки под Гумбиненом.

Со стороны командования 2-й армии в части управления войсками также имелся ряд недочетов. 23 и 24 августа 2-я армия могла решительно разгромить группу ген. Шольца. Однако командование 2-й армии, не имея ясного представления о группировке противника, нацелило еще 20 августа корпуса армии в определенных направлениях, не поставив четкой задачи разгрома этой группы германцев. В результате против группы ген. Шольца действовали только части 15-го русского корпуса. 13-й арм. корпус до 28 августа продвигается на север — на Алленштейн, не встречая противника. По обстановке, если бы она правильно понималась командованием армии, следовало этот корпус еще 23 августа повернуть на запад для совместных действий с 15-м арм. корпусом против группы ген. Шольца. Помимо этого, штаб армии слишком оторвался от войск. Эта отдаленность при скудных средствах связи лишала его своевременного уяснения хода событий и влияния на них. И, наконец, крупнейшим недочетом в управлении следует считать ликвидацию штаба 2-й армии 28 августа и эвакуацию его на Янов, в результате чего было утрачено как управление корпусами, так и связь со штабом фронта.

3. Отсутствие взаимодействия между армиями фронта, создавшееся в результате слабого управления войсками. Практически взаимодействие должно сводиться к оперативной или тактической помощи своему соседу, причем эта помощь может быть более эффективной со стороны той армии или корпуса, которые занимают в данный момент более выгодное оперативное положение в отношении противника.

Жесткость управления в маневренной войне со стороны фронтового и армейского командования должна быть направлена в первую очередь на достижение взаимодействия армий и корпусов, чего русским командованием не было сделано.

Такое положение вещей создалось в результате допущенной русским командованием остановки 1-й русской армии 21 и 22 августа, после сражения под Гумбиненом, и постановки этой армии с 26 августа новой задачи обложения Кенигсберга, вследствие чего 2-я русская армия оказалась в изолированном положении, лицом к лицу с противником, значительно превосходящим ее.

Вопросы о слабом взаимодействии армий Северо-западного

фронта и о взаимоотношениях Ренненкампфа с Самсоновым в этой операции неоднократно подымались на страницах военно-исторической литературы.

В германской военно-исторической литературе в вопросе взаимоотношений между Самсоновым и Ренненкампфом излишне большое значение отводится личной неприязни, существовавшей между ними еще со времени русско-японской войны 1904—1905 гг.

Так, ген. Гофман в своем труде «Война упущенных возможностей» пишет: «Я хотел упомянуть об одном слухе, который все-таки нельзя игнорировать, а именно о том, что ген. Ренненкампф из личной вражды не пожелал подать помощь Самсонову. При этом надо, конечно, принять во внимание, что Ренненкампф не мог предвидеть всех последствий своего замысла и размеров поражения Самсонова».

Можно допускать, что между Ренненкампфом и Самсоновым имела место личная неприязнь. Но весьма сомнительно, чтобы эта последняя развилась до размеров предательства интересов армии и царской России, чем явились по существу действия Ренненкампфа. Тут скорее всего может быть проявление невежества и карьеризма ген. Ренненкампфа в оперативно-тактическом руководстве войсками на театре военных действий, граничащее по существу с предательством.

Не лучше обстояло дело с вопросом взаимодействий между корпусами 2-й армии. Так, 6-й арм. корпус отошел из района Бишофсбурга, обнажив восточный фланг корпусов центральной группы, и не поставил об этом в известность соседний слева 13-й арм. корпус. В течение 28 и 29 августа 6-й корпус мог решительным образом облегчить отход 13 и 15-го арм. корпусов путем наступления из района Ортельсбурга на Пассенгейм, с целью привлечь на себя и связать 17-й германский корпус. Но, как указано выше, 6-й корпус в эти дни почти бездействовал.

4. Плохая осведомленность русского командования о действиях противника, явившаяся результатом слабой оперативной разведки. В период с 20 по 28 августа русские войска действовали преимущественно вслепую. После сражения под Гумбиненом командование 1-й русской армии, не ведя оперативной разведки, рисовало себе действия германцев по догадкам, в результате чего ген. Ренненкампф ложными донесениями о положении противника ввел в заблуждение командование фронта и 2-й армии. Считая германцев с 22 августа в полном отступлении от Гумбинена к Висле, ген. Жилинский торопил продвижение 2-й армии на север, чтобы перехватить пути отхода германцев. Однако, как мы знаем, действия германцев были иные.

Только в результате боев 26 и 27 августа войска 2-й армии установили силы противника на фронте этой армии, что и позволило вскрыть замысел германского командования.

5. Преступное отношение русских штабов фронта и армий к сохранению военной тайны, выражавшееся в том, что они, начиная примерно с 23 августа и до конца операции 2-й армии, передавали

часто незашифрованные радиограммы оперативного характера — приказы, сводки и донесения.

Русские радиограммы перехватывались штабом 8-й германской армии. Это обстоятельство создало весьма благоприятные условия для германского командования в этой операции. Оно знало не только действия русских войск, но и намерения русского командования, в то время как последнее действовало преимущественно вслепую.

В такой обстановке со стороны Гинденбурга — Людендорфа, несомненно, не требовалось проявления ни особого риска для проведения того или иного оперативного маневра, ни особого оперативного творчества для принятия соответствующего решения.

6. Плохая организация операции 2-й армии, в результате чего войска оказались разбросанными и были подвержены разрозненному поражению. Вечером 25 августа, т. е. накануне решительного этапа операции, 2-я армия, имея в своем составе 5 корпусов и 3 кавалерийские дивизии, была растянута на фронте свыше 100 *км.* При этом ударную группу составляли всего 5 пехотных дивизий, а остальные войска были обращены на обеспечение операции.

Вот перечень основных причин, которые привели 2-ю русскую армию к поражению.

В итоге оперативно-стратегическое положение русских войск на восточно-прусском театре военных действий значительно ухудшилось, и русское командование было вынуждено на некоторое время отказаться здесь от активных действий. Германцы, используя достигнутый оперативный успех против 2-й русской армии, без промедления приступили к подготовке наступления против 1-й русской армии, конница которой уже появилась в окрестностях Алленштейна.

Оборонительная операция 1-й армии

1. Обстановка, предшествовавшая операции

(Схема 7)

События первого месяца войны развивались в благоприятную сторону для австро-германских армий. К 1 сентября французские и английские войска, преследуемые германцами, отходили к Марне, одновременно готовясь нанести контрудар из района Парижа. На восточно-европейском театре войны 8-я германская армия нанесла поражение 2-й русской армии и вытеснила ее из пределов Восточной Пруссии. 8-я германская армия была усилена 11-м арм. и гвард. рез. корпусами и 8-й кав. дивизией, снятыми с французского фронта; тем самым ее состав был доведен до 7½ корпусов и 2 кавалерийских дивизий. На правом крыле Юго-западного фронта, в люблинском направлении, австро-венгерские армии одержали успех и оттеснили 4 и 5-ю русские армии на линию Люблин, Холм. Но на львовском направлении 3 и 8-я русские армии вели успешное наступление и 3 сентября заняли Львов.

Русская ставка, обеспокоенная неуспехом на правом фланге Юго-западного фронта, при оптимистическом взгляде на ход событий в Восточной Пруссии, решила усилить Юго-западный фронт и нанести решительный удар австрийцам на люблинском направлении. Наступление правого крыла Юго-западного фронта — 4, 5 и вновь созданной 9-й армий — предусматривалось планом на 5 сентября.

К этому времени успешно развивавшееся наступление 1 и 4-й австрийских армий начало замирать. Главное командование австро-венгерской армии обратилось к германскому командованию с требованием, в целях решительного разгрома русских восточнее Средней Вислы, нанести удар войсками 8-й германской армии из Восточной Пруссии в седлецком направлении, в тыл русским армиям правого крыла Юго-западного фронта.

Главнокомандующий австро-венгерскими армиями эрцгерцог Фридрих, обращаясь непосредственно к императору Вильгельму, отмечал следующее:

«Исполняя верно наши союзные условия, мы пожертвовали Восточной Галицией во имя успеха наших операций между Бугом и Вислой, с целью притянуть на себя главные силы России. Нас беспокоит, что немцы отмахиваются от общего наступления на Седлец. Для поставленной нами великой цели низвержения России наступление значительных немецких сил на Седлец имеет решающее значение и является неотложным» [1].

На 1 сентября германское командование имело два возможных варианта дальнейшего оперативного использования 8-й армии. В общесоюзных интересах германскому командованию следовало нанести удар 8-й армией с севера на Седлец. Этот вариант мог иметь весьма крупные результаты. Главное русское командование особенно опасалось наступления германцев в этом направлении. Это видно из директивы ставки от 31 августа за № 313, отданной после поражения 2-й армии, в которой говорится, что «в случае безусловной невозможности в течение ближайших дней достигнуть решительных над австрийцами успехов, будет указано армиям Юго-западного фронта постепенно отходить на р. Западный Буг с общим направлением на Дрогичин, Брест-Литовск, Кобрин». При этом ставка считала, что войска 8-й германской армии полностью сосредоточатся на линии Ортельсбург, Сольдау, Лаутенбург примерно к 5 сентября, а поэтому к этому времени требовалось нанести австрийцам сильный удар в районе Люблина, с целью не допустить взаимодействия их с вероятным, по мнению ставки, наступлением 8-й германской армии в этом направлении. Далее предполагалось, что 2-я армия ген. Шейдемана в составе 5 корпусов, общей численностью 228 батальонов, составит заслон на рубеже р. Нарев и в случае надобности прикроет отход 4 и 9-й армий к р. Западный Буг.

Второй вариант оперативного использования 8-й германской ар-

---

1 «Рейхсархив», т. II, стр. 248.

мии — это наступление против 1-й русской армии с целью оттеснения ее из пределов Восточной Пруссии.

Германское командование игнорировало союзные интересы, оставило без внимания требования австро-венгерского командования и решило нанести удар 1-й русской армии, подчиняясь требованиям восточно-прусских помещиков (юнкеров) очистить Восточную Пруссию от русских войск.

Центральное положение 8-й германской армии при наличии густой сети железных дорог позволило ей бить порознь разбросанные и привязанные к определенным операционным направлениям армии Северо-западного фронта. К этому времени была боеспособна лишь 1-я русская армия, а 2-я и вновь собираемая 10-я армии могли быть готовы к действию около 15 сентября.

2. План командования 8-й германской армии

(Схема 7)

31 августа германское главное командование поставило 8-й армии ближайшей задачей очищение Восточной Пруссии от армии Ренненкампфа и преследование незначительными силами 2-й русской армии.

Командующий 8-й германской армией для выполнения этой задачи решил в наревском направлении ограничиться обороной границы небольшими силами, а остальные войска направить против 1-й русской армии. Общая идея наступательной операции германцев сводилась к тому, чтобы, обходя левый фланг русских с юга и отбрасывая их к нижнему течению Немана, разгромить 1-ю русскую армию. С этой целью одна треть сил направилась для обхода и две трети составили главную группу, которая должна была не только атаковать укрепленную позицию русских, но и не позволить им перейти здесь в наступление, что германским командованием не исключалось.

На южной границе было оставлено три дивизии — 35-я рез. и ландв. (ген. Гольца) дивизии, 70-я ландв. бригада и бригада Еммера в качестве заслона на фронте Лаутенбург, Млава, Хоржеле, Мышинец. Кроме того, 3-я рез. дивизия, располагаясь в районе Мышинец, обеспечивала развертывание армии с юга. Остальные силы — до 15 пехотных дивизий — были направлены против 1-й русской армии.

В организации операции со стороны германского командования обычно наблюдается стремление к массированию сил. Однако в данной операции германское командование допустило ошибку в том, что в обходную группу выделило недостаточно сил (1 и 17-й арм. корпуса и две кавалерийские дивизии), в результате чего, как увидим дальше, она почти два дня преодолевала сопротивление одной 43-й пех. дивизии русских, оборонявшейся в дефиле Мазурских озер. Главную группу составляли 20 и 11-й арм., 1-й рез. и гвард. рез. корпуса, наступавшие на фронте Алленбург, Ангербург, общим протяжением около 40 *км*. Таким образом, оперативная плотность выражалась: одна пехотная дивизия на 5-*км* фронте.

Севернее р. Прегель, до побережья Балтийского моря, должны были удерживаться 2-я ландв. бригада и дивизия Бродрюка.

Переход в общее наступление намечался на 9 сентября, причем обходная группа, начав наступление 6 сентября, должна была к этому времени выдвинуться к линии железной дороги Гольдап, Ангербург. Этим имелось в виду не только упреждение в движении вперед охватывающей группы, но и выход на фланг и тыл русской армии, что должно было расшатать устойчивость обороны на главном направлении, ибо германское командование после сражения под Гумбиненом видело большую опасность в наступлении против окопавшейся русской пехоты.

К 5 сентября войска 8-й германской армии развернулись на линии Ортельсбург, Зеебург, Прейсиш-Эйлау. Находясь в 40 *км* от 1-й русской армии, корпуса главной группы лишь 9 сентября вошли в соприкосновение с русскими, когда ген. Ренненкампф уже начал колебаться перед появившейся угрозой с юга.

3. План командования 1-й русской армии

(Схема 7)

Верховное командование русских армий в первых числах сентября, усилив правое крыло Юго-западного фронта войсками 9-й армии из района Варшавы, поставило здесь задачей в ближайшие дни добиться решительной победы над австрийской армией. Войска Северо-западного фронта, содействуя этой операции, должны были сковать 8-ю германскую армию, лишив ее возможности оказать влияние на ход событий в южной Польше и Галиции. Выполнение этой задачи армиями Северо-западного фронта мыслилось или путем наступления во фланг и тыл 8-й германской армии в случае действий ее с южной границы — в Седлецком направлении, или путем обороны 1-й армией занимаемого рубежа в случае наступления германцев против нее. Решительное наступление армий Северо-западного фронта в Восточную Пруссию с целью разгрома 8-й германской армии признавалось возможным не ранее 14 сентября, т. е. тогда, когда будет восстановлена боеспособность 2-й армии и закончится сосредоточение корпусов 10-й армии.

31 августа, после поражения 2-й армии, верховное командование дало командующему Северо-западным фронтом ген. Жилинскому указания о том, чтобы отвести 1-ю армию на фронт Инстербург, Ангербург и удерживаться здесь во что бы то ни стало, а 2-ю армию предполагалось сосредоточить на фронте Осовец, Ломжа, т. е. последняя должна была сдвинуться вправо. Кроме того, указывалось на необходимость подготовить к обороне рубежи рек Немана, Бобра и верхнего Нарева. Для усиления 2-й армии в состав фронта передавались 22-й, 3-й сибирский и 1-й туркестанский корпуса, но затем эти три корпуса распоряжением фронта от 5 сентября были обращены на формирование 10-й армии в районе Августов, Осовец, Граево.

В соответствии с этим командующий Северо-западным фронтом ген. Жилинский 2 сентября отдал директиву, сущность кото-

рой сводилась к тому, что 1-я армия должна была прочно удерживаться севернее Мазурских озер на занимаемом ныне фронте, а войска 2-й армии, прикрывая пути к Нареву, должны были расположиться на линии Завады, Улятово, Ступск.

По вопросу дальнейших действий командование 1-й армии единодушно не было. Начальник штаба армии ген. Милеант считал необходимым для улучшения положения и группировки армии отвести войска на р. Ангерап. Излагая эти соображения в докладе на имя ген. Ренненкампфа, ген. Милеант писал:

«Действия против левого фланга армии возможны не только от Летцена, но и из проходов через Мазурские озера южнее Летцена. Противодействовать обходу левого фланга армии можно только отходом, ибо иначе маневрировать по тому положению, которое армия сейчас занимает, она лишена возможности.

Положение 2-й армии таково, что она сейчас не в состоянии своим фланговым положением удержать противника от обхода левого фланга 1-й армии.

Для выяснения положения 1-й армии следует прибавить, что ее конница ушла далеко вперед.

Ввиду изложенной обстановки считал бы своевременным изменить фронт армии, заняв 20-м корпусом Инстербург, 4-м корпусом Даркемен, оставив 2-й корпус между Ангербургом и Гольдапом и 3-й корпус на переправах через р. Ангерап, западнее Гумбинена, дабы иметь возможность этот корпус бросить или на фронт или на левый фланг»[1].

Это вполне правильное предложение ген. Милеанта командующий 1-й армией ген. Ренненкампф отклонил, мотивируя тем, что им получен приказ обороняться на занимаемом ныне фронте и что при создавшейся общей обстановке отход армии произведет дурное моральное впечатление.

Во исполнение директивы ген. Жилинского командующий 1-й армией ген. Ренненкампф 2 сентября решил прочно удерживаться на занимаемых позициях на фронте Лабиау, Велау, Алленбург, Ангербург, имея 43-ю пех. дивизию в качестве заслона восточнее Мазурских озер и 72-ю пех. дивизию в армейском резерве в районе Даркемен.

В соответствии с этим ген. Ренненкампф 2 сентября отдал нижеследующий приказ:

«Противник проявляет сильную деятельность на фронте Лабиау, Фридлянд, Летцен, Шимонкен. Главные его силы находятся за линией Вормдит, Гейльсберг, Бишофштейн, Рессель, Растенбург (против левого фланга армии).

Во исполнение указаний главнокомандующего приказываю противнику дать отпор:

— 20-му арм. корпусу — к северу от р. Прегель, обеспечивая правый фланг армии. Район корпуса с юга ограничивается: р. Прегель, Гервишкемен, Бильдервейчен, все включительно;

— 3-му арм. корпусу — на рр. Алле и Омет от Велау до Грюн-

---

[1] ЦВИА, д. № 137300, л. 81.

хейм. Район корпуса ограничивается: с севера — линией, указанной для 20-го корпуса; с юга — Грюнхейм, Тремпен, Вальтеркемен;

— 4-му арм. корпусу — на фронте Грюнхейм, Норденбург. Район корпуса ограничивается: с севера — линией, указанной для 3-го корпуса; с юга — Норденбург, Коварен, Роминтен, Виштынец;

— 2-му арм. корпусу — между озерами Норденбург и Мауер, имея дивизию в заслоне против Летцена. Район корпуса ограничивается с севера линией, указанной 4-му корпусу. 2-му корпусу обеспечивать левый фланг армии»[1].

Коннице была поставлена задача разведки: кавалерийская бригада ген. Казнакова — на фронте 3-го корпуса, кавалерийская группа (1½ кавалерийские дивизии) Хана Нахичеванского — на фронте 4-го корпуса, кавалерийская группа ген. Рауха — на фронте 2-го корпуса и 1-я кавалерийская дивизия ген. Гурко — на левом фланге армии.

Решение обороняться 1-й армией в сложившейся к тому времени обстановке на русском фронте следует признать правильным. Но рубеж обороны 1-й армии следовало избрать другой. Нужно было отвести армию на фронт Инстербург, Ангербург, как указывалось ставкой, чтобы сократить фронт обороны и создать лучшую оперативную группировку. В этом случае представлялось возможным создать ударную группу силою до корпуса в районе Гумбинена для парирования возможного обхода левого фланга армии, что считалось вероятным.

4. Соотношение сил

По принятым решениям силы сторон на фронте 1-й русской армии можно считать равными. Правда, в артиллерийских орудиях германцы имели почти двойное превосходство, но в отношении кавалерии они уступали на 66 эскадронов русским.

По участкам фронта соотношение сил выражалось так: на фронте севернее реки Прегель русский 20-й арм. корпус численностью 32 батальона и 108 орудий противостоял германским 2-й ландв. бригаде и дивизии Бродрюка, насчитывавшим в своем составе 23 батальона и 70 орудий.

Между рекой Прегель и оз. Мауер было главное направление обеих сторон. Здесь русские имели 10½ пехотных и 4½ кавалерийских дивизии численностью 168 батальонов, 100 эскадронов и 556 орудий, а германцы — 8 пехотных дивизий, насчитывавших 120 батальонов, 36 эскадронов и 616 орудий.

В районе Мазурских озер русские имели в качестве заслона 43-ю пех. дивизию численностью 16 батальонов и 48 орудий, и, кроме того, здесь действовала 1-я кав. дивизия ген. Гурко (24 эскадрона и 12 орудий); у германцев в этом направлении наступала обходная группа — 5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии общей численностью 72 батальона, 68 эскадронов и 400 орудий (табл. 4).

---

[1] ЦВИА, д. № 137304, л. 82.

Таблица 4

Соотношение сил на фронте 1-й русской армии к 6 сентября 1914 г.

Стороны	Количество				Артиллерия				Число самолетов	Протяжение фронта в *км*
	пех. дивизий	кав. дивизий	батальонов	эскадронов	легк. пушек	легк. гаубиц	тяж. орудий	всего		
1-я русская армия	$13\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{2}$	216	124	$\frac{87}{676}$	$\frac{8}{48}$	—	$\frac{95}{724}$	24	110
8-я германская армия	15	2	215	104	$\frac{120}{720}$	$\frac{25}{150}$	$\frac{54}{216}$	$\frac{200}{1086}$	56	120
Заслон 8-й германской армии на юг против 2-й русской армии	3	—	32	9	$\frac{6}{36}$	—	$\frac{6}{24}$	$\frac{12}{60}$	—	110

Примечание. Числитель — количество батарей; знаменатель — число орудий.

5. Борьба в районе Мазурских озер

(Схема 8)

В районе Мазурских озер находился слабо прикрытый левый фланг 1-й русской армии. В качестве заслона здесь была расположена 43-я пех. дивизия на фронте Куттен, Видминен, Арис, Круглянкен, общим протяжением до 40 *км*; эта дивизия закрывала важнейшие выходы на восток.

Через Мазурские озера наступала обходная германская группа в составе 17 и 1-го арм. корпусов, 3-й рез. и 1 и 8-й кав. дивизий, всего 5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Она имела задачей охватить левый фланг 1-й армии с юга, отбрасывая его к северо-востоку.

Наступление германцев началось 6 сентября, и на следующий день войска обходной группы вошли в соприкосновение с частями 43-й пех. дивизии. 1-й германский корпус к вечеру 7 сентября вышел в район Арис. Ввиду наступления темноты атака была отложена германцами до следующего дня. Следовавшая правее этого корпуса 3-я рез. дивизия, оттеснив части 1-й финляндской дивизии 22-го русского корпуса, к этому времени достигла района Бяла. Уступом сзади 1-го германского корпуса двигалась ландверная дивизия Гольца, прикрывая эту группу с юга. 17-й германский корпус, не встречая противника, выдвинулся восточнее Летцена, где он должен был выждать выхода на одну линию с ним 1-го германского корпуса и лишь после этого продолжать дальнейшее наступление.

Наступление обходной группы должно было вестись решительным образом, ибо в зависимости от выдвижения ее на параллель

Ангербурга устанавливалось время перехода в атаку корпусов главной группы.

С целью ввести противника в заблуждение, германское командование предпринимает 1—2 сентября дивизией Бродрюка из Кенигсберга демонстративное наступление на северном фланге против 3-го арм. корпуса. Помимо того, оно выпустило 7 сентября ложную радиограмму о сосредоточении там же двух корпусов для наступления на Лабиау. Этим германцы пытались отвлечь резервы 1-й русской армии к северу.

Достичь им этого не удалось, ибо их меры оказались запоздавшими. Наступление обходной группы 8 сентября в Мазурских озерах привлекло внимание русского командования. Однако некоторого раздвоения внимания ген. Ренненкампфа этой демонстрацией удалось достигнуть. Так, 7 сентября в разговоре по прямому проводу с ген. Жилинским ген. Ренненкамф говорит, что «получил извещение от ген. Постовского о направлении двух немецких корпусов с запада на Лабиау. Приказал резерву северного участка передвинуться ближе к правому флангу... На всем северном участке у меня соберется весь 20-й корпус, 53 и 56-я пех. дивизии...» Но это в жизнь не было проведено по причине, указанной выше.

В результате наступления 7 сентября германцы захватили озерные дефиле в свои руки и нацелились для атаки оборонительных позиций 43-й русской дивизии, разбросанной восточнее Мазурских озер на фронте до 40 *км*.

Действия германцев 7 сентября в направлении Иоганисбург, Бяла против частей 22-го арм. корпуса указали русскому командованию на возможный обход левого фланга 1-й армии. Поэтому ген. Жилинский, с целью остановить наметившийся здесь обход, решил наступлением 2-й армии с утра 8 сентября оказать давление на тылы германских войск, действующих против 1-й армии. 2-й армии было указано наступать 8 сентября на Мышинец, Хоржеле.

В свою очередь, ген. Гинденбург приказал войскам обходной группы 8 сентября продолжать наступление, охватывая русских с юга.

С утра 8 сентября части 22-го русского корпуса ген. Бринкена, действуя юго-восточнее Мазурских озер, в треугольнике Лык, Бяла, Граево, привлекли на себя и сковали две германские дивизии (3-ю рез. и дивизию Гольца) из обходной группы. Непосредственно против левого фланга 1-й армии продолжали действовать 1 и 17-й арм. корпуса и 1 и 8-я кав. дивизии.

Действия обходной группы в этот день были весьма нерешительные. Ген. Франсуа свой корпус разбросал. Одной дивизией (1-й) атаковал русских (до одной бригады) в районе Арис; со значительными потерями лишь к исходу дня 8 сентября немцы овладели этим пунктом, где и заночевали. Другая дивизия (2-я) была направлена на север, видимо, с целью скорейшего взаимодействия с 17-м арм. корпусом; эта дивизия к ночи достигла района западнее Видминена. 17-й арм. корпус, завершив в этот день подход к русской позиции, безрезультатно провел в районе Круглянкен (южнее Куттен) несколько атак, которые были все отбиты частями доблестной

43-й пех. дивизии, несмотря на четверное превосходство сил германцев.

В этот день германцы сделали безрезультатную попытку наступления в центре армии, однако вынуждены были от этого отказаться. Ген. Людендорф мотивирует этот отказ неприступностью оборонительных сооружений позиции русских войск.

В действительности русские имели здесь оборонительные позиции самого обычного полевого типа, с окопами полной профили, без искусственных препятствий; для массовой германской тяжелой артиллерии эти позиции серьезного препятствия не создавали. Дело здесь в другом. В памяти германского командования все еще было свежо их поражение под Гумбиненом, где они за свое пренебрежение к русской пехоте дорого поплатились. К тому же под Гумбиненом русская пехота наскоро окапывалась, местами уже под огнем, а здесь она имела оборудованные оборонительные позиции. Вот поэтому-то германцы и уклонялись от лобовых атак этих русских позиций.

Несмотря на медлительность действий обходной группы, ее более чем четверное превосходство сил все же создало к вечеру 8 сентября чрезвычайно тяжелое положение на левом фланге 1-й русской армии.

Находившиеся здесь части 43 й пех. дивизии уже были частично в районе Арис потрепаны 1-м германским корпусом. Резервов поблизости не было, а долго противостоять противнику, вчетверо превосходящему, 43-я дивизия, конечно, не могла.

В итоге 8 сентября ген. Ренненкампф пришел к выводу, что действия германцев в районе Мазурских озер имеют целью обход левого фланга 1-й армии, и определял силы обходной германской группы до 1½ корпусов. В этот же день ген. Ренненкампф принял меры противодействия обходу. 72-я пех. дивизия, находившаяся в армейском резерве, из Даркемена была направлена на усиление 43-й пех. дивизии, а 54-я пех. дивизия из Инстербурга была передвинута на юг, в район Даркемена.

Утром 9 сентября ген. Ренненкампф предпринимает более радикальные меры, хотя со значительным опозданием. Он решил собрать в районе Гольдапа 20-й арм. корпус и около четырех кавалерийских дивизий с целью контрудара с севера во фланг обходной германской группы.

К 9 сентября судьба левого фланга 1-й армии, по существу, была решена, ибо эта армия, как в свое время 2-я армия, вынуждена была обходиться только своими силами, так как попытка штаба фронта оказать ей помощь войсками 10 и 2-й армий была запоздалой и носила нерешительный характер.

Так, ген. Жилинский в разговоре по прямому проводу ночью на 9 сентября с ген. Ренненкампфом, говоря о содействии 1-й армии, указывал, что «части 22-го арм. корпуса собираются у Лыка, где имеется около 20 батальонов, но часть из них понесла потери и в бой пока не может итти... прикажу Бринкену (командир 22-го корпуса) двинуть вперед все свободные силы, следовательно, не более двух бригад, но далее 20 верст они едва ли пройдут.

И это во всяком случае будет сильная угроза в тыл наступающего; но это возможно только завтра, к вечеру, а противник уже сегодня верстах в 10—15 от Видминена.

Части 2-й армии могут появиться у Мышинец и Хоржеле, пройдя пески с крайним напряжением, не ранее завтрашнего вечера (9 сентября). Атака их на Виленберг и Ортельсбург едва ли удастся на послезавтра (10 сентября).

Очень буду рад, если вы разделаетесь с обходом и удержитесь на фронте. Этого желает верховный главнокомандующий, ввиду общего положения дел на Восточном (русском) фронте. С своей стороны, дам приказ 22-му корпусу выдвинуться и оказать вам помощь, но особенно рассчитывать на энергичное его содействие едва ли можно, скажу даже, нельзя» [1].

Общее положение к этому времени на русском фронте характеризовалось успешным развитием операции Юго-западного фронта против австро-венгерской армии. Так, ген. Янушкевич 8 сентября сообщал командующему Северо-западным фронтом, что «9-я армия с удачным боем перешла на левый берег Вислы. Вы, несомненно, согласитесь, что теперь особенно важно Северо-западному удержать свой фронт при атаках на Ренненкампфа и Бринкена. Упорство это, несомненно, даст свои результаты для окончания операции на Юго-западном, где, быть может, вопрос в нескольких днях».

Таким образом, оперативно-стратегическая обстановка на русском фронте требовала от армий Северо-западного фронта сковать германские войска в Восточной Пруссии, лишив их возможности оказать влияние на ход событий в Галиции.

В соответствии с этим ген. Жилинский вечером 8 сентября отдал 1-й армии следующий телеграфный приказ:

«Обход противника через Иоганисбург, о котором я вам сообщил сегодня, оказался произведенным незначительными силами, которые будут отброшены, почему сосредоточение 22-го арм. и 3-го сибирского корпусов в районе Лык будет, повидимому, производиться беспрепятственно, и усилия их будут направлены к занятию проходов между озерами. Кроме того, южнее Ломжи начал собираться 1-й туркестанский корпус. 2-я армия в составе 2½ корпусов усиленными переходами подтягивается к границе на фронт Хоржеле, Мышинец. Верховный главнокомандующий рассчитывает, что 1-я армия проявит полное упорство в отношении своего положения, что является безусловно необходимым ввиду ожидаемого на этих днях окончательного решения на Юго-западном фронте. Усилия 2 и 10-й армий будут направлены к обеспечению левого фланга».

Итак, 1-й армии на 9 сентября было указано прочно удерживаться на занимаемом рубеже. Однако для этого было сделано очень мало. Слабое звено в обороне этой армии — ее левый фланг — было усилено недостаточно, причем с организацией усиления ген. Ренненкампф опоздал, а помощи со стороны командования фронта почти не было.

---

[1] ЦВИА, д. № 137306, л. 27.

Учитывая назревавшую угрозу с юга, со стороны сосредоточивавшейся 10-й русской армии, германское командование спешило с окончанием операции и потребовало более решительных действий обходной группы.

Ген. Гинденбург на 9 сентября поставил задачу корпусам обходной группы — после прорыва позиции 43-й пех. дивизии повернуть на север, с целью удара на 26-ю пех. дивизию с тыла, способствуя продвижению 20-го арм. корпуса.

3-я рез. дивизия должна была наступать из района Бяла в северном направлении на Юха.

1 и 17-му арм. корпусам было указано продвигаться в общем направлении на север: первый — восточнее, а второй — западнее озера Гольдапгар.

Конный корпус (1 и 8-я кав. дивизии) ген. Брехта направлялся в район Гольдапа.

Корпуса главной группы должны были сблизиться с русскими войсками, имея в виду атаку последних 11 сентября. Первоначально намеченное на 9 сентября наступление этой группы было отсрочено по причине медлительности действий обходной группы и невыполнения ею поставленных задач.

Наступлению 17-го арм. корпуса должен был содействовать 20-й корпус своим артиллерийским огнем против 43-й пех. дивизии; однако эта помощь оказалась малоэффективной. Войска 17-го арм. корпуса с утра 9 сентября предпринимали ряд безрезультатных атак, которые были отбиты артиллерийским огнем и контратаками частей 43-й пех. дивизии.

Решительное влияние на исход событий 9 сентября восточнее Мазурских озер оказали действия 1-го германского корпуса. Наступая восточнее оз. Гольдапгар, этот корпус около 15 часов нанес удар по левому флангу и тылу 43-й пех. дивизии и отбросил ее левофланговые части к северу.

Только после этого 17-й арм. корпус смог преодолеть сопротивление частей 43-й пех. дивизии, действовавших севернее оз. Гольдапгар.

Конный корпус ген. Брехта действовал весьма нерешительно. В течение дня он имел несколько стычек в районе оз. Шонстаг с 1-й кав. дивизией ген. Гурко, которые для германцев были безуспешными. За день этот корпус продвинулся вперед не более как на 10 *км.*

Таким образом, части 43-й пех. дивизии в течение двух дней оказывали сопротивление германцам, имевшим четверное превосходство сил.

3-я рез. дивизия в этот день вела малоуспешный бой в районе Лык с 22-м русским корпусом.

Итак, к вечеру 9 сентября заслон 1-й армии в Мазурских озерах — 43-я пех. дивизия — был разгромлен, а левый фланг армии оказался под угрозой удара с юга.

Посмотрим, в каком состоянии к этому времени находилась перегруппировка, предпринятая ген. Ренненкампфом в связи с организацией противодействия обходу.

Армейская конница, перемещаясь из центра на левый фланг армии и сделав переход 35 *км*, к вечеру 9 сентября находилась:

— группа (2 и 3-я кав. дивизии) ген. Хана Нахичеванского, собираемая в районе Гольдап, достигла района Даркемен;

— группа (1 и 2-я гвард. кав. дивизии) ген. Рауха, выдвигаемая в Марггработа, достигла района Грабовен.

72-я пех. дивизия, выступившая из Даркемена 8 сентября, к вечеру следующего дня достигла района Кульшен, совершив 30-*км* переход.

20-й арм. корпус (28, 29 и 54-я пех. дивизии) к исходу дня 9 сентября находился в районе Даркемен и севернее; района Гольдапа, где он должен был сосредоточиться, этот корпус мог достичь не ранее вечера следующего дня.

Таким образом, 10 сентября на линии Гольдап, Ангербург для противодействия обходной группе германцев находились 43 и 72-я пех. дивизии, из них 43-я дивизия была значительно потрепана.

Кроме того, в районе севернее и южнее Гольдапа сосредоточилось до четырех кавалерийских дивизий, которые главным образом препятствовали движению конного корпуса ген. Брехта на северо-восток.

20-й арм. корпус сосредоточением запоздал и контрудара выполнить не мог.

Не лучше обстояло дело и с подготовкой удара из района Лыка в северном направлении войсками 10-й русской армии. Эта армия находилась в периоде сосредоточения и лишь 15 сентября закончила свой сбор.

Еще 8 сентября на предложение ставки «передать 22-й корпус ген. Ренненкампфу» ген. Жилинский указывал, что это «было бы полезно, но в настоящее время корпус этот, имея задачу занять район Лык, Арис, Летцен, втянулся в бой с обходными силами немцев. Следовательно, 22-й корпус прямой помощи в боях Ренненкампфу оказать не может. В боях с этой же обходной колонной участвует и 3-й сибирский корпус, и действия их объединены в руках ген. Радкевича. Следовательно, до окончания этих боев для отражения обхода, я думаю, лучше оставить оба корпуса в руках Радкевича».

В результате этих боев части 22-го корпуса были приведены в состояние некоторого расстройства, однако полностью боеспособности они не потеряли и, следовательно, могли еще драться.

Несмотря на угрозу левому флангу 1-й армии со стороны обходной германской группы, где для противодействия этому каждый лишний полк имел большое значение, ген. Жилинский утром 9 сентября, по настоятельной просьбе командира 22-го корпуса, решил прекратить бой войсками 10-й армии и отвести их для дальнейшего устройства. В осуществление этого было приказано:

«Ввиду неустроенности 22 и 3-го сибирского корпусов и невозможности, вследствие этого, им перейти в наступление, командующий фронтом приказал 22-му корпусу собраться в Августове, чтобы базироваться на Гродно и прикрыть это направление, а 3-му сибирскому корпусу собраться в Граево, чтобы базироваться

на Осовец. Войскам 1-го туркестанского корпуса оставаться в Ломже. Ввиду этого назначенное вчера наступление на Видминен 20 батальонов не состоится».

Во исполнение этого части 22-го и 3-го сибирского корпусов в ночь на 10 сентября отошли в указанные им районы.

К этому же времени войска 2-й армии, еще не вполне оправившиеся после проведенной ими неудачной операции, достигли южной границы Восточной Пруссии и далее не продвигались.

Таким образом, 1-я армия вечером 9 сентября, находясь под угрозой охвата с юга, была предоставлена своим собственным силам. Незначительная помощь, которую оказывали ей 10 и 2-я армии, по существу, к 10 сентября штабом фронта была прекращена.

Так, борьба за фланг в Мазурских озерах окончилась, вследствие большого превосходства сил на стороне противника, не в пользу русских войск.

6. Отход 1-й русской армии

(Схема 8)

Вечером 9 сентября германское командование считало, что наступление восточнее Мазурских озер проходит успешно. Однако признавали возможными серьезные осложнения, могущие возникнуть в случае затяжки операции и наступления русских войск с юга — от р. Нарева и станции Граево.

Гинденбург продолжал придерживаться прежнего замысла, а именно: наступлением обходной группы ослабить сопротивление русских войск севернее Мазурских озер и лишь после этого переходить на штурм с фронта. В соответствии с этим на 10 сентября было принято решение:

— севернее озер продолжать подготовку атаки,

— обходной группой наступать в северном направлении и атаковать позиции русских севернее озер, с тыла, способствуя продвижению 20-го корпуса.

17-му корпусу было указано наступать на фронт Буддерн, Ангербург, а 1-й корпус должен был наступать правее его. Конный корпус ген. Брехта направлялся на Гольдап [1].

Положение 1-й русской армии к исходу 9 сентября, в связи с обходом ее левого фланга и отсутствием помощи со стороны 10 и 2-й армий, было очень тяжелым. Вечером того же дня ген. Ренненкампф, донося в штаб фронта, писал:

«Сводка полученных донесений указывает, что противник ведет энергичное наступление на фронте 3, 4 и 2-го корпусов, обрушиваясь главным образом превосходными силами против левого фланга армии» [2].

Характеризуя положение 1-й армии, ген. Жилинский в донесении в ставку от 10 сентября говорит, что «совершившийся обход

---

1 «Рейхсархив», т. II, стр. 289.
2 ЦВИА, д. № 137342, л. 251.

левого фланга 1-й армии был бы очень затруднен, если бы находившийся в районе Лык 22-й корпус мог быть направлен к северу, в тыл обходящему противнику. Сделать этого нельзя было, так как командир корпуса на мое предписание об этом наступлении донес, что корпус, расстроенный предшествующим боем, не в состоянии продвинуться. Так как в боях до того участвовало всего 4 полка из 16, то я могу предположить, что эта неспособность корпуса к активным действиям должна быть отнесена всецело и исключительно лишь к высшему командному составу».

Вечером 9 сентября командующий 1-й армией ген. Ренненкампф, с целью создания более выгодной группировки войск, решил, под прикрытием двух корпусов с юга, в ночь на 10 сентября отвести три правофланговых корпуса примерно на один переход назад. Командующий фронтом решение на отход одобрил, но указал не ограничиваться таким коротким отходом, а отвести армию, «пока она не будет в полной безопасности» [1].

В соответствии с этим ген. Ренненкампф в этот же вечер отдал следующий приказ:

«Сегодня к наступлению темноты противник оттеснил 43-ю пех. дивизию почти до шоссе Ангербург, Гольдап.

Командующий фронтом приказал, не останавливаясь на линии, указанной приказом армии № 8, продолжать отход далее.

Приказываю завтра, 10 сентября:

1. 20-му корпусу, в состав которого включена 54-я пех. дивизия, наступать по направлению от Даркемена на Гольдап, на обходящие левый фланг армии колонны противника и атаковать их.

2. Коннице ген. Хана Нахичеванского и Рауха содействовать 20-му корпусу, наступая на правый фланг противника.

3. Остальным корпусам занять главными силами линию:

а) 26-му корпусу — Спанегельн, Ауловенен;

б) 3-му корпусу — Кл.-Бубайнен, Иодлаукен;

в) 4-му корпусу — Иодлаукен, Коварен, имея левофланговую дивизию в Даркемене, где ей стать фронтом на юг;

г) 2-му корпусу: 26-й пех. дивизией — Коварен, Домбровкен, обеспечивая отход 4-го корпуса; 43-й и 72-й пех. дивизиями удерживать занимаемый ими рубеж.

4. Штаб армии — до 9 часов 10 сентября Инстербург, позже Сталюпенен» [2].

В целях скрытия намеченного ночного отхода, ген. Ренненкампф приказал командирам 3, 4 и 2-го корпусов ночью на 10 сентября произвести демонстративные короткие удары [3].

Проведенная в соответствии с этим атака имела наибольший успех на фронте 4-го арм. корпуса ген. Алиева. Войска этого корпуса на участке Гердауен, Норденбург отбросили противника на 3 *км* к юго-западу и тем самым содействовали отходу других корпусов.

---

1 ЦВИА, д. № 137323, л. 263.
2 Там же, д. № 137304, л. 197.
3 Там же, д. № 137304, л. 92.

Отход 26, 3 и 4-го корпусов должен был обеспечиваться с юга 2-м корпусом (26, 43 и 72-я пех. дивизии), 20-м корпусом (28, 29 и 54-я пех. дивизии) и конницей ген. Хана Нахичеванского и Рауха.

Корпуса начали свой отход не одновременно. Вновь сформированный 26-й корпус (53 и 56-я пех. дивизии) с р. Дейме выступил вечером и беспрепятственно отошел к полудню 10 сентября на фронт Спангельн, Гр.-Бершкален, совершив переход около 30 *км.* Позже этого корпуса, примерно в 3 часа 10 сентября, начал отход 3-й арм. корпус (25 и 27-я пех. дивизии) и к вечеру этого же дня достиг линии Инстербург, Крушинен, пройдя за день около 35 *км.* Еще позже отошел 4-й арм. корпус (30, 40 и 57-я пех. дивизии). Он выступил на рассвете 10 сентября и к исходу того же дня двумя дивизиями остановился на фронте Крушинен, Грибен, а 57-я пех. дивизия, прикрывавшая отход корпуса, была отведена в район Даркемен.

Около 6—10 часов 10 сентября германцы обнаружили отход русских на фронте 1-го рез. и 11-го арм. корпусов. Командир 1-го рез. корпуса ген. Белов, донеся об этом в штаб армии, организовал преследование в направлении на Инстербург.

Командование 8-й германской армии предостерегало корпуса, действовавшие севернее Мазурских озер, от огульного наступления до уточнения обстановки и рекомендовало «наступать осторожно и не сломить себе шею».

Штаб 8-й германской армии только к 12 часам пришел к заключению о том, что 1-я русская армия отходит. В соответствии с этим командование этой армии в полдень отдало приказ о наступлении.

Оценивая противника, германское командование допускало возможность контрнаступления русских из района Инстербурга в юго-западном направлении. Этот ожидаемый удар русских должны были встретить гвард. рез. и 1-й рез. корпуса, которым было указано:

Гвард. рез. корпусу наступать в направлении на Мульдчен и, «ввиду ожидаемого удара противника, держаться значительно уступом назад».

1-му рез. корпусу, наступая вдоль железной дороги Гердауен, Инстербург и выйдя на линию Клонофкен, Фридрихсвальде, окопаться здесь с целью парировать наступление русских.

Оба эти корпуса, не встречая противника, в течение 10 сентября вышли на фронт Мульдчен, Мулк, продвинувшись вперед на 12—15 *км.*

11 и 20-й арм. корпуса, имея задачей выход на фронт Клонофкен, Норденбург, Ангербург, к вечеру того же дня беспрепятственно достигли: первый — района Карповен, установив соприкосновение с войсками 4-го русского корпуса, и второй — фронта Норденбург, Домбровкен.

Обходная группа германцев, наступавшая с утра 10 сентября в северо-западном направлении во фланг и тыл русских, имела весьма слабое охватывающее действие. Такое положение создалось вследствие ошибок германского командования, которое тянуло эту

группу на запад для непосредственного воздействия на оборону противника с тыла, с целью расшатать ее и облегчить наступление корпусов главной группы.

Обнаружив отход русских, командование 8-й германской армии вынуждено было наступление обходной группы повернуть на северо-восток в общем направлении на Гольдап, Даркемен, с целью достичь более глубокого охвата. К вечеру 10 сентября 17-й арм. корпус, наступавший в направлении Даркемен, достиг района восточнее Буддерн. К этому же времени 1-й арм. корпус, двигаясь на Клешовен, вышел в район Бенгхейм и восточнее. Действовавшая на заходящем фланге 8-я кав. дивизия германцев заняла Гольдап.

В районе Лыка находилась обеспечивающая группа в составе 3-й рез. дивизии, ландв. дивизии Гольца и 1-й кав. дивизии. Эти войска, в связи с отходом 22-го арм. корпуса, утратили соприкосновение с противником и топтались на месте.

Таким образом, вечером 10 сентября 8-я германская армия, имея крепостные части на р. Дейме и обеспечивающую группу с юга в районе Лыка, была собрана на тесном фронте Мульдчен, Бенгхейм, общим протяжением не более 50 *км*. На этом фронте было стянуто шесть корпусов, нацеленных в основном на северо-восток.

Судя по группировке, сложившейся к вечеру 10 сентября, вряд ли германское командование могло рассчитывать на оттеснение 1-й русской армии к нижнему течению р. Немана. Обходная группа, которая должна была захлестнуть русских с юга, вследствие отклонения на запад почти не имела охватывающего действия; кроме того, командование 1-й русской армии, хотя и с запозданием, но к вечеру 10 сентября уже имело на левом фланге, в районе Даркемен, Гольдап, группу около 6 пехотных и 3 кавалерийских дивизий.

Использование этой группы было организовано плохо, ее войска бросались в бой разрозненно, что не давало должного эффекта. Так, 10 сентября главную тяжесть ударов принял на себя 2-й корпус: 43 и 72-я пех. дивизии действовали против обходной группы, а 26-я пех. дивизия на участке Норденбург, Ангербург прикрывала отход корпусов севернее Мазурских озер.

26-я пех. дивизия около полудня 10 сентября начала отход и к вечеру достигла района Бейнунен.

43-я пех. дивизия после двухдневного боя против вчетверо превосходившего противника, будучи значительно потрепанной, к вечеру 10 сентября отошла в район Штабинен.

72-я пех. дивизия, имевшая задачей содействие 43-й дивизии, в районе севернее Куттен подверглась сосредоточенному удару 1 и 17-го герм. корпусов, в результате чего большая часть ее была пленена, а остатки отошли и присоединились к 43-й пех. дивизии.

В это же время 20-й арм. корпус, предназначенный для нанесения контрудара из района Гольдап, еще продолжал собираться и к вечеру 10 сентября находился: 28-я пех. дивизия — Кисселькемен, 29-я дивизия — Гавайтен и 54-я дивизия — Мацволя.

Конница ген. Хана Нахичеванского и ген. Рауха — 3 кавалерийские дивизии — в этот день действовала слабо. Встретившись в районе Гольдап с 8-й кав. дивизией германцев, русские оставили этот район, не разгромив своего противника. Обе эти группы русской конницы ночь на 11 сентября провели севернее и южнее Гольдап.

Таким образом, 10 сентября три правофланговых корпуса (26, 3 и 4-й) почти беспрепятственно отошли примерно на один переход. 2-й арм. корпус, прикрывавший с юга отход этих корпусов, принял на себя всю силу удара 20, 17 и 1-го герм. корпусов и понес крупные потери. 20-й арм. корпус лишь вечером этого дня в основном закончил сосредоточение в районе Гольдапа и севернее. Три кавалерийские дивизии ген. Хана Нахичеванского и ген. Рауха за этот день лишь прикрыли от 8-й кав. дивизии германцев коммуникации 2-го арм. корпуса.

На следующий день командующий 1-й армией Ренненкампф предполагал на всем фронте перейти в контрнаступление. Командующий фронтом ген. Жилинский это решение не одобрил и, допуская контрудар лишь на левом фланге, приказал немедленно отвести войска до Гумбинена, а если нужно, и далее [1]. В соответствии с этим ген. Ренненкампф решил отвести войска на фронт: Краупишкен, Гумбинен, Гольдап.

Германское командование, в свою очередь, решило продолжать преследование и указало войскам к вечеру 11 сентября выйти почти на ту же линию, куда отводились русские войска.

В связи с тем, что ген. Ренненкампф утром предполагал наступать, ночь на 11 сентября была упущена, и войска оставались на рубеже, достигнутом накануне. Приказ о дальнейшем отходе был отдан лишь около 7 часов 11 сентября.

Это неверное решение ген. Ренненкампфа, если бы не вмешательство командования фронта, могло 11 сентября поставить войска 1-й армии в весьма тяжелое положение. Они могли оказаться в оперативном мешке юго-западнее Инстербурга, будучи охваченными как с севера, так и с юга.

Затруднения русских войск, возникшие 11 сентября в связи с медлительностью отхода, несколько были облегчены ошибками германского командования, которые выражались в следующем.

Наступавший с утра 11 сентября в направлении на Гумбинен 11-й германский корпус встретил упорное сопротивление со стороны 3 и 4-го русских корпусов, и все наступательные попытки германцев окончились неудачей. В связи с этим командование 8-й германской армии, вместо того чтобы воспользоваться медлительностью отхода русских и еще глубже охватить их, решило на просьбу о помощи командира 11-го арм. корпуса изменить направление наступления обходной группы, указав: 17-му арм. корпусу наступать на Даркемен и 1-му арм. корпусу — на Гавайтен (15 *км* восточнее Даркемен). Эти корпуса были отклонены на запад примерно на 25 *км* от ранее данного им направления наступления.

---

[1] ЦВИА, д. № 137323, л. 265.

Но эта ошибка германского командования несколько была исправлена командирами корпусов. Командир 1-го арм. корпуса ген. Франсуа, войска которого к полудню достигли района Гольдапа, направил на Гавайтен только одну дивизию (2-ю), а другую оставил на прежнем направлении.

В течение дня корпуса 1-й русской армии отошли на правом фланге беспрепятственно, в центре и на левом фланге — с арьергардными боями, удержав позиции 20-м арм. корпусом севернее Гольдап на участке Гавайтен, Тиксельн и вечером 11 сентября располагались в основном на восточном берегу р. Ангерап:

— 26-й арм. корпус — Штиркален, Дваришкен;
— 3-й арм. корпус — Пурпесельн, Тюрен, Пликен;
— 4-й арм. корпус — Карклинен, Дингляукен;
— 2-й арм. корпус — Кариоткемен, Пабельн;
— 20-й арм. корпус — Гавайтен, Тиксельн.

Кавалерийская группа (1 и 2-я гвард. кав. дивизии) ген. Рауха отошла в район Кассубен, прикрывая штаб 1-й армии, находившийся в Сталюпенен.

Кавалерийская группа (2 и 3-я кав. дивизии) ген. Хана Нахичеванского к вечеру собралась в районе Шиткемен, обеспечивая тыловые пути армии.

Стремление командования 8-й германской армии к охвату русских с юга и в течение 11 сентября решающего осуществления не получило. Командиру 1-го корпуса ген. Франсуа одной дивизией, направленной вопреки приказу командующего армией вдоль железной дороги на Сталюпенен, удалось продвинуться в район Гр.-Шакумен, выйдя тем самым на фланг и тыл 20-го русского корпуса.

Все остальные войска в течение дня вели фронтальное преследование, и к вечеру 11 сентября основные силы германцев достигли западного берега р. Ангерап, располагаясь с севера на юг в следующем порядке:

— главный резерв Познани — южнее Гр.-Ауловенен;
— гвард. рез. корпус — Гр.-Бубайнен;
— 1-й рез. корпус — Инстербург, Пурвинен;
— 11-й арм. корпус — Немерсдорф;
— 20-й арм. корпус — Даркемен.

Между р. Ангерап и Роминтенской пущей (северо-восточнее Гольдапа) обходная группа германцев натокнулась на оборону 20-го русского корпуса, атака которой была германцами отложена на утро следующего дня. Войска этой группы достигли:

— 17-й арм. корпус — севернее Клешовен;
— 1-й арм. корпус: 2-я дивизия — южнее Гавайтен и 1-я дивизия — Гр.-Шакумен;
— конный корпус ген. Брехта — Пржеросль, имея задачей глубокий обход в тыл русских.

Прикрывающая группа к этому же времени находилась: 3-я рез. дивизия — Маргграбово, а ландверная дивизия Гольца оставалась в районе Лыка.

В течение 12 сентября русские ночным переходом окончательно

вышли из намечавшегося на протяжении всей операции германского обхода и полностью разрушили основную цель германского командования — прижать к болотистому низовью р. Немана и разгромить 1-ю русскую армию.

О дальнейших событиях командир 1-го корпуса ген. Франсуа пишет следующее:

«Главные силы русских от преследования ускользнули. Корпуса (германские) двигались сосредоточенно в направлении на Гумбинен. Происходили задержки на путях следования, были случаи даже взаимного обстреливания. В конце концов, наступило такое тревожное стеснение похода, что штаб армии решил вывести гвардейский корпус ген. Гальвица из полосы преследования» [1].

Отход корпусов 1-й русской армии в течение 12 и 13 сентября проходил почти при полном отсутствии руководства со стороны командования армии, вследствие чего войска несли не оправдываемые обстановкой большие потери.

По этому поводу командующий фронтом ген. Жилинский, донося в ставку, вечером 12 сентября писал:

«Я приказал одним переходом отойти к линии Катенау, Тракенен. Туда отошли 26 и 3-й корпуса. Остальные 3 корпуса, из коих 2 и 20-й составляли заслон к югу, отходили с боем; но Ренненкампф, положительно лишившийся самообладания, потерял с ними всякую связь... Положение их до сих пор неизвестно, хотя они не могут быть далее 30 *км* от него. Ренненкампф немедленно бежал в Волковышки, порвав связь со мной по телеграфу. Он прямо объят паникой и армией управлять не может».

Между тем «потерянные» 2 и 20-й арм. корпуса ночным маршем оторвались от противника примерно на полперехода, чем и вышли из кризисного положения.

Однако отход проходил под сильным фронтальным давлением со стороны германцев. К вечеру 12 сентября корпуса 1-й армии вышли из Восточной Пруссии и были собраны в треугольнике Владиславов, Вержболово, Волковышки, прикрываясь кавалерией с юго-запада.

13 сентября войска 1-й армии продолжали отход и к утру следующего дня главными силами отошли на рубеж Владиславов, Волковышки, Кальвария, располагаясь с севера на юг в следующем порядке:

— 26-й арм. корпус — Кармишки;
— кав. группа ген. Рауха — Пильвишки;
— 3-й арм. корпус — Волковышки;
— 4-й арм. корпус — Гесторишки;
— 2-й арм. корпус — Мариамполь;
— 20-й арм. корпус — Людвинов;
— кав. группа ген. Хана Нахичеванского — Кальвария.

К этому времени оперативно-стратегическая обстановка как на западе, так и на востоке для Германии и Австро-Венгрии сложилась чрезвычайно неблагоприятно. На западе германская армия

[1] Журнал «Война и мир», № 12, Берлин, 1924 г., стр. 55.

проиграла сражение на Марне и вынуждена была своим правым крылом и центром отходить к северу. На Восточно-европейском фронте русские армии в Галиции одержали крупную победу над австрийцами и вынудили последних отходить к Кракову и Карпатам.

Дальнейший отход австрийцев и продвижение русских к Кракову создали серьезную угрозу Верхней Силезии, германской провинции с высокоразвитой промышленностью.

Поэтому германское верховное командование, в связи с отходом русских армий из Восточной Пруссии, решило оттуда часть сил перебросить в Силезию, с целью во взаимодействии с австро-венгерцами прикрыть эту провинцию и помочь последним.

Во исполнение этого командующий 8-й германской армией ген. Гинденбург, не осуществив плана окружения 1-й русской армии и считая операцию законченной, 13 сентября решил вывести из боя 11, 17, 20-й арм. и гвард. рез. корпуса и 8-ю кав. дивизию, обращаемые на формирование 9-й армии, и немедленно приступить к переброске их в Силезию для выполнения новой операции.

14 сентября эти корпуса были выведены из боя и со следующего дня сосредоточивались к станциям погрузки.

С целью скрытия предпринимаемого маневра, с 14 сентября было начато демонстративное общее наступление всех войск, оставшихся в Восточной Пруссии.

На фронте 1-й армии были оставлены 1-й рез. и 1-й арм. корпуса, 3-я рез. и 1-я кав. дивизии, а против 10 и 2-й армий оставалось несколько ландверных бригад.

В результате предпринятого наступления германцы к вечеру 14 сентября достигли:

— 1-й рез. корпус — Владиславов;
— 1-й арм. корпус — Волковышки;
— 1-я кав. дивизия — западнее Мариамполь;
— 3-я рез. дивизия — Сувалки.

Корпуса, предназначенные к переброске, к этому же времени находились:

— 11-й арм. корпус — Дегесен;
— 20-й арм. корпус — Сталюпенен;
— 17-й арм. корпус — Ромейкен (7 *км* западнее Вержболово);
— гвард. рез. корпус — Инстербург;
— 8-я кав. дивизия — западнее Мариамполь.

Дальнейшие действия германцев на восточно-прусском театре носили демонстративный характер, имея целью ввести противника в заблуждение относительно своих сил, и, нужно сказать, небезрезультатно.

Русское командование, не ведя оперативной разведки, не знало обстановки и намерений противника на Северо-западном фронте и действовало вслепую. Штаб фронта в своих директивах о действиях противника делал совершенно не соответствующие действительности выводы. Так, в директиве от 16 сентября говорится:

«Противник сосредоточивает свои силы в районе Сувалки, имея

сильные отряды на фронте Ортельсбург, Млава и против отступающей 1-й армии».

Из этого видно, что командование Северо-западного фронта ожидало активных действий со стороны германцев в направлении Сувалки, Гродно, а демонстративные действия германцев, предпринятые с 14 сентября, дополнили иллюзию той ложной картины, какую рисовало себе русское командование.

На фронте 1-й армии германцы силами 1-го рез. корпуса потеснили 26-й арм. корпус и вынудили его отойти в районе Средники на восточный берег р. Немана. В районе Мариамполь, где находились 4, 2 и 20-й арм. корпуса, 1-й германский корпус не рискнул атаковать русских, и дело ограничилось с обеих сторон артиллерийским огнем.

Директивой ген. Жилинского от 13 сентября 10-й армии было указано прикрыть район Августов, Гродно и оборонять р. Бобр на участке от реки Березовки до устья. На фронте этой армии 3-я рез. дивизия при содействии ландв. дивизии Гольца ударом от Сувалки на юг оттеснила части 22-го русского корпуса и 17 сентября захватила Августов.

2-я армия демонстративному наступлению германцев 14 сентября дала сильный отпор, но затем, в соответствии с директивой ген. Жилинского от 13 сентября, в которой предписывалось не ввязываться в бой и сохранить возможность беспрепятственного отхода за р. Нарев, в ночь на 15 сентября отошла на юг. Германцы, ограничившись выдвижением в район Цеханов, Прасныш, перешли здесь к обороне.

Неудачный исход операции 1-й армии вслед за поражением армии Самсонова нашел свое отражение в смене командования Северо-западного фронта.

16 сентября ген. Жилинский был отстранен от командования, а на следующий день в командование Северо-западным фронтом вступил ген. Рузский, командовавший до этого 3-й армией.

Вначале ген. Рузский предполагал оставить 1-ю армию на фронте западнее р. Немана, но затем, видимо под влиянием захвата германцами Августова и района Цеханова, Прасныш, 18 сентября отдал ген. Ренненкампфу следующий телеграфный приказ:

«Получив сведения об истинном состоянии корпусов 1-й армии, я усматриваю, что они требуют продолжительного времени для своего устройства. Имея в виду полученные сведения о наступлении противника по обоим берегам Немана по направлению Ковны, предлагаю отвести армию за р. Неман. На армию возлагаются оборона Немана от Меречь до Ковны и обеспечение путей, ведущих от Нижнего Немана к Вильне в обход Ковны с севера. Отход за Неман считаю необходимым для сохранения еще оставшихся у вас частей начать немедленно, не допуская, чтобы противник втянул вас в бой»[1].

Наконец, 19 сентября ген. Рузский решает отвести на восток все войска фронта, с целью создания лучшей группировки армий, для чего была отдана следующая директива:

[1] ЦВИА, д. № 137323, л. 323.

«Противник занимает значительными силами Волковышки, Сувалки, Августов, Граево и также значительные силы сосредоточивает на фронте Прасныш, Цеханов.

В целях более соответственного выполнения войсками фронта задачи, считаю необходимым дать им более сосредоточенное расположение, для обеспечения взаимодействия. Для чего:

1-й армии расположиться за Неманом, обороняя переправы на участке Прены, Мечечь.

10-й армии прикрыть район Белосток, Гродно на линии р. Бобра.

2-й армии отойти на фронт Злотория, Бельск»[1].

Эта директива вскрывает с полной ясностью ложное понимание русским командованием обстановки на восточно-прусском театре войны. Ошибочно допуская возможное наступление германцев в направлении Августов, Гродно, ген. Рузский снимает 2-ю армию с Нарева и оттягивает ее в район Белосток, тем самым обнажая направление на Варшаву с севера.

Директива ген. Рузского в части, касающейся 2-й армии, главным командованием не была утверждена.

В соответствии с этим войска 1-й армии к 21 сентября отошли за Неман, расположившись южнее Ковны с севера на юг в следующем порядке: 3, 4, 2, 20 и 26-й арм. корпуса. Армейская конница, ведя разведку, оставалась на западном берегу Немана.

7. Выводы

На восточно-прусском театре военных действий развернувшиеся в первой половине сентября события, в которых приняли участие до 400 тыс. чел., окончились частичным поражением 1-й русской армии и отходом ее с большими потерями из пределов Восточной Пруссии за Средний Неман.

8-я германская армия, уступая общим силам Северо-западного фронта, значительно превосходила в отдельности ту и другую русские армии. Используя это превосходство и опираясь на хорошо подготовленный восточно-прусский театр, германцы вслед за 2-й армией немедленно обрушились превосходными силами на 1-ю русскую армию, лишая противника времени для сбора сил и организации взаимодействия.

Несмотря на благоприятно сложившуюся обстановку на восточно-прусском театре войны для разгрома русских по частям, германское командование не сумело в операции против 1-й армии с полной эффективностью использовать свои силы. Создав в основном правильное построение операции, германцы допускают ряд ошибок в использовании обходной оперативной группы, направляя ее усилия в целях проталкивания центра, чем значительно уменьшалось ее охватывающее действие. Это обстоятельство явилось одной из основных причин, породивших крах замысла германского командования — прижать 1-ю русскую армию к нижнему течению Немана.

---

[1] ЦВИА, д. № 137323, л. 327.

Однако задача освобождения Восточной Пруссии германцами была выполнена, в результате чего они имели значительные трофеи. По этому поводу ген. Франсуа говорит: «Военная добыча в этом сражении, по отчету Гинденбурга, выразилась в 30 000 пленных и 150 орудий» [1]. Эти цифры более или менее соответствуют действительности.

Такой исход оборонительной операции 1-й русской армии сложился в результате целого ряда причин, к числу которых нужно отнести:

1. Чрезвычайно слабое взаимодействие между армиями фронта, в результате чего 1-я армия была предоставлена, как в свое время армия Самсонова, своим собственным силам.

Командующий фронтом ген. Жилинский 8 сентября, когда уже определенно обрисовался германский обход с юга, мог помочь 1-й армии частями 22-го арм. корпуса, подчинив последний командованию этой армии. Это мероприятие позволило бы связать обходную германскую группу и выиграть время для образования маневренной группы в районе Гольдап, с целью парирования обхода. Однако, как мы знаем, предпринятый такого рода маневр ген. Ренненкампфа оказался запоздавшим, что привело к разрозненным действиям 2-го и 20-го арм. корпусов, составлявших заслон.

2-я армия была удалена от левого крыла 1-й армии свыше 100 *км*, и, чтобы ее наступление в должной мере отразилось на ходе событий восточнее Мазурских озер, она должна была действовать более решительно в направлении Ортельсбурга и севернее, против коммуникаций войск, атаковавших 1-ю русскую армию. Однако ее действия выразились лишь в продвижении до линии границы и потому не оказали сколько-нибудь заметной помощи войскам 1-й армии.

Со стороны ген. Жилинского в этом отношении сделано было мало. Он, вместо того чтобы категорически потребовать от командира 22-го арм. корпуса выполнения приказа от 8 сентября о наступлении из района Лык на север, согласился с необоснованными доводами ген. Бринкена о небоеспособности этого корпуса и 9 сентября, в день наиболее кризисного состояния операции 1-й армии, разрешил отойти ему в район Августов. Помимо того, ряд действий ген. Жилинского не только не помогал 1-й армии, но даже был вреден. Так, в телеграмме на имя ген. Ренненкампфа от 8 сентября, сообщая сведения о противнике, он пишет:

«Обход противника через Иоганисбург, о котором я вам сообщал сегодня, оказался произведенным незначительными силами, которые будут отброшены (кем? когда?), почему сосредоточение 22-го арм. и 3-го сибирского корпусов в районе Лык будет, повидимому, производиться беспрепятственно, усилия их будут направлены к занятию проходов между озерами». Совершенно ясно, что эта телеграмма не способствовала предотвращению кризиса, назревавшего восточнее Мазурских озер, а скорее вводила в заблуждение командование 1-й армии.

---

[1] Журнал «Война и мир» № 12, Берлин, 1924 г., стр. 56.

2. Оперативная разведывательная работа в русских штабах была поставлена слабо, и поэтому командование руководило боевыми действиями чаще всего вслепую. Достаточно указать на то обстоятельство, что штаб 1-й армии за весь период этой операции не знал, какие силы противника наступают на фронте армии, чтобы понять все преступно-безответственное отношение командования к этому важнейшему средству управления войсками и всю безотрадную картину состояния штабной службы в войсках 1-й армии.

Это со всей очевидностью подтверждается разговором 16 сентября начальника штаба фронта ген. Орановского с начальником штаба 1-й армии, в процессе которого первый указал: «Во время всей нашей операции разведка ровно не дала никаких сведений. Мы совершенно не получили сведений о составе германских войск, вас атаковавших. В корпусах они (сведения) наверно имеются; нельзя ли их собрать и сделать из них выборки».

3. Слабая оперативная подготовка высшего русского командования породила целый ряд грубейших ошибок в оперативно-стратегическом руководстве массами войск на театре военных действий.

Управление операцией выражается в первую очередь в своевременной и правильной постановке войскам задач на основе разведывательных данных. Подходя к рассмотрению управления фронтового и армейского командования в операции только с этой точки зрения, мы должны сказать, что задача, поставленная войскам 1-й армии, с целью связать германцев в Восточной Пруссии и выиграть время для решительного окончания сражения в Галиции, была правильная и вполне соответствовала сложившейся к тому моменту действительности.

Однако при выполнении этой задачи, не имея ясного представления о силах и действии противника, русское командование допустило ряд ошибок, породивших неудачный исход операции и отход 1-й армии за Неман.

Во-первых, ген. Ренненкампф избрал для обороны войск армии невыгодный фронт, расположенный по дуге, обращенной выпуклой стороной к противнику. Вследствие этого были созданы условия, благоприятствующие охватывающим действиям германцев, особенно против левого крыла 1-й армии. Этот фронт тянулся от Балтийского моря и оканчивался в Мазурских озерах; по протяжению составлял около 120 *км.*

Основная масса войск 1-й армии располагалась на фронте севернее озер, протяжением около 80 *км.* Одна дивизия составляла заслон в Мазурских озерах и располагалась на участке до 40 *км.* И, наконец, в качестве маневренной группы одна дивизия находилась в армейском резерве, в районе Даркемен.

Таким образом, ген. Ренненкампф, не зная почти ничего о противнике и определяя возможные его действия скорее по догадкам, чем из достоверных данных, не оставил в своих руках достаточно сильной (2—3 дивизии) маневренной группы, чтобы парировать неожиданности. И мы видели, что, как только обнаружился германский обход с юга, ген. Ренненкампф начал импровизировать в обра-

зовании оперативной группы для контрудара, но это запоздалое мероприятие привело к разрозненным, малоэффективным ударам и излишним потерям.

В целях создания более выгодной оперативной группировки армии, что и предлагал в начале операции начальник штаба ген. Милеант, следовало отвести войска на фронт Инстербург, Ангербург, где и организовать оборону, выделив 2—3 пехотные дивизии в маневренную группу и расположив ее в районе Гумбинен.

Во-вторых, ген. Ренненкампф в ходе операции окончательно выпустил из своих рук управление войсками, и 12 сентября штаб 1-й армии не только не представлял ясного положения своих войск, но и не знал даже местонахождения некоторых своих корпусов. Это указывает на то, что своевременная информация как важнейший элемент непрерывности управления была поставлена слабо или совершенно отсутствовала.

Для непрерывности управления необходимо в первую очередь, чтобы войсковой штаб все время был в курсе оперативной обстановки в нужных ему рамках, что может быть обеспечено лишь путем сбора сведений о противнике и своих войсках и своевременной информацией сверху и снизу. Штаб армии должен иметь к концу каждого дня сведения от корпусов о результатах дневного боя.

Вот в основном те причины, которые привели к неудачному исходу операции 1-й русской армии.

Таким образом, неудача в действиях 1-й армии явилась результатом совершенно неудовлетворительного, а подчас явно преступного управления со стороны фронтового и армейского русского командования. Несмотря на эти благоприятные для германцев обстоятельства, командование 8-й германской армии отнюдь не показало себя искусным руководителем войск на театре войны, допустив целый ряд крупных ошибок, о чем мы говорили выше.

Заключение

Восточно-прусская операция, длившаяся около месяца, оказала свое влияние на исход военных событий как на французском, так и на русском фронтах в начальный период войны.

В результате неудачного для германцев исхода сражения под Гумбиненом, где была подвергнута сомнению возможность имевшимися средствами защитить Восточную Пруссию, а также оптимистической оценки хода германских операций против Франции, были оттянуты с запада на восток 11-й арм. и гвард. рез. корпуса и 8-я кав. дивизия. Корпуса эти были взяты из 2 и 3-й армий, действовавших на заходящем ударном крыле германского стратегического фронта в направлении Парижа.

Это ослабление ударного крыла, бесспорно, вошло одной из слагаемых причин проигрыша германцами Марнского сражения.

Таким образом, русские, вынудив германское командование перебросить часть сил с запада на восток, оказали Франции серьез-

ную помощь, сыгравшую крупную оперативно-стратегическую роль в трудный для французской армии момент.

Не менее важное значение восточно-прусская операция имела и в рамках русского фронта. В период первой половины сентября, когда правое крыло Юго-западного фронта наносило удар австро-венгерской армии, войска Северо-западного фронта сковали германцев в Восточной Пруссии и лишили их возможности оказать влияние на ход событий в Галиции. В результате русские, усилив Юго-западный фронт, нанесли австрийцам крупное поражение и вынудили их отойти к Карпатам.

8-я германская армия уступала общим силам Северо-западного фронта, но превосходила каждую отдельно взятую русскую армию. Несмотря на это превосходство германцев и широко развитую сеть железных дорог Восточной Пруссии, ген. Притвиц в сражении под Гумбиненом не сумел использовать это преимущество. Лишь против 2-й армии германцам удается собрать превосходные силы, использовав преимущества действий по внутренним операционным направлениям.

Но последнее было осуществлено не потому, что во главе 8-й германской армии стал новый командующий, ген. Гинденбург, а вследствие предательских, по существу, действий ген. Ренненкампфа, отсутствия четкого и ясного плана фронтовой операции и ненормального развития этой операции. Если планом предусматривались действия 1-й и 2-й армий по сходящимся направлениям, то практически этого не получилось. Действия этих армий до 26 августа были слабо согласованы, а после этого они окончательно оказались в разрозненном положении, выполняя задачи, не связанные общностью цели. Это обстоятельство привело к тому, что фронтовая операция распалась на две операции отдельных армий и, таким образом, создались условия, позволившие германцам нанести последовательные удары этим разрозненно действовавшим армиям.

Войска Северо-западного фронта к началу операции оказались неготовыми к наступлению. Особо следует отметить преступное отношение русского командования к вопросам материального обеспечения войск и питания операции боевыми припасами.

К началу наступления в обеих армиях еще отсутствовали большинство армейских и некоторые корпусные тыловые учреждения, в связи с чем армейские тылы не были организованы, что особенно болезненно сказалось на операции 2-й русской армии, действовавшей в районе со слабо развитой сетью дорог на русской стороне.

Таким образом, операции 1 и 2-й армий к началу наступления, по существу, не были организованы. В понятие организованности фронтовой или армейской операции нужно вкладывать два основных элемента:

— во-первых, постановка своих войск в наивыгоднейшее по отношению противника положение и создание оперативной группировки, обеспечивающей выполнение поставленной задачи и достижение цели операции;

— во-вторых, соответствующее оперативному замыслу построение армейского или фронтового тыла, который должен обеспечить бесперебойность подвоза всего необходимого и эвакуацию всего ненужного войскам.

Только при всестороннем и полном разрешении этих двух вопросов можно считать фронтовую или армейскую операцию организованной. В операции русских армий эти оба вопроса, что указывалось выше, не нашли своего полного разрешения.

Германские войска, в сравнении с русскими, опирались на более подготовленную материальную базу. Германское командование, используя высокоподготовленный восточно-прусский театр, после неудачного сражения под Гумбиненом в кратчайший срок перегруппировало свои войска и обрушилось превосходными силами на 2-ю армию. А с 24 августа в руках германского командования оказалось новое, не менее важное преимущество: с этого дня германцы начали перехватывать русские радиограммы оперативного характера, которые довершили благоприятные условия и позволили им вести борьбу, имея открытыми карты противника.

Со стороны русского командования в этой операции были проявлены слабая оперативная подготовленность и недостаточное умение управлять крупными войсковыми массами на театре войны. Эти недостатки командования еще более усугублялись неподготовленностью театра военных действий.

Основным и роковым недочетом управления фронтового командования являлось то обстоятельство, что оно, ведя операцию вслепую из-за отсутствия оперативной разведки, не сумело организовать взаимодействия армий, а постановкой 1-й армии новой задачи по обложению Кенигсберга окончательно расстроило фронтовую операцию и поставило армии фронта в изолированное друг от друга положение.

Кроме того, командование Северо-западного фронта вмешалось в организацию операции 2-й армии, привязало ее фланговые корпуса к определенным направлениям и районам, что привело к разброске сил этой армии, а затем к разрозненному их поражению.

Командующий 2-й армией ген. Самсонов, находясь со штабом до 26 августа в Остроленке, оторвался от войск свыше пяти переходов, что, при недостаточных средствах связи, лишило его возможности своевременно реагировать на ход событий. В связи с этим штаб этой армии перестал быть органом управления и мог лишь учитывать изменения событий, и то со значительным опозданием.

Действия в маневренных условиях требуют со стороны командования всех инстанций жесткого управления, средствами которого должны являться: во-первых, данные оперативной и тактической разведки о противнике, местности и населении и, во-вторых, непрерывная и быстро действующая связь.

Русское командование в отношении этих обоих средств управления находилось в этой операции в значительно худших условиях, нежели германцы.

Германское командование, перехватывая русские радиограммы, было полностью осведомлено о действиях и намерениях против-

ника и имело в своих руках в достаточном количестве самые различные средства связи. Несмотря на это преимущество, германское командование в этой операции допустило в вопросах управления ряд оплошностей.

Так, 1-й рез. и 17-й арм. корпуса, начиная с 25 и по 30 августа, очень часто не имели связи со штабом 8-й армии и оставались без руководства со стороны командования армии. Действия этих корпусов 26 августа против 6-го русского корпуса явились результатом взаимного соглашения ген. Белова и ген. Макензена. Поэтому взаимодействие между этими корпусами достигалось с большими трениями. В результате германцы, имея четверное превосходство сил против одной русской 4-й пех. дивизии 6-го корпуса, не добились здесь решительных результатов.

Не менее ярким показателем крупного промаха руководства командования 8-й армии являются последующие действия этих же корпусов. 28 августа германское командование впервые в этой операции задалось целью окружить центр 2-й русской армии; при этом 1-й рез. и 17-й арм. корпуса должны были закрыть пути отхода русских из района Гогенштейн на восток и юго-восток.

Командиры этих корпусов, находясь вне руководства командования армии, должны были договориться по вопросам, кому наступать из района Вартенбург на юг, и кто должен был продолжать движение на Алленштейн. В результате возник конфликт, повлекший за собой топтание этих корпусов на месте примерно до 16 часов и невыполнение ими поставленных им задач. Последнее явилось одной из причин краха германского плана окружения 13 и 15-го русских корпусов в районе Гогенштейна.

Это, как видим, отрицательно сказалось на ходе операции 8-й германской армии. 28 августа в пользу германцев сыграло отсутствие связи штаба 8-й армии с 17-м арм. корпусом. 29 августа 17-й арм. корпус, не получив своевременно, за отсутствием связи, приказа о сосредоточении восточнее Алленштейна, продолжал наступление на юг, в направлении на Пассенгейм, чем и замкнул кольцо окружения русских с востока.

Таким образом, день 29 августа принес германцам такие результаты, на которые германское командование не рассчитывало и не ставило перед войсками такой цели. Стечение обстоятельств дало ему военную добычу, выражавшуюся тремя десятками тысяч пленных и до 200 орудий.

Несмотря на эти отрицательные моменты, имевшие место в управлении германского командования в этой операции, метод управления германцев имел много положительных сторон по сравнению с методом управления русского фронтового и армейского командования Северо-западного фронта.

Правда, германское командование в этой операции имело ряд преимуществ, в значительной мере упрощавших управление войсками и сводивших его до степени технического руководства. Но, несмотря на это, метод управления германского командования представляет значительный интерес.

Характерным в управлении командования 8-й германской армии является его динамичность, быстрота реагирования на изменения обстановки путем указания новых задач тем или иным войсковым соединениям и направления их усилий к достижению цели операции.

Командование 8-й германской армии управляло войсками посредством суточных общих приказов и частных приказаний, касающихся того или иного войскового соединения. Метод управления германского командования по своей форме не отличался от способа управления русского армейского командования. Командующие армиями Северо-западного фронта также управляли войсками посредством суточных общих приказов и частных приказаний. Но одна и та же форма способа управления была далеко различна по своему содержанию.

Приказы германского командования основывались обычно на реальных данных обстановки, в большинстве случаев соответствовали действительности и потому являлись действенными документами, организующими усилия войск на выполнение поставленных перед ними задач.

Русское же фронтовое и армейское командование в этой операции, как говорилось выше, чаще всего не знало действительной обстановки, ложно представляло себе поведение противника, особенно в период 20—27 августа, и потому его решения и приказы сплошь и рядом не соответствовали действительности.

Командование 8-й германской армии свой штаб обычно располагало в войсковом тылу, на удалении 20—30 *км* от линии войск. Эта близость к войскам позволяла ему непрерывно быть в курсе обстановки и руководить войсками, почти не выпуская управления из своих рук.

Иначе в этом отношении обстояло дело у русского командования. Штабы армий Северо-западного фронта сильно отрывались от войск, особенно штаб 2-й армии (26 августа — свыше 100 *км*). Это обстоятельство, при недостаточной обеспеченности русских войск средствами связи, лишало армейское командование непрерывности управления. При таком удалении штабов армий от войск значительно запаздывали сводки и донесения корпусов, вследствие чего штаб армии переставал быть органом управления. Поэтому русское командование в управлении войсками чаще всего ограничивалось лишь суточными приказами и этим создавало такое положение, что, отдав приказ, оно выпускало из своих рук управление войсками и не могло систематически влиять на ход боя.

До войны германцы считали русские войска в тактическом отношении слабо подготовленными. Однако ход всей операции показал обратное. Тактическая подготовка русских войск оказалась не ниже германской, а подготовленность русской артиллерии, бесспорно, стояла выше германской. Это подтверждается рядом замечательных тактических побед, одержанных русскими: под Гумбиненом, у Орлау, в районе Ваплица и другие.

Германское командование, ценою принесения в жертву своей союзницы Австро-Венгрии, оттеснило русских из Восточной Прус-

сии. Но это было достигнуто не столько мужеством и отвагой германских войск, сколько в результате ошибок, допущенных в этой операции русским командованием.

К числу причин, приведших к такому исходу операции Северо-западного фронта, следует отнести:

1. Неготовность русских войск к наступлению, явившаяся результатом поспешного развертывания действий против Германии, с целью возможно скорее оказать помощь Франции.

2. Неудовлетворительное управление войсками со стороны русского командования фронта и армий, подчас переходившее в полную растерянность; особенно это имело место у Ренненкампфа при отходе его армии из Восточной Пруссии.

3. Отсутствие взаимодействия между армиями фронта, создавшееся в результате плохого управления войсками. Это обстоятельство привело к поражению армий Северо-западного фронта по частям.

4. Слабая осведомленность русского командования о противнике, явившаяся результатом плохо организованной оперативной разведки, что привело к действиям преимущественно вслепую.

5. Преступное отношение русских штабов фронта и армий к сохранению военной тайны, выразившееся в передаче незашифрованных оперативных радиограмм, которые перехватывались германцами.

6. Неумелая организация операции 2-й армии, в результате чего войска этой армии оказались разбросанными и потерпели поражение по частям.

Директива фронта командующему 1-й армией

№ 1

Гор. Волковыск. (Карта 10 верст в дм.) 13 августа 1914 г.

Противник направил большую часть своих сил на свой западный фронт против Франции. По имеющимся у нас сведениям, в Восточной Пруссии им оставлено от 3 до 4 корпусов и несколько дивизий и ландверных бригад. Авангарды его выдвинуты к границе, но его главные силы находятся, несомненно, за линией озер.

Я предлагаю перейти в решительное против него наступление, с целью разбить его, отрезав от Кенигсберга, и захватить его пути отступления к Висле, для чего: 1-й армии наступать от линии Вержболово, Сувалки на фронт Инстербург, Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера, а 2-й армии — от линии Августов, Граево, Мышинец, Хоржеле на фронт Летцен, Рудшани, Ортельсбург и далее к северу, причем главные силы армии будут направлены на фронт Рудшани, Ортельсбург во фланг и тыл озер.

Таким образом, наступление будет ведено в обход обоих флангов противника, находящегося в озерном пространстве. Имея в своем составе многочисленную конницу, 1-я армия должна, по переходе через Ангерап, возможно глубже охватить левый фланг противника, с целью отрезать его от Кенигсберга. На кавалерию возлагается: заслонить, скрыть от неприятеля направление наших корпусов, закрепить за собой наиболее важные пункты, захватить переправы для нас и разрушить дальше в тылу, дабы помешать угону подвижного состава железных дорог.

Во исполнение изложенного предписываю 1-й армии утром 16 августа перейти границу конницей, поддержанной отрядами пехоты, и оттеснить передовые части противника, закрепив за собою занятые пункты, а 17 августа перейти границу всеми тремя корпусами, входящими в состав армии, направляя их первоначально на фронт Инстербург, Ангербург, а затем развивая наступление в охват левого фланга противника; при этом наступлении надлежит оставить достаточной силы заслон против Летцена, откуда можно ожидать перехода германцев в наступление.

2-я армия будет наступать своим правофланговым корпусом от Августова на Лык, Арис и Летцен, перейдя границу 19 августа.

Неприятель на всем фронте и во всех случаях должен быть энергично, с упорной настойчивостью атакован. Эти указания не касаются укреплений Летцена, на случай атаки коего последует особое приказание.

Линией, разграничивающей районы действия 1 и 2-й армий, назначаю линию селений: Липовка, Поломен, Солтманен, Летцен, причем вся эта линия относится ко 2-й армии.

Главнокомандующий армиями Северо-западного фронта

генерал от кавалерии *Жилинский*

Начальник штаба генерал от кавалерии *Орановский*

Директива фронта командующему 2-й армией

№ 2

Гор. Волковыск. (Карта 10 верст в дм.) 13 августа 1914 г.

Противник направил бо́льшую часть своих сил на свой западный фронт против Франции. По имеющимся сведениям, в Восточной Пруссии им оставлено от 3 до 4 корпусов и несколько резервных дивизий и ландверных бригад. Авангарды его выдвинуты к границе, но главные его силы находятся, несомненно, за линией озер.

Я предлагаю перейти в решительное против него наступление, с целью разбить его, отрезать от Кенигсберга и захватить его пути отступления к Висле, для чего: 1-й армии наступать от линии Вержболово, Сувалки на фронт Инстербург, Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера, а 2-й армии — от линии Августов, Граево, Мышинец, Хоржеле на фронт Рудшани, Пассенгейм и далее к северу во фланг и тыл линии озер.

Таким образом, наступление будет ведено в обход обоих флангов противника, находящегося в озерном пространстве: 1-й армией — с севера, 2-й — с юга.

Во исполнение изложенного предписываю 2-й армии перейти границу на всем фронте конницей, где возможно поддержанной пехотой, 18 августа, а главным силам корпусов — 19 августа, причем к западу от Мазурских озер с линии Мышинец, Хоржеле на фронт Рудшани, Пассенгейм и далее Растенбург, Зеебург должны быть направлены главные силы армии.

Имея в виду чрезвычайно важное для предстоящей операции направление от Августова на Гродно и незаконченность крепости Гродно, считаю необходимым, чтобы 2-й корпус, наступая от Августова на запад, прикрыл вместе с тем указанное направление. Прочному занятию этого направления в первые дни операции, до выяснения способов действий противника, я придаю чрезвычайное значение.

Для предстоящего наступления можно воспользоваться и 2-й пехотной дивизией из Новогеоргиевска, с оставлением в гарнизоне крепости 1-й стр. бригады и бригады из пограничников. Кроме того, сосредоточивающаяся к Малкину с 22-го дня мобилизации 79-я пехотная дивизия будет направлена без высадки ее у Малкина прямо в Новогеоргиевск.

При наступлении к западу от Мазурских озер необходимо иметь в виду, что противник может со стороны Алленштейна атаковать левый фланг 2-й армии, почему в этом направлении должна вестись особенно интенсивная разведка. На кавалерию возлагаю заслонить, скрыть от неприятеля направление наших корпусов, закрепить наиболее важные пункты, захватить переправы для нас и разрушить в тылу, дабы помешать угону подвижного состава железных дорог.

1-я армия перейдет границу на фронте Вержболово, Сувалки главными силами 17 августа и левофланговым корпусом будет направляться от Сувалок на Ангербург, имея заслон к Летцену.

Неприятель на всем фронте и во всех случаях должен быть энергично, с упорной настойчивостью атакован. Эти указания не касаются укреплений Летцена, на случай атаки коего последует особое приказание.

Линией, разграничивающей районы действий 1 и 2-й армий, назначаю линию селений Липовка, Поломен, Солтманен, Летцен, причем вся эта линия считается за 2-й армией.

Главнокомандующий армиями Северо-западного фронта
генерал от кавалерии *Жилинский*

Начальник штаба генерал от кавалерии *Орановский*

Боевой состав 1-й русской армии в августе 1914 года

Командующий армией — ген. от кавалерии Ренненкампф. Начальник штаба — ген.-лейт. Милеант. Генерал-квартирмейстер — ген.-майор Байов.

3-й арм. корпус — ген. от инфантерии Епанчин.

25-я пех. дивизия — ген.-лейт. Булгаков.
1 и 2-я пех. бригады и 25-я арт. бригада.
27-я пех. дивизия — ген.-лейт. Адариди.
1 и 2-я пех. бригады и 27-я арт. бригада.
34-й Донск. каз. полк и 19-я отд. Донск. каз. сотня.
3-й мортирный арт. дивизион.

4-й арм. корпус — ген. от артиллерии Алиев.

30-я пех. дивизия — ген.-лейт. Колянковский.
1 и 2-я пех. бригады и 30-я арт. бригада.
40-я пех. дивизия — ген.-лейт. Короткевич.
1 и 2-я пех. бригады и 40-я арт. бригада.
44-й Донск. каз. полк и 26-я отд. каз. сотня.
4-й мортирный арт. дивизион.

20-й арм. корпус — ген. от инфантерии Смирнов.

28-я пех. дивизия — ген.-лейт. Лашкевич.
1 и 2-я пех. бригады и 28-я арт. бригада.
29-я пех. дивизия — ген.-лейт. Розеншильд-Паулин.
1 и 2-я пех. бригады и 29-я арт. бригада.
46-й Донск. каз. полк и 25-я отд. каз. сотня.
20-й мортирный арт. дивизион.

5-й стр. бригада — ген.-майор Шрейдер.

Армейская конница:

1-я гвард. кав. дивизия — ген.-лейт. Казнаков.
2-я гвард. кав. дивизия — ген.-лейт. Раух.
1-я кав. дивизия — ген.-лейт. Гурко.
2-я кав. дивизия — ген.-лейт. Хан Нахичеванский.
3-я кав. дивизия — ген.-лейт. Бельгард.
1-я отд. кав. бригада — ген.-майор Орановский.

Риго-Шавельская группа:

53, 54 и 68-я пех. дивизии.
51-й Донск. каз. полк. и 24-я отд. каз. сотня.
27-й мортирный арт. дивизион.

Крепость Ковно:

56 и 73-я пех. дивизии.
48-й Донск. каз. полк.

Части, не входившие в корпуса:

57 и 72-я пех. дивизии.
47-й Донск. казачий полк.

Боевой состав 2-й русской армии в августе 1914 года

Командующий армией — ген. от кавалерии Самсонов, а с 1 сентября ген. от кавалерии Шейдеман. Начальник штаба — ген.-майор Постовский. Генерал-квартирмейстер — ген.-майор Филимонов.

1-й арм. корпус — ген. от инфантерии Артамонов (потом ген.-лейт. Душкевич).
22-я пех. дивизия — ген.-лейт. Душкевич (потом ген.-лейт. Марков).
1 и 2-я пех. бригады и 22-я арт. бригада.
24-я пех. дивизия — ген.-лейт. Рещиков
1 и 2-я пех. бригады и 24-я арт. бригада.
35-й Донской каз. полк.
1-й мортирный арт. дивизион.
Тяжелый арт. дивизион.

2-й арм. корпус — ген. от кавалерии Шейдеман.
26-я пех. дивизия — ген.-лейт. Порецкий.
1 и 2-я пех. бригады и 26-я арт. бригада.
43-я пех. дивизия—ген.-лейт. Слюсаренко.
1 и 2-я пех. бригады и 43-я арт. бригада.
31-й Донской каз. полк.
2-й мортирный арт. дивизион.

6-й арм. корпус — ген. от инфантерии Благовещенский.
4-я пех. дивизия — ген.-лейт. Комаров.
1 и 2-я пех. бригады и 4-я арт. бригада.
16-я пех. дивизия — ген.-лейт. Рихтер.
1 и 2-я пех. бригады и 16-я арт. бригада.
22-й Донской каз. полк.
6-й мортирный арт. дивизион.
Тяжелый арт. дивизион.

13-й арм. корпус — ген.-лейт. Клюев.
1-я пех. дивизия — ген.-лейт. Угрюмов.
1 и 2-я пех. бригады и 1-я арт. бригада.
36-я пех. дивизия — ген.-лейт. Преженцев.
1 и 2-я пех. бригады и 36-я арт. бригада.
13-й мортирный арт. дивизион.

15-й арм. корпус — ген. от инфантерии Мартос.
6-я пех. дивизия — ген.-лейт. Торклус.
1 и 2-я пех. бригады и 6-я арт. бригада.
8-я пех. дивизия — ген.-лейт. Фитингоф.
1 и 2-я пех. бригады и 8-я арт. бригада.
2-й Оренбургский каз. полк.
15-й мортирный арт. дивизион.

23-й арм. корпус — ген. от инфантерии Кондратович.
2-я пех. дивизия — ген.-лейт. Мингин.
1 и 2-я пех. бригады и 2-я арт. бригада.
3-я гвард. пех. дивизия — ген.-лейт. Сирелиус.
1 и 2-я гвард. пех. бригады и 3-я гвард. арт. бригада.

Армейская конница:
4-я кав. дивизия — ген.-лейт. Толпыго.
6-я кав. дивизия — ген.-лейт. Роол.
15-я кав. дивизия — ген.-лейт. Любомиров.

Боевой состав 8-й германской армии в августе 1914 года

Командующий армией — ген. от инфантерии Притвиц фон Гафрон, а с 23 августа — фон-Гинденбург.

Начальник штаба — ген. Вальдерзее, а с 23 августа—ген.-майор Людендорф.

Первый офицер генерального штаба — полковник Гофман.

Обер-квартирмейстер — ген.-майор Грюнерт.

1-й арм. корпус — ген. от инфантерии Франсуа.
1-я пех. дивизия: 1 и 2-я пех. бригады и 1-я арт. бригада.
2-я пех. дивизия: 3 и 4-я пех. бригады и 2-я арт. бригада.

17-й арм. корпус — ген. от кавалерии Макензен.
35-я пех. дивизия: 70 и 87-я пех. бригады и 35-я арт. бригада.
36-я пех. дивизия: 69 и 71-я пех. бригады и 36-я арт. бригада.

20-й арм. корпус — ген. от артиллерии Шольц.
37-я пех. дивизия: 73 и 75-я пех. бригады и 37-я арт. бригада.
41-я пех. дивизия: 72 и 74-я пех. бригады и 41-я арт. бригада.

1-й рез. корпус — ген.-лейт. Белов.
1-я рез. дивизия: 1 и 72-я рез. бригады и 1-й рез. арт. полк.
36-я рез. дивизия: 69 и 70-я рез. бригады и 36-й рез. арт. полк.

3-я рез. дивизия — ген.-майор Морген.
5 и 6-я рез. бригады и 3-й рез. арт. полк.

1-я кав. дивизия — ген.-лейт. Брехт.
1, 2 и 41-я кав. бригады по 2 полка.
1-й полк конной артиллерии.

Ландверная дивизия — ген.-лейт. Гольц.
33 и 34-я ландв. бригады и арт. полк

35-я рез. дивизия — ген.-лейт. Шметау.
(из крепости Торн) 5 и 20-я ландв. бригады и арт. полк.

6-я ландв. бригада — 32 и 49-й ландв. полки.

70-я ландв. бригада — 5-й и 18-й ландв. полки.

Главный резерв крепости. Грауденц — дивизии ген.-майор Унгер.
Бригада ген. Земмер.

Крепость Кенигсберг — ген.-лейт. Паприц.
Главный резерв — ландв. дивизия ген. Бродрюка.
2-я ландв. бригада — 4 и 33-й ландв. полки.
9-я ландв. бригада — 24 и 48-й ландв. полки.

Крепость Летцен — полковник Буссе.
$4^1/_2$ ландв. батальона и 1 эскадрон.

Усиление 8-й германской армии, прибывшее к 4 сентября с французского фронта:

11-й арм. корпус — ген. Плюсков.
22-я пех. дивизия.
38-я пех. дивизия.

Гвард. рез. корпус — ген. Гальвиц.
1-я рез. гвард. дивизия.
3-я гвард. дивизия.

8-я кав. дивизия — ген. Шуленбург.

Приложение 6

Схема организации русского армейского корпуса в 1914 г.

Дивизия		Дивизия	
Бригада	Бригада	Бригада	Бригада
Полк 4 3 2 1 Полк 4 3 2 1	Полк 4 3 2 1 Полк 4 3 2 1	Полк 4 3 2 1 Полк 4 3 2 1	1) Полк 4 3 2 1 Полк 4 3 2 1
2) Казачий полк - 6 сотен			
Артиллерийская бригада		Артиллерийская бригада	
Арт. дивизион	Арт. дивизион	Арт. дивизион	Арт. дивизион
	3) 3 батареи 76-мм пушки		
4) Мортирный дивизион - 2 батареи			

Приложение 7

Схема организации германского армейского корпуса в 1914 г.

Дивизия		Дивизия	
Бригада	Бригада	Бригада	Бригада
Полк 3 2 1 Полк 3 2 1	Полк 3 2 1 Полк 3 2 1	Полк 3 2 1 Полк 3 2 1	1) Полк 3 2 1 Полк 3 2 1
3 эск. Дивизионная конница		3 эск. Дивизионная конница	
Артиллерийская бригада		Артиллерийская бригада	
Арт. полк	Арт. полк	Арт. полк	Арт. полк
6 батарей 77-мм пушки	3 батареи 105-мм гаубицы 3) 3 батареи 77-мм пушки	6 батарей 77-мм пушки	3 батареи 105-мм гаубицы 3 батареи 77-мм пушки 2)
4) Дивизион тяжелого арт. полка - 4 батареи 5)			

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ленин*, Соч., тт. II и XIX, изд. 3-е.
2. *История ВКП (б) (краткий курс).*
3. *Меликов*, Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войн, т. I, изд. Военной академии, 1935 г.
4. *Зайончковский*, Мировая война 1914—1918 гг. (маневренный период на русском фронте), ГВИЗ, 1929 г.
5. *Зайончковский*, Подготовка России к мировой войне, ГВИЗ, 1926 г.
6. *Головин*, Из истории кампании 1914 г. на русском фронте, Прага, 1926 г.
7. *В. Новицкий*, Мировая война 1914—1918 гг., тт. I и II, ГВИЗ, 1938 г.
8. *Людендорф*, Воспоминания, т. I, изд. ВВРС, 1923 г.
9. *Фалькенгайн*, Верховное командование, ГИЗ, 1923 г.
10. *Эльце*, Танненберг, Берлин, 1927 г.
11. *Гофман*, Война упущенных возможностей, ГИЗ, 1925 г.
12. *Рогвольд*, Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (август — сентябрь 1914 г.), изд. 1926 г.
13. *Краткий стратегический очерк войны 1914—1918 гг.* (Русский фронт), Вып. 1, изд. 1918 г.
14. *Журнал „Война и мир“ № 12*, изд. Берлин, 1924 г.
15. *Гофман*, Записки и дневники, изд. „Красная газета“, 1929 г.
16. *Шефер*, Танненберг, изд. „Рейхсархива“, т. XIX, Берлин.
17. *Цихович*, Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., т. I., изд. ВВРС, 1922 г.
18. *Рейхсархив*, т. II. „Мировая война“.
19. *Барсуков*, Русская артиллерия в мировую войну, т. I, Воениздат, 1938 г.
20. *Верт*, Танненберг (на французском языке), Париж, 1935 г.
21. *Материалы следственной комиссии ген. Пантелеева, хранящиеся в Генеральном штабе РККА.*
22. *Радус-Зенкович*, Очерк встречного боя. (По опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г.), изд. ПУР, 1921 г.
23. *Дела Центрального военно-исторического архива.* 4050, 123329, 137300, 137304, 137306, 137323, 137342, 137364, 137399.

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ

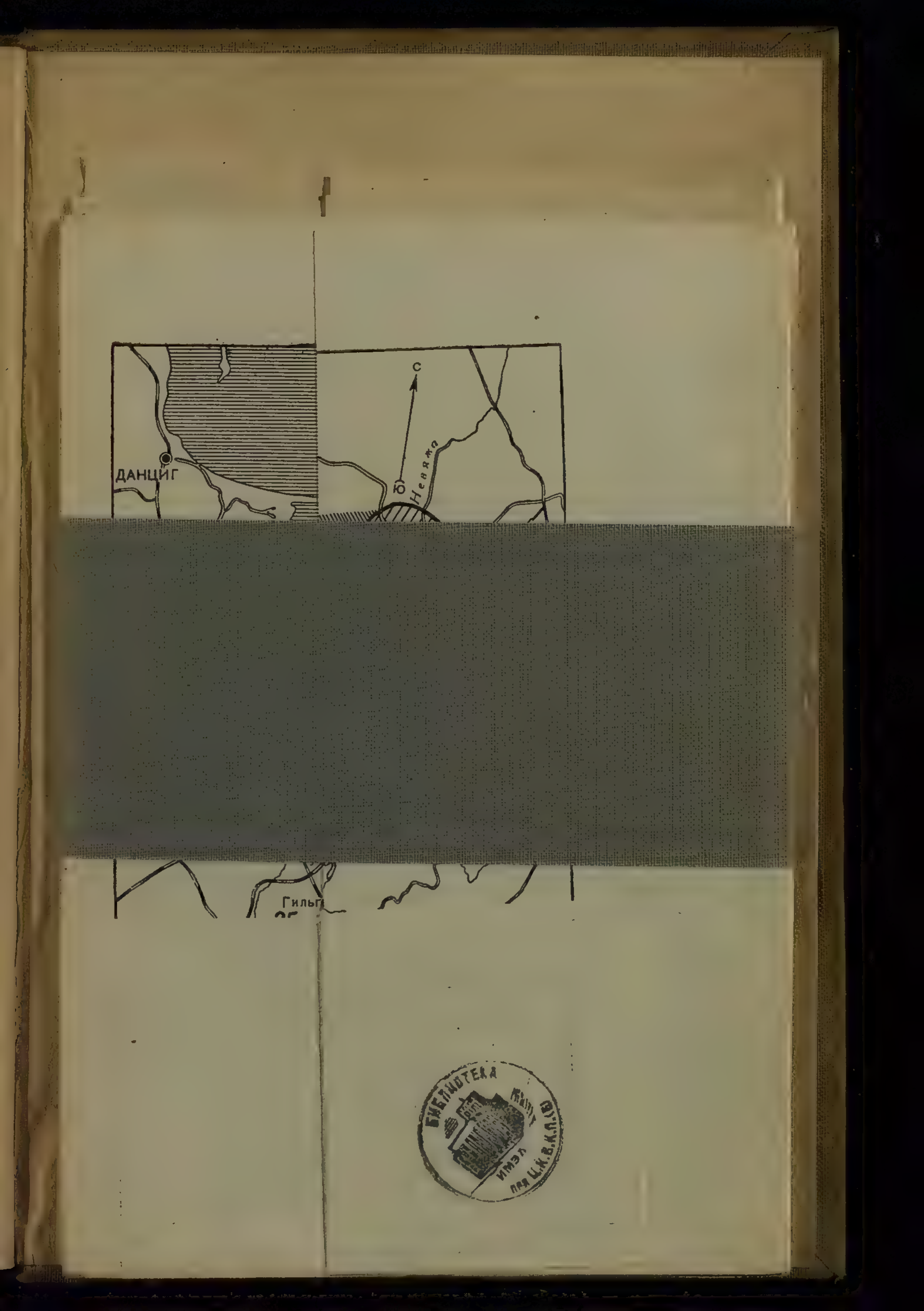
СОДЕРЖАНИЕ

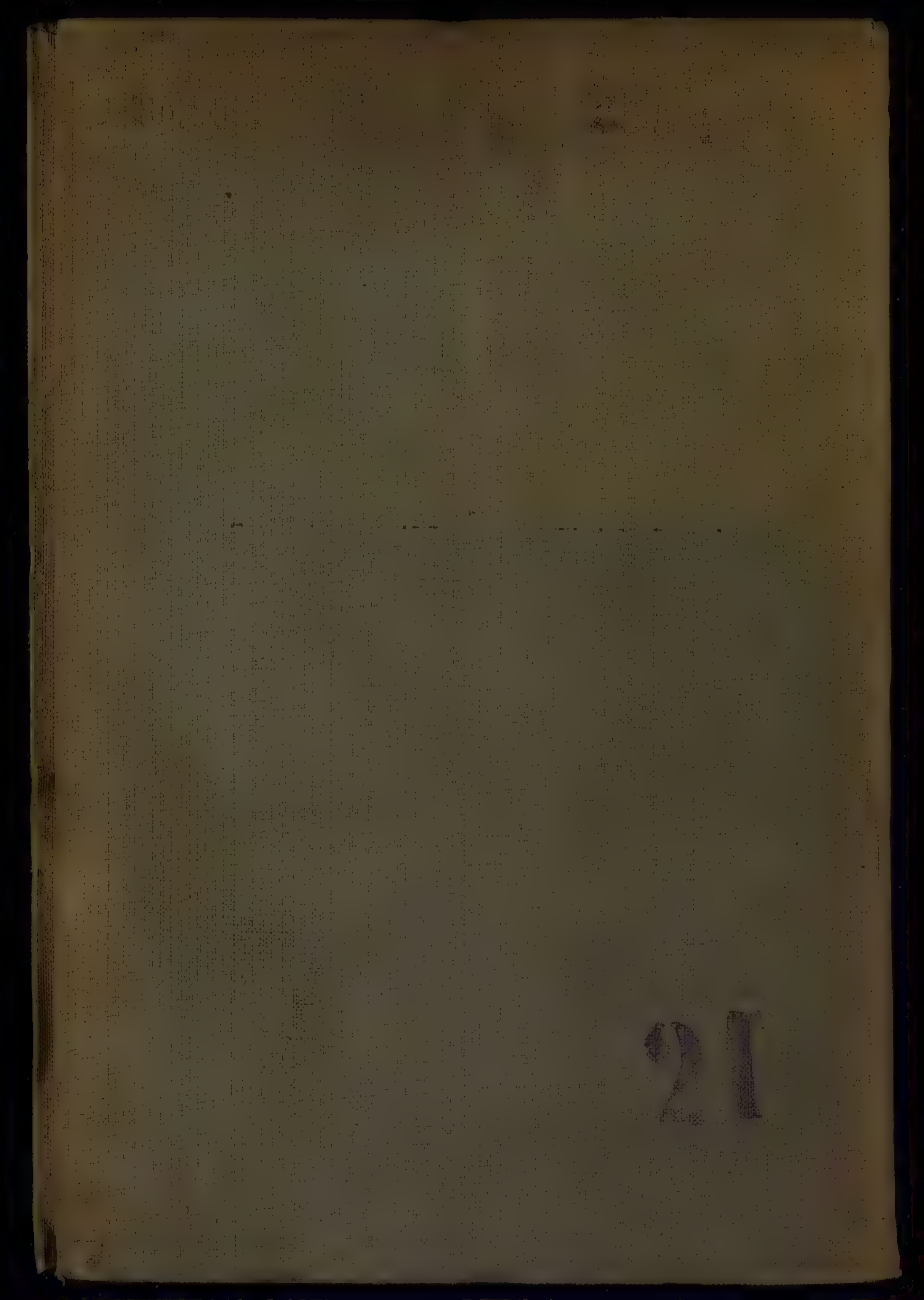

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присылать отзывы на эту книгу по адресу:

МОСКВА, ОРЛИКОВ ПЕР., 3
ВОЕНИЗДАТ

ДАНЦИГ
С
Ю
Неяжа

21

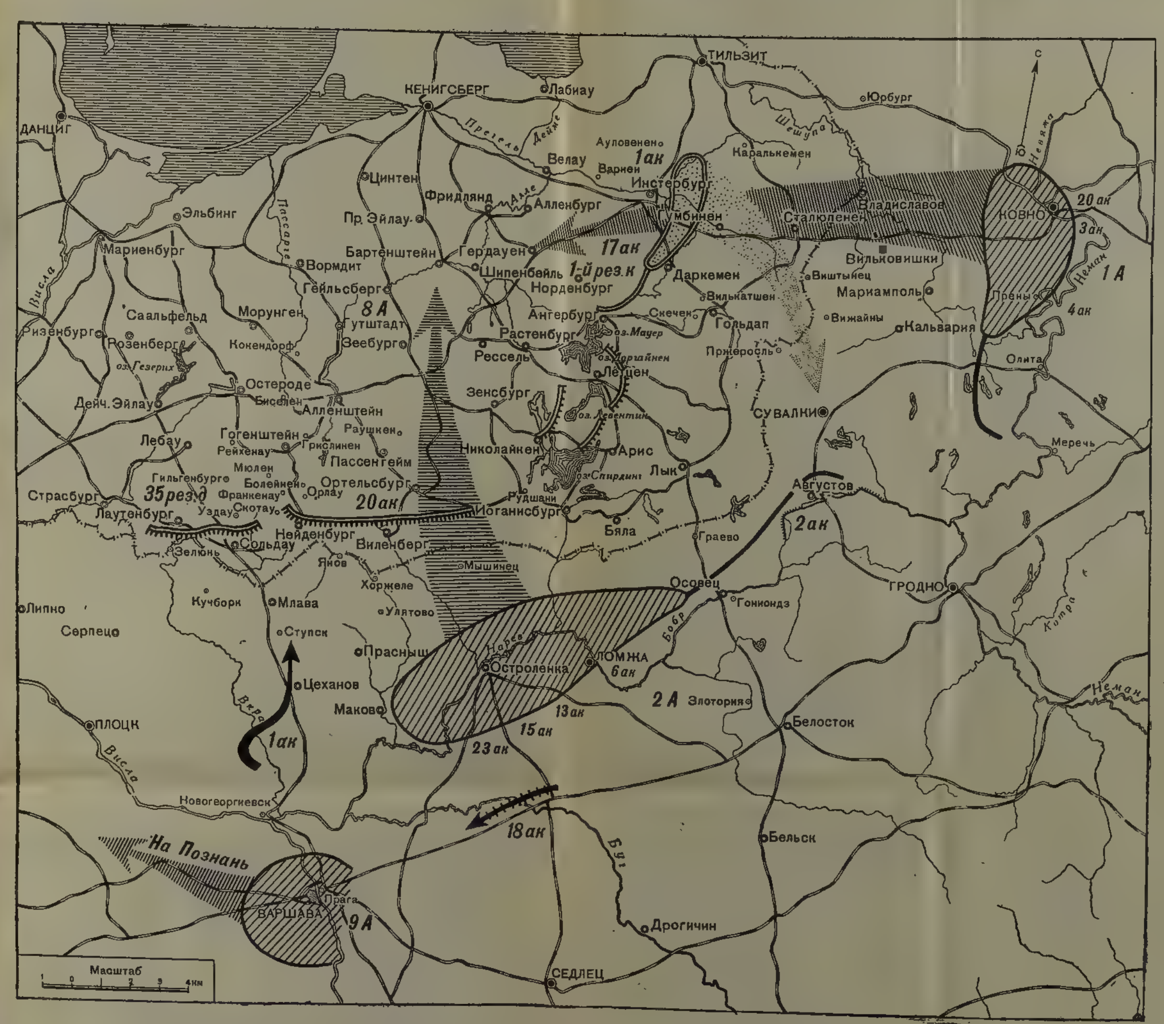

Схема 1. **Планы стратегического сосредоточения и развертывания сторон в августе 1914 г.**

Восточно-прусская операция.

Схема 2. Встречное сражение под Гумбиненом 19—20 августа 1914 г.

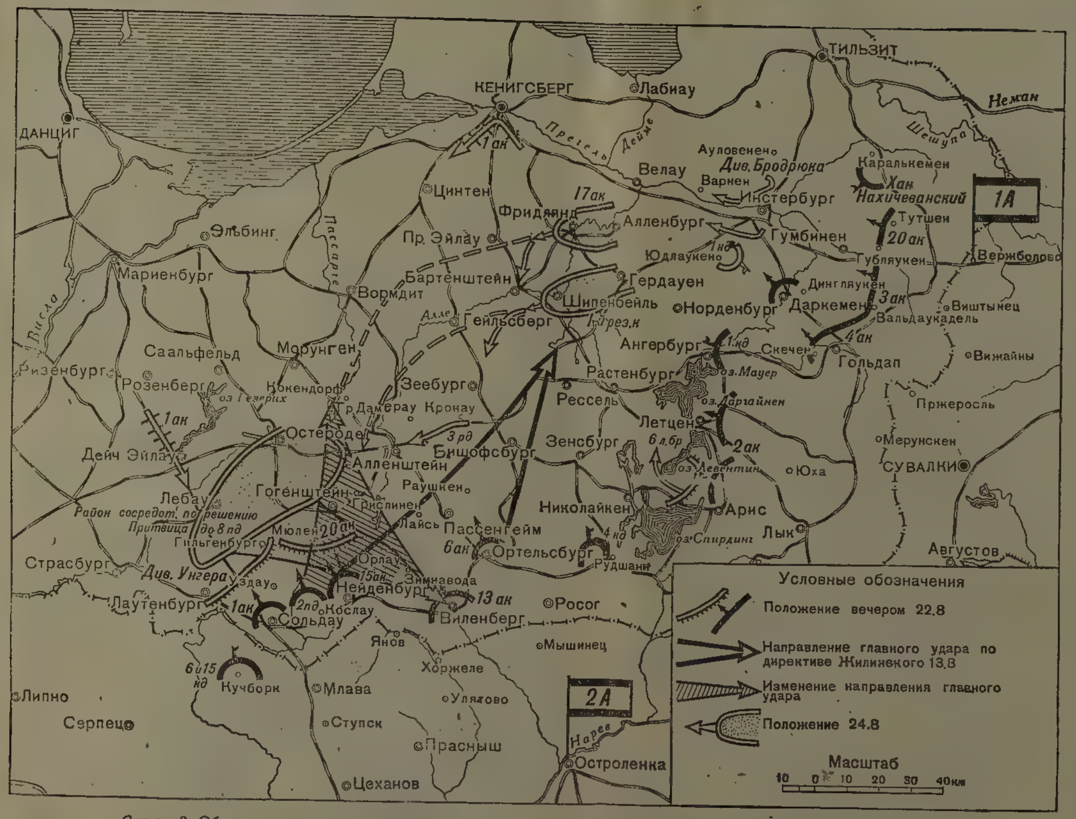
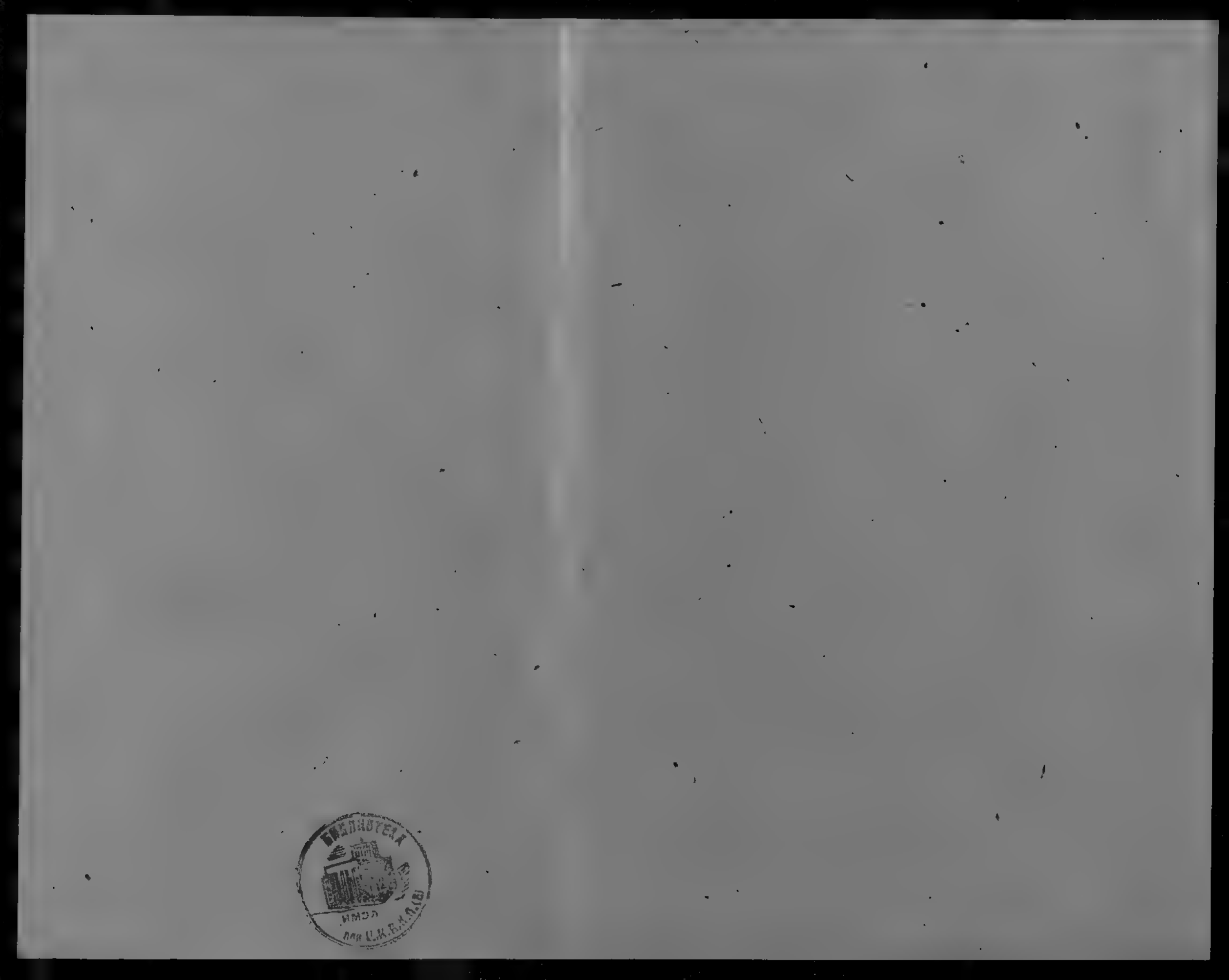

Схема 3. Общая идея планов сторон и перегруппировка 8-й германской армии 21—25 августа 1914 г.

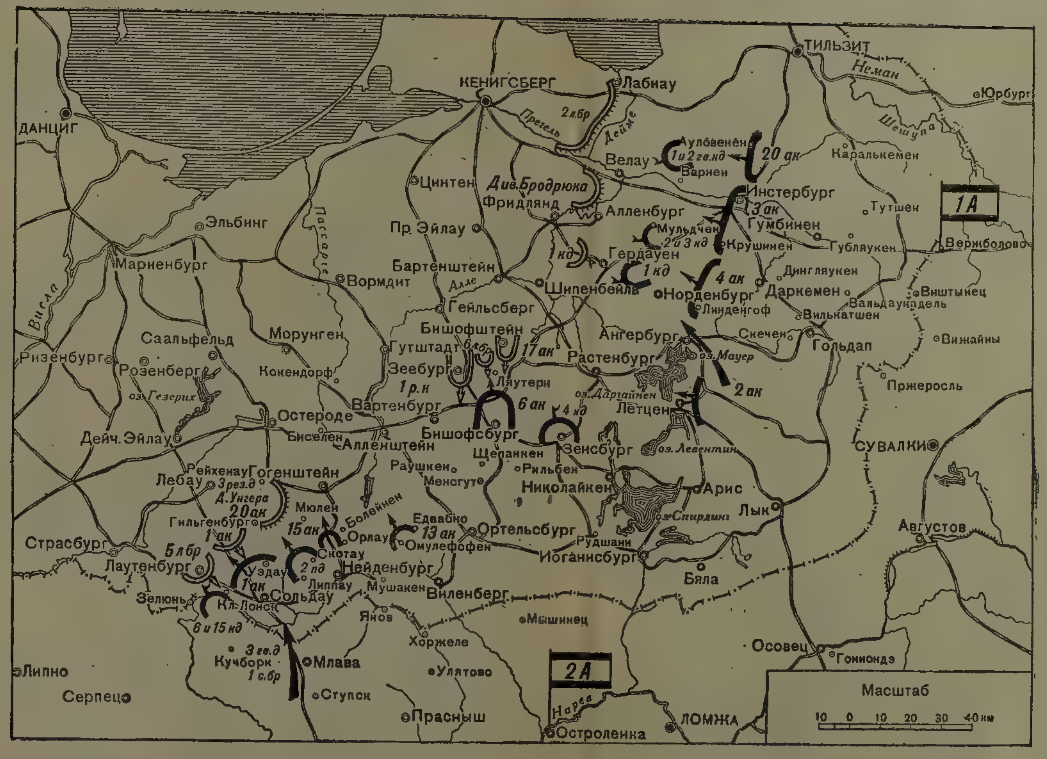

Схема 4. **Общая обстановка на фронте 1-й и 2-й русских армий вечером 25 августа 1914 г.**

Восточно-прусская операция.

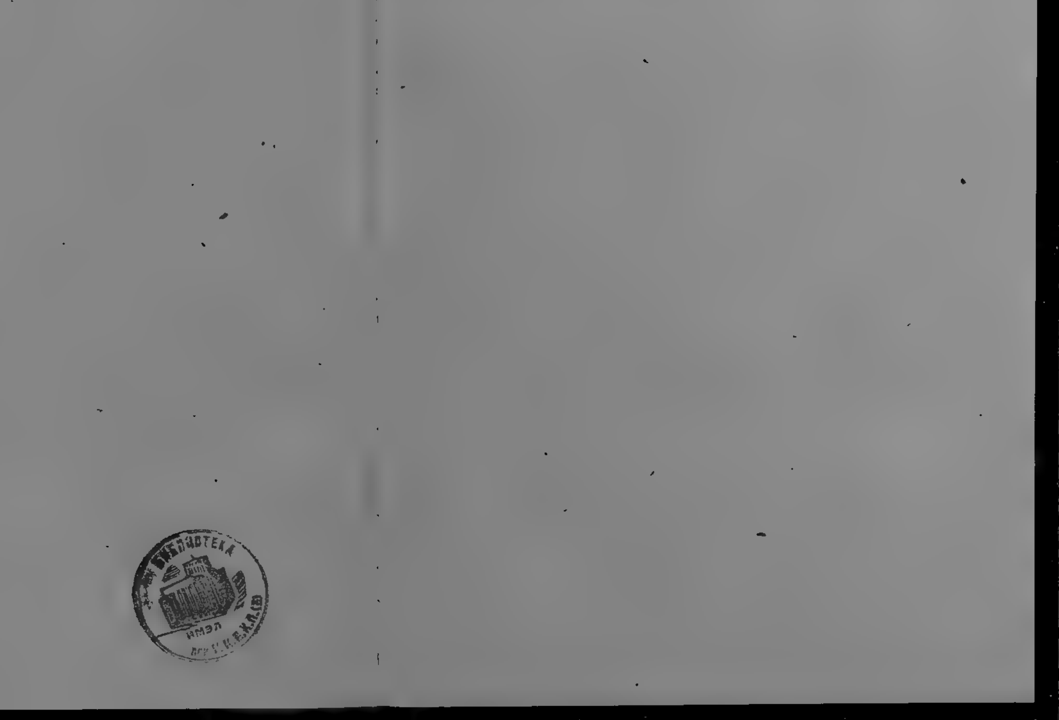

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ

Схема 5. Общий ход операции 26 и 27 августа 1914 г.

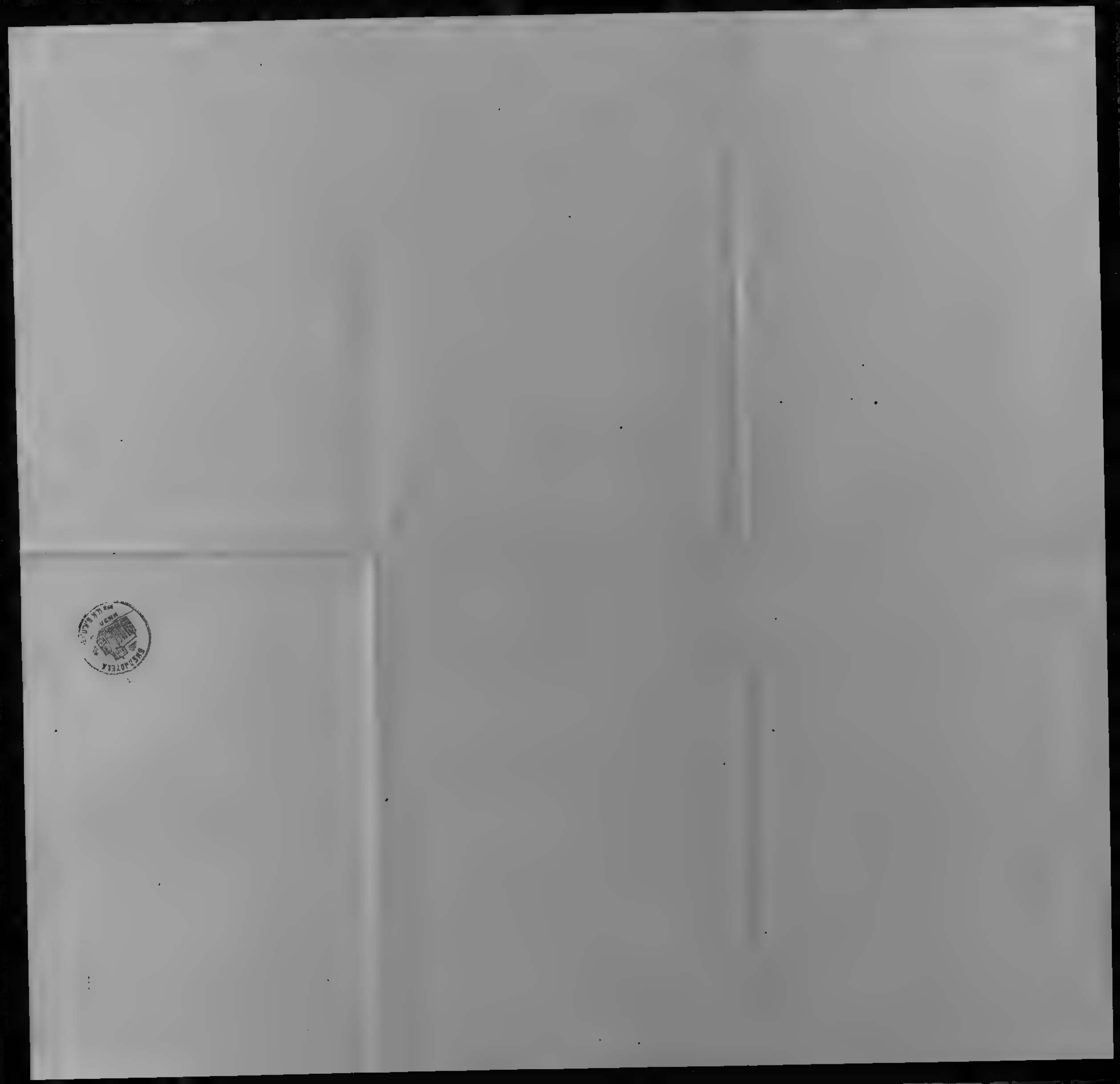
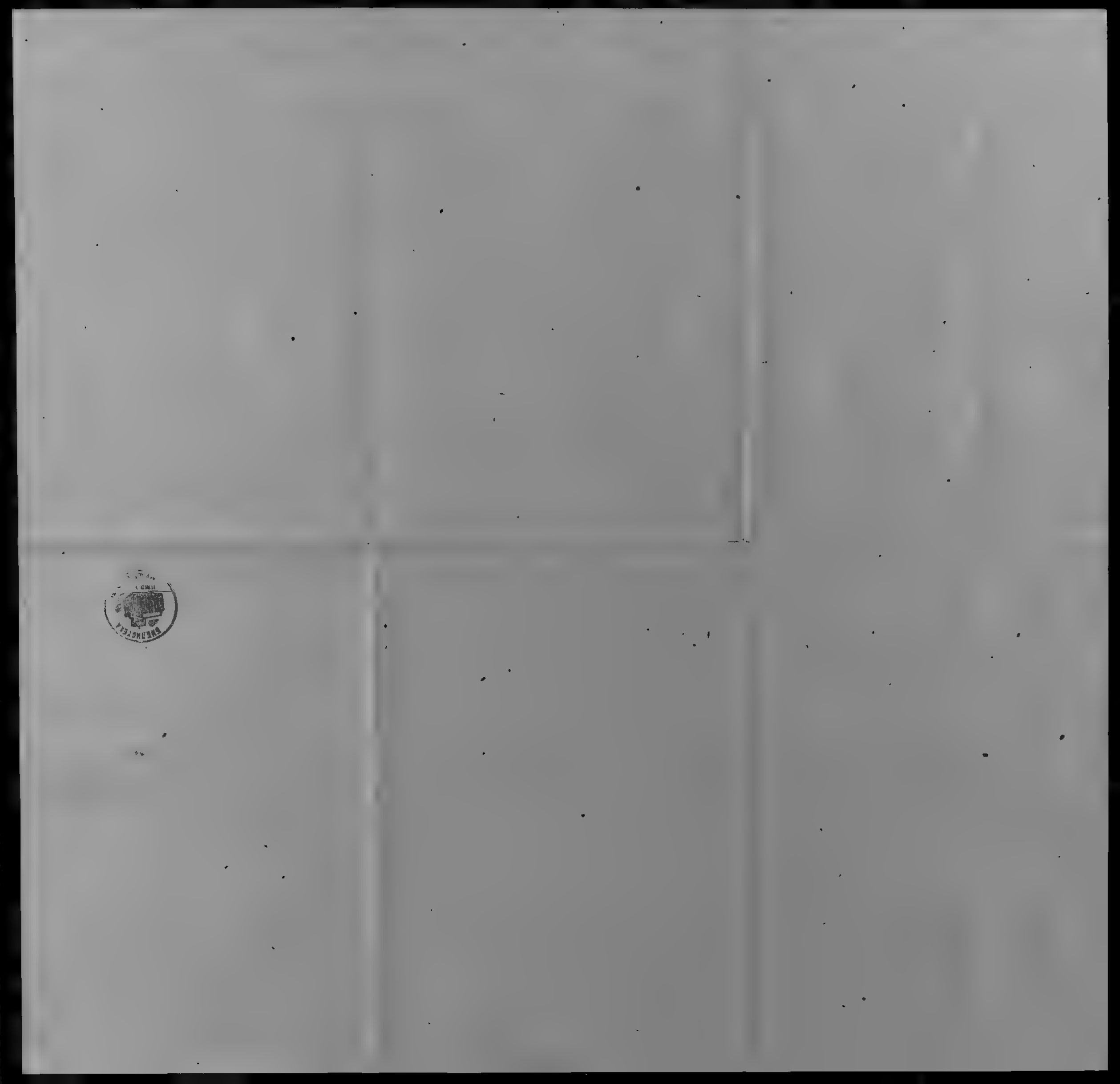

Схема 6. Общий ход операции 28—30 августа 1914 г.

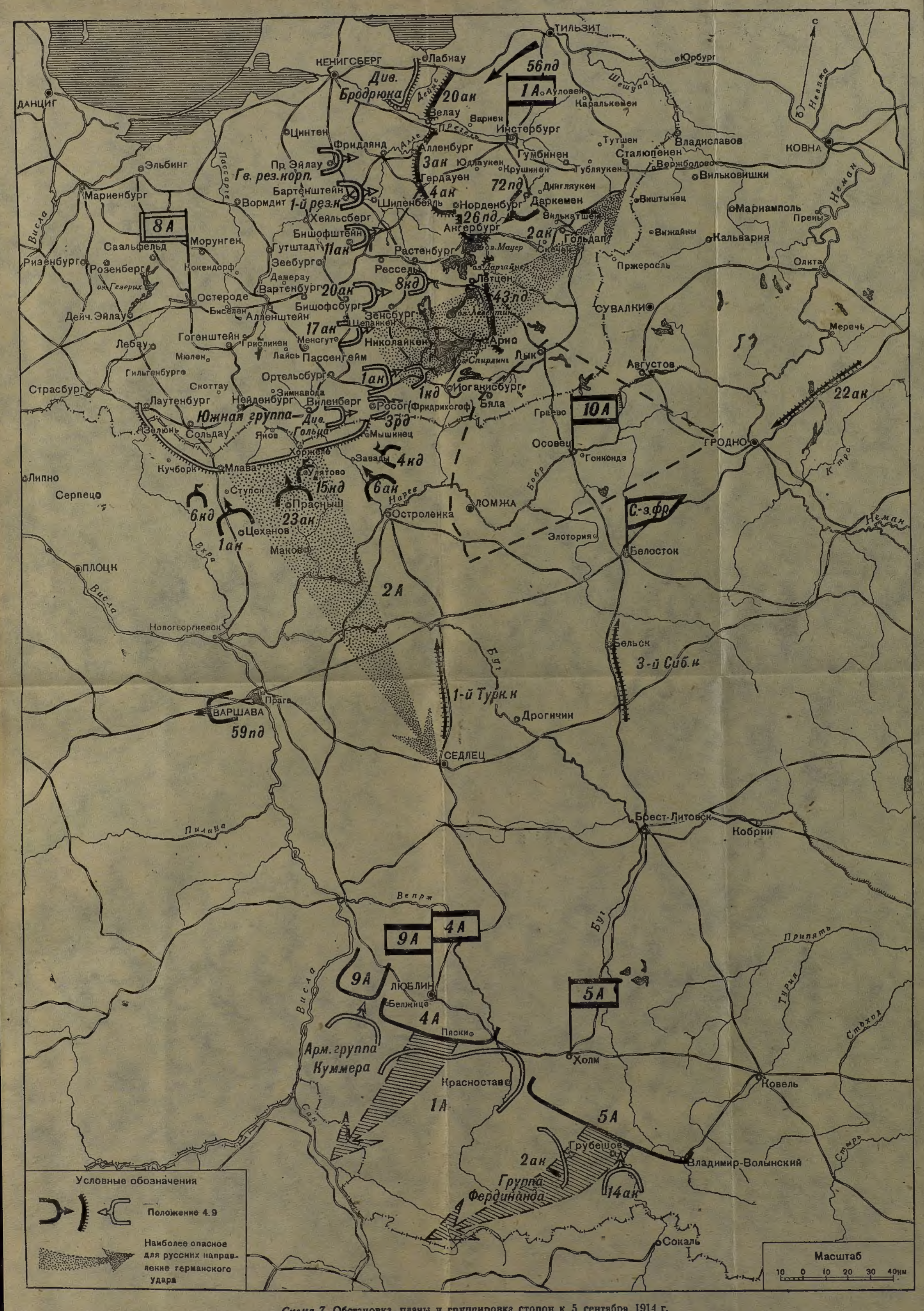

Схема 7. Обстановка, планы и группировка сторон к 5 сентября 1914 г.

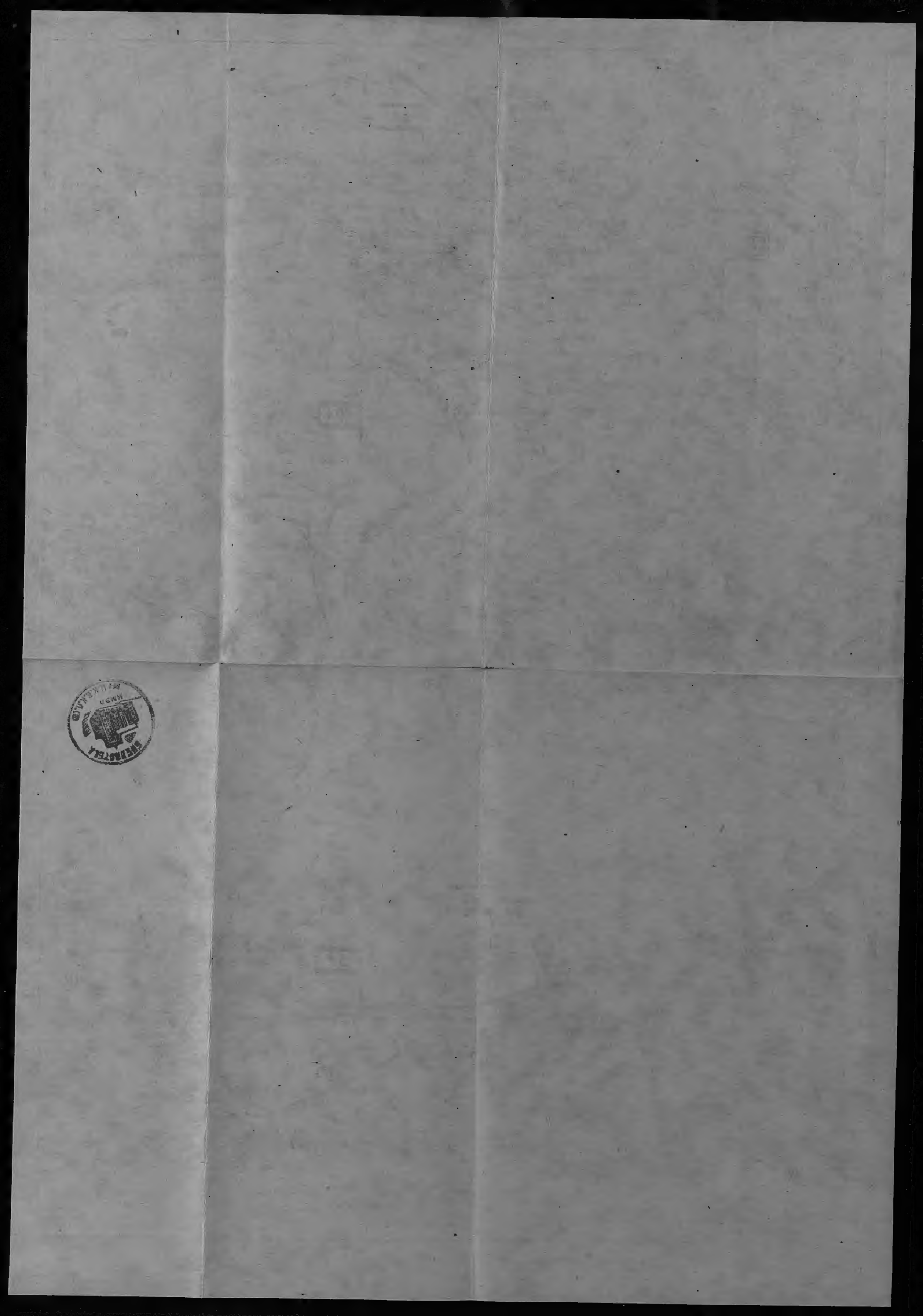

Схема 8. Общий ход оборонительной операции 1-й армии 6—15 сентября 1914 г.

Восточно-прусская операция.

